

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

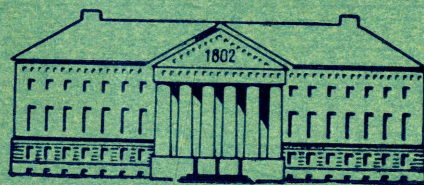
VIHIK 245 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XIV

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1970

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
2	2 сверху	HA	HX

Заказ № 3115

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 245

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XIV**

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1970

Редакционная коллегия:

Б. Гаспаров, А. Метса, Х. Пак, С. Смирнов (отв. редактор)

По техническим причинам произведены следующие замены старославянских букв:

Ѹ — y
Ѩ — ю
Ѧ — а
Ѫ — я
ꙋ — s
Ѣ — E
Ѧ — я

ω — o
Ѣ — e
Ѧ — ф
i — t
r — v
π — r

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ СТРОЕНИЯ ИХ ПАРАДИГМ

Б. М. Гаспаров

Любое конкретное предложение русского языка, встреченное нами в тексте, мы можем представить, отвлекаясь от его лексического состава, как сочетание формальных классов. Это дает возможность все бесконечное множество высказываний, обнаруживаемых в речи, свести к конечному числу структурных типов, создав тем самым необходимую предпосылку классификации этих типов.

Введем прежде всего условные обозначения тех понятий, с которыми нам предстоит оперировать в дальнейшем. Нам надо обозначить определенным образом, во-первых, формальные классы, в которых мы будем представлять предложение, во-вторых, категории, лежащие в основе парадигм данных классов.

Обозначим формальные классы частями слов, представляющими сокращение предложенных наименований. Здесь предлагаются следующие обозначения (в скобках указывается полное наименование соответствующего класса):

- 1) Сущ. (существительное, субстантивный класс)
- 2) Прил. (прилагательное, адъективный класс)
- 3) Мест. пр. (местоименное прилагательное)
- 4) Мест. л. (личное местоимение)
- 5) Мест. сущ. (местоименное существительное)
- 6) Числ. (числительное)
- 7) Гл. (глагол)
- 8) Инф. (инфинитив)
- 9) Кв. -имп. (квази-императив)
- 10) Св. (связка)
- 11) Св. инф. (связочный инфинитив)
- 12) Св. кв.-имп. (связочный квази-императив)
- 13) Прил. кр. (краткое прилагательное)
- 14) Пред. (предикатив)

- 15) Нар. гл. (приглагольное наречие)
- 16) Нар. им. (приименное наречие)
- 17) Деепр. (деепричастие)
- 18) Мод. (модальные слова, «слова-предложения»).
- 19) Межд. (междометия)

Рассмотрение парадигм перечисленных формальных классов убеждает нас в том, что они образуются в целом следующими семью категориями — наклонения, времени, вида, рода, лица, числа и падежа. Для каждого класса, имеющего парадигму, характерен некоторый определенный набор из этого общего списка категорий.

Обозначим теперь данные семь категорий следующим образом:

категория наклонения	— н	категория лица	— л
категория времени	— вр	категория числа	— ч
категория вида	— в	категория падежа	— п
категория рода	— р		

Таким образом, обозначая составляющие синтаксической структуры в терминах соответствующих формальных классов, мы можем уточнить это обозначение, указав, где это необходимо, также форму данных элементов. Указания на форму элементов структуры предложения будут даваться в виде индексов вверху после обозначения класса. Например, предложение *Птица летит* может быть представлено в данной системе условных обозначений как Суш.^{н.п.} + Гл. Аналогично, предложение *Он пришел* получит следующее обозначение — Мест.^{л.н.п.} + Гл., предложение *Он был здесь* — как Мест.^{л.н.п.} + Св. + Нар.^{гл.} Нетрудно заметить, что в качестве уточняющих индексов в некоторых случаях действительно необходимо выносить лишь обозначения «связанных»¹ категорий, то есть таких, состояние которых оказывается постоянным, обязательным для данной структуры. Свободные же категории, изменяющиеся в различных вариантах структуры, могут не выноситься в формулу последней. Таковы в наших примерах категории наклонения, времени, вида у глаголов, числа у существительного и местоимения и некоторые другие. Уточнение состояния таких категорий оказывается необходимым лишь в том случае, когда речь идет о том или ином конкретном варианте синтаксической структуры, а не об общей формуле последней.

Каждой формуле предложения (или, вернее, ядерной структуре предложения) может быть сопоставлена, в свою очередь,

¹ Подробнее о понятиях свободной и связанной категорий в связи с понятием парадигмы предложения см. нашу статью «О генеративном принципе изучения предложения». «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 219, Тарту, 1968.

некоторая формула, показывающая строение парадигмы этого предложения. Такую формулу будет составлять, очевидно, указание на то, какие именно из категорий для данного предложения являются свободными, то есть допускают варьирование при грамматическом оформлении предложения. Совокупность свободных категорий и конституирует, следовательно, соответствующий набор вариантов, составляющий парадигму рассматриваемой структуры. Поэтому формула парадигмы той или иной структуры может быть представлена как перечень категорий с указанием их свободного или связанного для данной структуры характера. Последнюю характеристику мы будем обозначать соответственно знаками + и — при наименовании каждой категории. В данной системе обозначений структура парадигмы предложения *Он пришел*, например, может быть представлена как $n + v_r + v + p + l + ч + п -$. Мы будем также в целях единообразия сохранять везде принятый здесь порядок следования категорий.

Итак, нам предстоит выявить формулы ядерных синтаксических структур, имеющихся в русском языке, определить их парадигмы и на основании последних выявить типы структур.

Каким путем может быть выполнена эта задача? По-видимому, обращение непосредственно к текстам с целью извлечь путем прямого наблюдения все существующие типы в принципе не может гарантировать нам полноты описания. Сколь большое количество текстов мы ни просмотрим, у нас не будет при этом никакой гарантии того, что обнаруженным в этих текстах материалом исчерпываются существующие языковые возможности. Данную проблему нельзя также решить, обращаясь к каким-либо, хотя бы и наиболее полным, уже имеющимся описаниям синтаксических типов — например, к Академическому синтаксису. Нетрудно убедиться, что любое, самое подробное описание далеко не учитывает всего многообразия комбинаций словесных форм, в принципе возможных в синтаксических структурах русского языка. В этом отношении синтаксическое описание испытывает, пожалуй, значительно большие трудности, чем морфологическое, поскольку в последнем случае еще есть возможность представить если не исчерпывающее, то по крайней мере чрезвычайно полное перечисление словесных форм, от короткого можно было бы отправляться.² Для синтаксического же описания подобный метод, повторяем, неприменим.

В силу этого соображения мы считаем необходимым вести исследование в совершенно противоположном порядке: не от наблюдаемых в тексте (или собранных в каком-либо описании) фактов к их обобщению в определенные типы, а, напротив, от

² Так поступает, в частности, А. А. Зализняк, принимая практически некий достаточно полный корпус имен, данный в словаре, за исчерпывающий перечень. См. А. А. Зализняк, Русское именное словоизменение, М., «Наука», 1967, стр. 4.

построения модели к выявлению ее реализации на материале. Именно такой подход, по нашему убеждению, способен гарантировать нам полноту описания.³

Действительно, при таком подходе мы строим сначала модель на основе имеющихся у нас сведений о лежащих в ее основе исходных понятиях. Данная модель, вследствие этого, будет представлять собой исчисление всех возможностей, вытекающих из данных понятий, всех в принципе образующихся при этом типов. Рассматривая далее эти типы, мы можем, сопоставляя их с нашим языковым опытом (путем мысленного эксперимента, либо — теперь уже — путем наблюдения над текстами), установить, какие из этих типов действительно реализованы в русском языке, и определить возможности их реализации. Таким образом, не собранный материал (всегда ограниченный мерой нашего наблюдения) конституирует классификационные типы, а, напротив, эти последние, представленные как абстрактная возможность, складываются в «сетку», в которой может быть интерпретирован любой реально наблюдаемый или мысленно представленный языковой факт.

Обратимся с этой точки зрения к нашей модели. Какую систему классификационных типов эта модель в принципе предполагает? Нетрудно увидеть, что число конституируемых новой классификацией типов (обозначим данное понятие условно как L) зависит от двух величин — числа признаков, которые лежат в основе классификации (n), и числа элементов, противопоставляемых по каждому признаку (m), — и может быть определено по формуле

$$L = m^n -$$

для случая (подобного интересующему нас), когда число противопоставляемых элементов по каждому из n признаков постоянно.

Наше описание основывается на различном строении парадигм у разных синтаксических структур. При этом синтаксическая парадигма складывается из морфологических парадигм тех элементов, которые образуют данную синтаксическую структуру. Синтаксическая парадигма, конечно, не представляет собой простой суммы соответствующих морфологических парадигм — в этом случае она не представляла бы никакого специального интереса. Морфологические парадигмы составляющих синтаксической структуры дают как бы идеальный набор, некоторая часть которого реализуется в синтаксической парадигме. Какие именно элементы морфологических парадигм оказываются реализованными в парадигме синтаксической структуры, зависит от характера связи ее составляющих, то есть в конечном счете от

³ См. Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, «Новое в лингвистике», т. 1, М., 1960.

самого характера этой структуры, поскольку различные типы связи накладывают разные ограничения на возможность варьирования элементов структуры. Так, в предложении *Он сказал* характер связи его составляющих исключает падежное варьирование элемента *он*, и тем самым на синтаксическом уровне «свернутым» оказывается данный компонент морфологической парадигмы. В предложении *Брат приехал* аналогично оказываются свернуты некоторые компоненты парадигмы слова *приехал* — род и лицо, и т. д. В этом смысле синтаксическая парадигма всегда может быть рассмотрена как определенная степень «свертывания» лежащих в ее основе морфологических парадигм — от полного свертывания, когда никакое синтаксическое варьирование невозможно, до «нулевого» свертывания, когда все компоненты морфологических парадигм оказываются релевантными и на синтаксическом уровне.

Таким образом, синтаксическая парадигма всегда оказывается меньше (или, в случае нулевого свертывания, равна) некоторой морфологической парадигмы (или суммы морфологических парадигм). Поэтому ее характеристика всегда лежит в пределах тех компонентов, которые характеризуют соответствующие морфологические парадигмы. Поскольку парадигмы, как мы видели, могут быть описаны с помощью семи признаков, последние, очевидно, покрывают и характеристику любой синтаксической парадигмы.

Итак, структура любой синтаксической парадигмы может быть охарактеризована с помощью семи признаков ($n=7$). Как уже было показано ранее, по каждому из признаков мы строим бинарные противопоставления — любой признак для определенной синтаксической парадигмы оказывается либо релевантным (свободная категория), либо нерелевантным (связанная категория), то есть $m=2$. Отсюда в интересующей нас системе

$$L=2^7=128.$$

Иначе говоря, построенная здесь модель предполагает в принципе наличие 128 классификационных типов. По строению своих парадигм синтаксические структуры в этом случае могли бы быть разделены на такое количество классов.

Представляется нелишним представить здесь эту общую классификацию (в условной записи, показанной выше), полученную путем анализа исходной модели.

1) $n+vr+v+r+l+c+p+$	7) $n+vr+v+r+l-c-p+$
2) $n+vr+v+r+l+c-p-$	8) $n+vr+v+r+l-c-p-$
3) $n+vr+v+r+l+c-p+$	9) $n+vr+v+r-l+c+p+$
4) $n+vr+v+r+l+c-p-$	10) $n+vr+v+r-l+c+p-$
5) $n+vr+v+r+l-c+p+$	11) $n+vr+v+r-l+c-p+$
6) $n+vr+v+r+l-c+p-$	12) $n+vr+v+r-l+c-p-$

13) н+вр+в+р-л-ч+п+
 14) н+вр+в+р-л-ч+п-
 15) н+вр+в+р-л-ч-п+
 16) н+вр+в+р-л-ч-п-
 17) н+вр+в-р+л+ч+п+
 18) н+вр+в-р+л+ч+п-
 19) н+вр+в-р+л+ч-п+
 20) н+вр+в-р+л+ч-п-
 21) н+вр+в-р+л-ч+п+
 22) н+вр+в-р+л-ч+п-
 23) н+вр+в-р+л-ч-п+
 24) н+вр+в-р+л-ч-п-
 25) н+вр+в-р-л+ч+п+
 26) н+вр+в-р-л+ч+п-
 27) н+вр+в-р-л+ч-п+
 28) н+вр+в-р-л+ч-п-
 29) н+вр+в-р-л-ч+п+
 30) н+вр+в-р-л-ч+п-
 31) н+вр+в-р-л-ч-п+
 32) н+вр+в-р-л-ч-п-
 33) н+вр-в+р+л+ч+п+
 34) н+вр-в+р+л+ч+п-
 35) н+вр-в+р+л+ч-п+
 36) н+вр-в+р+л+ч-п-
 37) н+вр-в+р+л-ч+п+
 38) н+вр-в+р+л-ч+п-
 39) н+вр-в+р+л-ч-п+
 40) н+вр-в+р+л-ч-п-
 41) н+вр-в+р-л+ч+п+
 42) н+вр-в+р-л+ч+п-
 43) н+вр-в+р-л+ч-п+
 44) н+вр-в+р-л+ч-п-
 45) н+вр-в+р-л-ч+п+
 46) н+вр-в+р-л-ч+п-
 47) н+вр-в+р-л-ч-п+
 48) н+вр-в+р-л-ч-п-
 49) н+вр-в-р+л+ч+п+
 50) н+вр-в-р+л+ч+п-
 51) н+вр-в-р+л+ч-п+
 52) н+вр-в-р+л+ч-п-
 53) н+вр-в-р+л-ч+п+
 54) н+вр-в-р+л-ч+п-
 55) н+вр-в-р+л-ч-п+
 56) н+вр-в-р+л-ч-п-
 57) н+вр-в-р-л+ч+п+
 58) н+вр-в-р-л+ч+п-
 59) н+вр-в-р-л+ч-п+

60) н+вр-в-р-л+ч-п-
 61) н+вр-в-р-л-ч+п+
 62) н+вр-в-р-л-ч+п-
 63) н+вр-в-р-л-ч-п+
 64) н+вр-в-р-л-ч-п-
 65) н-вр+в+р+л+ч+п+
 66) н-вр+в+р+л+ч+п-
 67) н-вр+в+р+л+ч-п+
 68) н-вр+в+р+л+ч-п-
 69) н-вр+в+р+л-ч+п+
 70) н-вр+в+р+л-ч+п-
 71) н-вр+в+р+л-ч-п+
 72) н-вр+в+р+л-ч-п-
 73) н-вр+в+р-л+ч+п+
 74) н-вр+в+р-л+ч+п-
 75) н-вр+в+р-л+ч-п+
 76) н-вр+в+р-л+ч-п-
 77) н-вр+в+р-л-ч+п+
 78) н-вр+в+р-л-ч+п-
 79) н-вр+в+р-л-ч-п+
 80) н-вр+в+р-л-ч-п-
 81) н-вр+в-р+л+ч+п+
 82) н-вр+в-р+л+ч+п-
 83) н-вр+в-р+л+ч-п+
 84) н-вр+в-р+л+ч-п-
 85) н-вр+в-р+л-ч+п+
 86) н-вр+в-р+л-ч+п-
 87) н-вр+в-р+л-ч-п+
 88) н-вр+в-р+л-ч-п-
 89) н-вр+в-р-л+ч+п+
 90) н-вр+в-р-л+ч+п-
 91) н-вр+в-р-л+ч-п+
 92) н-вр+в-р-л+ч-п-
 93) н-вр+в-р-л-ч+п+
 94) н-вр+в-р-л-ч+п-
 95) н-вр+в-р-л-ч-п+
 96) н-вр+в-р-л-ч-п-
 97) н-вр-в+р+л+ч+п+
 98) н-вр-в+р+л+ч+п-
 99) н-вр-в+р+л+ч-п+
 100) н-вр-в+р+л+ч-п-
 101) н-вр-в+р+л-ч+п+
 102) н-вр-в+р+л-ч+п-
 103) н-вр-в+р+л-ч-п+
 104) н-вр-в+р+л-ч-п-
 105) н-вр-в+р-л+ч+п+
 106) н-вр-в+р-л+ч+п-

107) н-вр-в+р-л+ч-п+	118) н-вр-в+р+л-ч+п-
108) н-вр-в+р-л+ч-п-	119) н-вр-в-р+л-ч-п+
109) н-вр-в+р-л-ч+п+	120) н-вр-в-р+л-ч-п-
110) н-вр-в+р-л-ч+п-	121) н-вр-в-р-л+ч+п+
111) н-вр-в+р-л-ч-п+	122) н-вр-в-р-л+ч+п-
112) н-вр-в+р-л-ч-п-	123) н-вр-в-р-л+ч-п+
113) н-вр-в-р+л+ч+п+	124) н-вр-в-р-л+ч-п-
114) н-вр-в-р+л+ч+п-	125) н-вр-в-р-л-ч+п+
115) н-вр-в-р+л+ч-п+	126) н-вр-в-р-л-ч+п-
116) н-вр-в-р+л+ч-п-	127) н-вр-в-р-л-ч-п+
117) н-вр-в-р+л-ч+п+	128) н-вр-в-р-л-ч-п-

Данные типы синтаксических парадигм были бы все в принципе равновозможны, если бы составляющие их параметры — различные грамматические категории — были совершенно взаимно независимы. Иными словами, вероятность существования всех перечисленных выше типов в принципе была бы одинаковой при условии, что любое — свободное или связанное — состояние каждой из категорий допускает также любое состояние всех остальных категорий.

Однако в действительности наблюдается иная картина: мы сталкиваемся с рядом ограничений на сочетаемость грамматических категорий, когда некоторое состояние одной категории предполагает только одно, строго определенное состояние какой-либо другой категорий. Такие ограничения, разумеется, означают невозможность появления целого ряда представленных классификационных типов, поскольку в нашей общей классификационной схеме эти ограничения пока никак не учитывались. Обнаружение таких ограничений, естественно, должно привести к частичному «свертыванию» нашей схемы.

Однако обнаружение данных ограничений и, как следствие этого, пустых клеток нашей классификационной схемы представляется чрезвычайно нелегким делом. Простой перебор каждого из заданных типов с целью установить, обнаруживается ли его реализация в эмпирически наблюдаемом материале, по-видимому, не достигнет цели: во-первых, в силу той ограниченности метода эмпирического наблюдения, о которой говорилось выше, главное же — потому, что при этом мы не сможем отграничить пустые клетки, являющиеся таковыми, так сказать, в принципе, в силу исследуемого здесь обстоятельства (ограничений в сочетаемости категорий), от типов, в принципе возможных, но почему-либо не реализованных в языковой практике. Очевидно, и здесь нам необходимо некоторое рассуждение, которое позволило бы вывести интересующие нас закономерности из свойств самой модели, а не из обобщения наблюдаемых фактов.

В связи с этим зададимся вопросом — при каких условиях могут возникнуть подобные ограничения? Прежде всего, отме-

тим, что последние могут носить двоякий характер. Во-первых, возможен случай, когда обязательным окажется одинаковое состояние некоторых двух категорий: либо они будут свободными, либо обе связанными. Во-вторых, возможна обязательность противоположного состояния категорий, когда свободный характер одной из них предполагает связанный характер другой, или наоборот.

Таким образом, рассматриваемая проблема, по существу, сводится к трем различным вопросам: 1) при каких условиях свободный характер одной категории может обязательно означать свободный характер некоторой другой категории; 2) при каких условиях связанный характер одной категории предопределяет связанный характер другой и 3) при каких условиях две категории обязательно оказываются в противоположных состояниях.

Интересующая нас зависимость категорий, очевидно, может возникнуть, во-первых, в том случае, если две категории характеризуют одну и ту же группу слов (один формальный класс или группу формальных классов), либо если группа слов, охватываемая одной категорией, составляет лишь часть группы слов, характеризваемой некоторой другой категорией. Только в этом случае можно ожидать, что во всех ситуациях данные категории будут «вести себя» одинаковым образом — либо обе окажутся свободными, либо обе связанными, поскольку, всегда реализуясь в синтаксической структуре в одном и том же слове, такие категории могут единообразно реагировать на синтаксические связи в данной структуре. Если же какие-либо категории не обязательно выступают вместе в одном слове, ожидать такого обязательного единообразия невозможно. В силу этого рассуждения, можно ожидать проявления указанной закономерности у таких пар категорий, как наклонение и время, род⁴ и наклонение, род и время, число и наклонение, число и время, лицо и наклонение, лицо и время, число и род, число и лицо⁵, род и лицо.

⁴ Излишне напоминать, что здесь имеются в виду лишь словоизменятельные категории, конституирующие парадигмы формальных классов.

⁵ В случае, если дистрибуция одной категории включает дистрибуцию другой (то есть во всех перечисленных парах, кроме первой), очевидно, можно предполагать лишь одностороннюю закономерность отмеченного типа — то есть состояние одной из категорий будет определяющим для состояния другой, но не наоборот. При этом для отношения категорий типа 1, очевидно, определяющей будет только та из них, которая характеризуется меньшей дистрибуцией, для отношений же типа 2, напротив, определяющей будет категория, имеющая более широкое распространение. Так, для пары род—лицо можно ожидать закономерности такого типа: если категория лица свободна, то и категория рода обязательно является свободной (но не наоборот); с другой стороны, если категория рода связана, то это состояние обязательно и для категории лица (но не наоборот).

Категории же, имеющие тождественную дистрибуцию, могут быть взаимно определяющими.

С другой стороны, только категории, характеризующие всегда разные классы слов, могут обнаружить закономерность, при которой некоторое состояние одной категории предполагает противоположное состояние другой: если две категории конституируются хотя бы в некоторых случаях в одном слове, это исключает уже возможность наличия у них во всех случаях противоположных состояний (по крайней мере в одном случае — при изолированном употреблении соответствующего слова — данные категории будут характеризоваться одинаково как свободные). Итак, проявления этой закономерности можно ожидать от таких пар, как наклонение и падеж, время и падеж, вид и падеж.

Указанными дистрибутивными соотношениями ограничивается круг случаев, в которых можно ожидать закономерных связей между категориями. Действительно, при ином характере распределения (так называемой контрастной дистрибуции) никаких закономерностей ожидать не приходится, поскольку оказываются возможны любые комбинации таких категорий: они обе могут выступать как свободные (при изолированном употреблении слова — носителя данных категорий, например, для категорий вида и времени это будет случай типа *иду* — $v + vr +$); могут оказаться в различных состояниях — при изолированном употреблении слова, характеризуемого лишь одной из этих категорий (например, *молчать!* — $v + vr -$, *был* — $v - vr +$); наконец, могут обе оказаться связанными — при изолированном употреблении слова, парадигма которого не включает ни одну из этих категорий. Последнее, правда, действительно при условии, что такие слова существуют, то есть что сумма дистрибуций любых двух категорий не охватывает всех классов языка. Но именно таково положение в исследуемой системе, где никакие категории не покрывают всех классов (поскольку существуют классы слов, вовсе лишенных парадигм). Примером последнего отношения может служить «именительный представления» (*лес*: $v - vr -$).

Таким образом, характер распределения категорий по формальным классам слов содержит определенные предпосылки возникновения интересующих нас закономерностей. Следует подчеркнуть, что указанные особенности распределения являются необходимым, но не достаточным условием появления этих закономерностей. Наличие данного условия создает лишь определенную предпосылку, которая может и не быть реализована. Следовательно, предыдущее рассуждение позволило нам определить, какие пары категорий могут в принципе обнаружить ограничения на сочетаемость (либо первого, либо второго рода), но отнюдь еще не дает нам возможности узнать, в каких из перечисленных пар данные ограничения действительно имеют место.

Для достижения этой цели мы должны продолжить рассмотрение отобранных пар с целью выявить дополнительные условия,

которые оказались бы достаточными для признания обязательного характера связи в каких-либо парах категорий.

Обратимся сначала к первому случаю — совпадению дистрибуции двух категорий (этот случай представлен в нашей системе парой «наклонение — время»).

Сам по себе этот факт (наличие данных двух категорий всегда у одних и тех же слов) гарантирует нам следующее:

а) обязательно бывают случаи, когда обе эти категории являются свободными; это во всяком случае будет при изолированном употреблении слова, характеризующегося данными категориями (например, *иду*);

б) обязательно существуют случаи, когда обе эти категории являются связанными; это во всяком случае будет при изолированном употреблении слова, не характеризуемого данными категориями (например, *Пить!*).

Но это еще не значит, что данные два случая обязательно являются единственно возможными, то есть что случаи $n+vr-$ и $n-vr+v$ в принципе исключены. Ведь в синтаксической конструкции одна из категорий может быть связана согласовательными отношениями, а другая — оставаться свободной (так как в данной позиции она не вступает в согласовательные отношения). В этом случае даже при тождестве дистрибуции обязательные ограничения в сочетаемости категорий не могут иметь места. Следовательно, данные ограничения возможны лишь тогда, когда не только две категории характеризуют всегда один и тот же класс слов, но и согласовательные связи данных категорий (то есть те контексты, в которых проявляется их словоизменительный характер) проявляются в одних и тех же позициях. В этом случае связанный или свободный характер одной из категорий детерминирует тождественное состояние другой категории. Данная закономерность может быть, очевидно, прослежена для категорий времени и наклонения. Мы можем записать ее следующим образом:

$$\begin{array}{l} n+ \longleftrightarrow vr+ \\ n- \longleftrightarrow vr- \end{array}$$

Аналогичное рассуждение, очевидно, будет действительно и для случая дистрибутивного «включения» (с той лишь разницей, что, как уже было показано выше, связь категорий при этом будет носить не взаимный, а односторонне направленный характер). Диагностические контексты обеих категорий и в этом случае должны быть тождественными (в пределах тех классов слов, парадигмы которых характеризуются обеими этими категориями). Обратившись к данному ранее исходному описанию словесных парадигм⁶, можно увидеть, что такие пары категорий, как род и

⁶ Данное описание содержится в работе «Построение системы формальных классов слов современного русского языка» (в печати).

наклонение, вид и время, лицо и наклонение, лицо и время, число и наклонение, число и время не удовлетворяют выдвинутому условию: диагностические контексты для этих категорий совершенно различны. Следовательно, никаких ограничений на сочетаемость этих пар в синтаксической парадигме в действительности нет.

С другой стороны, пары род — лицо, число — лицо и число — род отвечают выдвинутому условию. Поэтому, в соответствии со всем сказанным выше, для данных категорий мы можем утверждать наличие связи следующего типа:

$$\begin{array}{ll} \text{р} \rightarrow \text{л} - & \text{л} \leftarrow \text{ч} - \\ \text{р} + \leftarrow \text{л} + & \text{р} + \rightarrow \text{ч} + \\ \text{л} + \rightarrow \text{ч} + & \text{р} - \leftarrow \text{ч} - \end{array}$$

Наконец, рассмотрим последний случай — взаимоисключающую (дополнительную) дистрибуцию категорий.

Сама по себе дополнительность распределения категорий гарантирует наличие двух случаев, а именно, когда одна категория связана, другая свободна, и наоборот. Оба эти случая могут возникнуть при изолированном употреблении слова, характеризующего одной из категорий. Однако и здесь сами по себе дистрибутивные отношения не дают гарантии, что такая сочетаемость категорий является единственно возможной, то есть случай, когда обе категории будут иметь свободный или связанный характер, исключаются. Для того, чтобы случай $x-y$ (где x и y — любые категории рассматриваемого типа) был невозможен, необходимо, очевидно, чтобы сумма дистрибуций данных категорий покрывала все формальные классы, то есть чтобы для любого класса слов была характерна одна из этих категорий. Иначе состояние $x-y$ — обязательно будет иметь место в языке (хотя бы в случае изолированного употребления слова, не характеризующего ни одной из данных категорий).

Обращаясь к реально имеющимся в нашей системе парам (вид и падеж, наклонение и падеж, время и падеж), отмечаем, что ни одна из них не удовлетворяет поставленному условию, в силу того уже отмечавшегося ранее обстоятельства, что в русском языке вообще ни одно сочетание категорий не покрывает всех классов слов (в связи с наличием классов, совсем не имеющих парадигм). Значит, для всех этих пар закономерности типа $x \rightarrow y+$ и $x+ \rightarrow y-$ не имеют места (примеры связанного характера обеих категорий легко найти, ср. *Идти* н-вр-п-, *Лес* -в-п- и т. д.).

С другой стороны, свободный характер обеих категорий может оказаться невозможным лишь в том случае, если класс слов — носитель одной из категорий — одновременно оказы-

вается диагностическим для другой категории. В этом случае соединение слов—носителей обеих категорий — неизбежно приведет к согласовательному «связыванию» одной из категорий, так что сочетание $x+y+$ окажется невозможным.

Нетрудно заметить, что выделенные нами пары не удовлетворяют и этому условию. Следовательно, никаких ограничений на сочетаемость данных пар категорий в нашей системе не существует.

Итак, анализ модели привел нас к установлению некоторых ограничений в сочетаемости лежащих в ее основе признаков. Это, естественно, сокращает число классификационных типов, поскольку те из перечисленных ранее типов, в которых допущены «запрещенные» сочетания категорий, должны быть исключены как принципиально невозможные. Посмотрим, какие именно сокращения первоначальной классификационной схемы могут быть произведены.

Мы видим, во-первых, что категории наклонения и времени всегда выступают в тождественном состоянии. Это значит, что должны быть отброшены все типы, в которых встречаются комбинации $n+vr-$ и $n-vr+$ (в нашем списке это номера 33—96). Таким образом, число классификационных типов сократилось сразу вдвое.

Далее, закономерности сочетания категорий рода и лица позволяют исключить из схемы типы, в которых имеется сочетание $r-l+$. Таких типов в нашей схеме — 32 (номера 9—12, 25—28, 41—44, 57—60, 73—76, 89—92, 105—108, 121—124). Однако некоторые из них одновременно оказываются запрещенными и в силу действия предыдущей закономерности. Поэтому реально мы сокращаем нашу схему еще на 16 единиц.

Аналогично, ограничения в сочетаемости категорий лица и числа не допускают комбинации $l+c-$, которая встречается у 32 классификационных типов (номера 3—4, 11—12, 19—20, 27—28, 35—36, 43—44, 51—52, 59—60, 67—68, 75—76, 83—84, 91—92, 99—100, 107—108, 115—116, 123—124). Здесь реально исключенными из схемы (не совпадающими с предыдущими) оказываются еще 8 типов.

Наконец, закономерности в сочетаемости категорий числа и рода не допускают комбинации $r+c-$, встречающейся также у 32 типов (номера 3—4, 7—8, 19—20, 23—24, 35—36, 39—40, 51—52, 55—56, 67—68, 71—72, 83—84, 87—88, 99—100, 103—104, 115—116, 119—120). Это позволяет исключить из нашей схемы еще 8 клеток.

Всего, таким образом, нам удалось исключить из схемы 96 типов, оставив 32. Наша схема принимает теперь следующий вид.

1) н+вр+в+р+л+ч+п+	17) н-вр-в+р+л+ч+п+
2) н+вр+в+р+л+ч+п-	18) н-вр-в+р+л+ч+п-
3) н+вр+в+р+л-ч+п+	19) н-вр-в+р+л-ч+п+
4) н+вр+в+р+л-ч+п-	20) н-вр-в+р+л-ч+п-
5) н+вр+в+р-л-ч+п+	21) н-вр-в+р-л-ч+п+
6) н+вр+в+р-л-ч+п-	22) н-вр-в+р-л-ч+п-
7) н+вр+в+р-л-ч-п+	23) н-вр-в+р-л-ч-п+
8) н+вр+в+р-л-ч-п-	24) н-вр-в+р-л-ч-п-
9) н+вр+в-р+л+ч+п+	25) н-вр-в-р+л+ч+п+
10) н+вр+в-р+л+ч+п-	26) н-вр-в-р+л+ч+п-
11) н+вр+в-р+л-ч+п+	27) н-вр-в-р+л-ч+п+
12) н+вр+в-р+л-ч+п-	28) н-вр-в-р+л-ч+п-
13) н+вр+в-р-л-ч+п+	29) н-вр-в-р-л-ч+п+
14) н+вр+в-р-л-ч+п-	30) н-вр-в-р-л-ч+п-
15) н+вр+в-р-л-ч-п+	31) н-вр-в-р-л-ч-п+
16) н+вр+в-р-л-ч-п-	32) н-вр-в-р-л-ч-п-

Данные типы парадигм синтаксических структур в принципе возможны. Мы можем ожидать, что встретим эти типы в реальных текстах, хотя, конечно, не обязательно все эти типы будут реализованы. Но никаких иных типов наша модель в принципе не допускает. Таким образом, мы выполнили первую часть поставленной задачи — произвели исчисление возможных типов синтаксических структур.

Вторая часть задачи состоит в исчислении возможностей реализации каждого из данных типов в определенных конкретных структурах. Такое исчисление, в свою очередь, может быть произведено при помощи некоторых рассуждений.

Как известно, структура синтаксической парадигмы определяется совокупностью характерных для нее свободных (и, соответственно, связанных) категорий. По-видимому, появление свободных категорий невозможно без наличия в структуре парадигмы классов слов, обладающих данными категориями. Следовательно, все классы слов (или совокупность классов), для которых характерны категории, являющиеся свободными для данного парадигматического типа, могут в принципе присутствовать в реализации этого типа⁷. Этой закономерностью открывается возможность частичного исчисления подобных реализаций в каждом рассматриваемом случае. Однако такое исчисление действительно будет лишь частичным. Дело в том, что показанная закономерность вовсе не означает того, что существует и обратная ей закономерность — то есть, что наличие некоторых связанных категорий исключает присутствие в составе данной струк-

⁷ Конечно, здесь также речь идет о принципиальной возможности, которая не обязательно должна иметь место в реальных типах. В этом смысле данное исчисление, как и предыдущее, создает как бы принципиальную основу, которая может быть и не полностью реализованной в нормах языкового поведения.

туры слов, характеризующихся этими категориями. Такие слова могут присутствовать, но при этом присущие им категории могут быть связаны согласовательными отношениями. Следовательно, определенный парадигматический тип может также реализоваться во всех структурах, в которых присутствуют диагностические контексты для его связанных категорий.

С помощью этих правил нетрудно исчислить все возможности комбинаций формальных классов, дающие синтаксическую парадигму определенной структуры. Однако в языке существуют еще синтаксические типы, структура парадигмы которых определяется не только внутренними согласовательными связями составляющих их элементов, но и особенностью синтаксической единицы в целом. Обычно такие единицы оказываются омонимичными с некоторыми другими синтаксическими структурами, совпадая с последними по морфологическому составу, но отличаясь от них строением парадигмы. Такова, например, пара омонимов *идут*¹ (относится к определенным деятелям) и *идут*² (неопределенно-личная структура). Во втором случае отсутствует парадигма по лицу, которой обладает первое предложение (изменение лица — например, *идем* — автоматически превращает предложение в определено-личное и, следовательно, для второго типа невозможно).

К сожалению, мы не можем предложить дедуктивную процедуру исчисления таких типов-омонимов, поскольку наше исчисление базируется на исходных понятиях, лежащих в сфере морфологии (набор формальных классов, их дистрибуция, структура их парадигм, диагностические контексты для каждой парадигмы). Поэтому нам удастся выявить лишь те закономерности, которые вытекают из отношений составляющих элементов внутри синтаксической структуры. Отмеченные же типы-омонимы возникают в результате разного характера отношения самих синтаксических структур, взятых в целом, в тексте. До выявления типов этих отношений (и, соответственно, до определения на данном уровне всех понятий, соответствующих перечисленным выше понятиям морфологического уровня, что составляет конечную цель нашего исследования) нам придется довольствоваться эмпирическим нахождением случаев синтаксической омонимии, которые и дополняют производимое по изложенным выше правилам исчисление синтаксических типов. Лишь определение типов связи синтаксических структур между собой (и соответственно типов ограничений в выборе из членов их парадигм в тексте) позволит заменить это эмпирическое перечисление закономерным выводением интересующих нас здесь типов.

Обратимся теперь к материалу современного русского литературного языка и покажем, как этот материал описывается построенной моделью.

Возможны следующие синтаксические структуры, обладающие такой парадигмой:

1. Соединение личного местоимения и глагола с именительным—творительным предикативным имени. Здесь имеются в виду, разумеется, такие словосочетания данного типа, которые являются несвертываемыми, то есть образуют ядерную структуру. Таковы, например, сочетания с глаголами *стать*, *являться*, *оказаться*. Свертывание соединения такого глагола с именительным—творительным предикативным ведет к резкому изменению смысла высказывания (в связи с изменением при этом семантики глагола), либо вообще делает высказывание «отклоняющимся». С другой стороны, сочетания глагола и имени, которые могут быть представлены как распространение глагола (например, *пришел усталый/усталым*) здесь не рассматриваются, так как нашей задачей в настоящее время является описание типов ядерных структур.

Своеобразным является положение приглагольного члена в том случае, когда он выражен личным местоимением или существительным. В этом случае можно говорить о частичном свертывании (нейтрализации) парадигмы данных классов слов: утрачиваются согласовательные связи по лицу, роду и числу у личных местоимений и по числу — у существительных.

В самом деле, соответствующие формы у личных местоимений и существительных в рассматриваемой позиции не определяются согласовательными связями этих слов. Обычная для данных классов координация их форм с глаголом оказывается нарушенной, поскольку форма глагола в этом случае координируется с формой грамматического субъекта. Это положение является обязательным, если приглагольный член находится в творительном падеже. Данную закономерность легко обнаружить в тех случаях, когда форма лица, рода и числа приглагольного члена в творительном падеже не соответствует форме подлежащего: глагол может быть поставлен только в форме, координированной с формой подлежащего. Так, можно сказать *кто будет вами*, но не, **кто будете вами*; *это оказалось лесом*, но не **это оказался лесом* и т. д.

В случае, если приглагольный член стоит в форме именительного падежа, иногда возможно, правда, согласование с ним глагола⁸. Оказывается возможным, например, сказать *это пятно — было лес* и *это пятно было — лес*. Но малая употребительность подобных случаев, находящихся на грани нормы современного языка (в подобной ситуации, как правило, предпочитается

⁸ Об этих случаях см.: Грамматика русского языка, т. II, ч. I, М., изд. АН СССР, 1960, стр. 504.

форма творительного падежа у приглагольного члена),⁹ позволяет пренебречь ими при рассмотрении интересующих нас согласовательных связей. К тому же и в этих случаях, когда согласование глагола с именительным предикативным оказывается возможным, оно во всяком случае никогда не является обязательным¹⁰, тогда как координация глагола с подлежащим, как мы видели, во многих случаях оказывается единственно возможной (и сопровождается игнорированием, грамматической изоляцией формы приглагольного члена).

Итак, в позиции предикативного члена происходит нейтрализация парадигмы личного местоимения и существительного по указанным категориям. Соответственные словоформы, противопоставляемые обычно по этим категориям, в данной позиции рассматриваются в качестве отдельных слов — подобно тому, как родовые словоформы прилагательного, например, *рулевой* и *рулевая*, рассматриваются как отдельные слова при субстантивации, поскольку в этом случае происходит нарушение обычных согласовательных связей данных форм, то есть свертывание родовой парадигмы.

Итак, в роли приглагольного члена могут выступать шесть классов слов: личное местоимение, существительное, местоименное прилагательное, прилагательное, местоименное существительное и числительное. Иначе говоря, теоретически оказываются возможны шесть вариантов отмеченного синтаксического типа:

а) Мест.л. + Гл. + Мест.л.

г) Мест.л. + Гл. + Сущ.

б) Мест.л. + Гл. + Мест.пр.

д) Мест.л. + Гл. + Мест.сущ.

в) Мест.л. + Гл. + Прил.

е) Мест.л. + Гл. + Числ.

Однако на уровне нормы современного русского литературного языка реализуются не все указанные варианты. Дело в том, что если форма творительного падежа приглагольного члена оказывается возможной во всех случаях, то форма именительного предикативного допустима лишь для двух классов — прилагательного и местоименного прилагательного¹¹. Для остальных слов в данной позиции происходит свертывание падежной парадигмы. Структура парадигмы этих слов в данной позиции, таким образом, совпадает с парадигмой приглагольного падежа.

⁹ R. Røed, *Zwei Studien über den prädikativen Instrumental in Russischen*, "Avhandlingar utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo", Hist.-Filos. Klasse, N12, 1966, стр. 39.

¹⁰ Здесь нами не рассматривается конструкция типа *это был сад*. Ниже мы постараемся показать, что структурные связи в данной конструкции иные, чем в рассматриваемом здесь типе, и поэтому она должна быть квалифицирована как особый тип предложения.

¹¹ См. R. Røed, *ук. соч.*, стр. 34. Разумеется, речь здесь идет именно о конструкциях с глаголом, а не со связкой (в последнем случае, как увидим ниже, действуют другие закономерности).

что позволяет рассматривать творительный предикативный (в тех случаях, когда он изолирован, то есть не допускает параллельного употребления именительного падежа) как случай адвербиализации. Таким образом, соответствующие структуры переходят в результате в тип, характеризваемый связанной категорией падежа. Следовательно, рассматриваемый нами тип имеет фактически лишь два варианта:

а) Мест._{л.} + Гл. + Мест._{пр.}

б) Мест._{л.} + Гл. + Прил.

Я сегодня чувствую себя очень нездоровую (Достоевский).

Я тебе кажусь глупою? (Чехов).

2. К данному типу относятся такие случаи, когда в роли сказуемого выступает сочетание глагола с инфинитивом плюс приглагольный член в творительном или именительном падеже. Разумеется, здесь также имеются в виду только такие соединения, в которых и инфинитив, и приглагольный член выступают в качестве несвертываемых элементов ядерной структуры, а не как распространения инфинитива. Таковы, например, сочетания типа *может быть (стать, оказаться) кем-либо*.

О сочетаниях этого типа можно сказать то же, что и о предыдущей группе конструкций, то есть из шести теоретически возможных разновидностей здесь также на уровне нормы оказываются реализованными лишь две:

а) Мест._{л.} + Гл. + Инф. + Мест._{пр.}

б) Мест._{л.} + Гл. + Инф. + Прил.

Я та, с которой вы говорите, как же я могу быть этим? (Л. Андреев).

Он мог бы даже быть полезным (Достоевский).

Другие разновидности не реализуются в связи с невозможностью в современном языке варьировать падеж приглагольного члена, если последний выражен существительным, личным местоимением, местоименным существительным и числительным.

Мы рассмотрели четыре разновидности интересующего нас типа синтаксической структуры. По-видимому, целесообразно рассмотреть также возможные «сокращения» данного типа, характеризуемые обычно как неполные предложения. В самом деле, поскольку, как известно, само понятие «неполноты» предложения формально не определено, сопоставление парадигмы соответствующих «полных» и «неполных» структур как раз могло бы ответить на вопрос, являются ли они синтаксическими вариантами (в случае, если их синтаксическая парадигма одинакова) или должны быть отнесены в нашей классификации к различным типам. При этом не составило бы труда исчислить все возможные «сокращения» той или иной структуры (то есть все возможные в речи опущения составляющих ее элементов) и оп-

ределить парадигму каждой из получившихся разновидностей, сопоставляя ее с исходной парадигмой.

Однако данный вопрос нуждается в одном существенном уточнении. Дело в том, что мы рассматриваем парадигму каждой структуры, отвлекаясь от ее реальных связей в тексте. Действительно, в тексте мы обычно не встречаемся с обстоятельствами, при которых оказывается равновозможным употребление всех вариантов предложения, образующих его парадигму. Реально выбор вариантов бывает, как правило, ограничен связями с соседними предложениями. Например, если мы приписываем предложению *Он пришел* парадигму по лицу и числу, это еще не значит, что в тексте всегда возможен свободный выбор формы лица и числа. Например, в контексте *Этот человек долго не появлялся. Наконец он пришел* оформление данного предложения по лицу и числу вытекает автоматически из контекстуальных связей. Это обстоятельство и дает нам возможность представить последовательность предложений в тексте как структуру¹².

Таким образом, говорить о полной парадигме предложения можно, лишь отвлекаясь от его контекстуальных связей, то есть мысля его вне окружения другими предложениями, в изолированной позиции. Отсюда следует, что данное понятие применимо лишь к тем предложениям, которые могут мыслиться в данном положении, то есть могут быть употреблены изолированно¹³. Иначе говоря, речь может в этой связи идти только об автосемантических структурах.

Итак, сопоставление парадигм как прием установления структурной вариативности может быть признан корректным лишь в том случае, когда развертывание парадигм мыслится в одинаковых условиях. Поскольку парадигма «полной» структуры конституируется в условиях изолированного употребления, ей, очевидно, могут быть сопоставлены парадигмы лишь тех «неполных» структур, которые могут мыслиться в тех же условиях, то есть тех структур, которые имеют автосемантический характер.

В самом деле, опущение некоторого элемента структуры, как правило, дает свертывание (иногда «нулевое свертывание») парадигмы в той ее части, которая связана с категориями, носителями которых выступал опущенный элемент. Так, в рассматриваемом типе опущение глагола вызывает свертывание парадигмы по категориям наклонения, времени, вида; опущение приглагольного члена (именной части) — по категории падежа и т. д. Однако, если эти опущения возможны лишь в некотором контексте, то

¹² См. об этом нашу статью: О некоторых лингвистических аспектах изучения структуры текста, «3 летняя школа по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1968.

¹³ Речь идет, разумеется, только о чисто языковой изоляции предложения в тексте, а не об изоляции от внелингвистической ситуации, вне которой, как известно, не могут мыслиться и многие «полные» предложения.

есть при условии наличия данных слов в соседних предложениях, мы не можем считать такое свертывание парадигмы показателем того, что перед нами особый структурный тип предложения, потому что контекстуальное свертывание парадигмы присуще, как мы видели, и «полной» структуре. Следовательно, в этом случае мы можем сопоставлять парадигму синсемантической структуры, возможной лишь в некотором контексте, со свернутым вариантом парадигмы соответствующей «полной» структуры, который возникает в том же контексте.

Например, мы наблюдаем предложение *он — тихим*. Данное предложение не имеет парадигмы по категориям наклонения, времени, вида (в связи с отсутствием глагола). Однако это не значит, что это предложение образует особую структуру по сравнению с предложением *он стал тихим*. Ведь первое предложение — синсемантическое, могущее появиться лишь в некотором контексте — скажем, *Каким он стал? Он — тихим*. Но в данном контексте и у полной структуры наблюдается свертывание парадигмы по категориям наклонения, времени и вида. Ср. *Каким он стал? Он стал тихим*, — где соответствующие формы во втором предложении автоматически определяются контекстуальными связями.

Поскольку типы связей предложений в тексте и соответственные типы свертывания синтаксических парадигм будут описаны нами в дальнейшем, при изучении структуры текста, мы вынуждены отложить до этого времени рассмотрение вопроса о классификационной принадлежности синсемантических структур и в настоящей работе будем рассматривать лишь такие «сокращенные» структуры, которые носят автосемантический характер.

В интересующем нас здесь типе таким является, по-видимому, лишь опущение личного местоимения. При этом легко убедиться, что строение предложения не претерпевает изменений. Следовательно, мы можем теперь говорить еще о четырех разновидностях данного типа, отличающихся от уже рассмотренных отсутствием личного местоимения:

а) Гл. + Мест. пр.

в) Гл. + Инф. + Мест. пр.

б) Гл. + Прил.

г) Гл. + Инф. + Прил.

... И строгая стала, суровая (Паустовский).

Точно дикий какой сделался (А. Островский).¹⁴

Таким образом, общепринятая квалификация данных предложений как разновидностей структуры с личным местоимением должна быть признана правильной. Как видим, с точки зрения функционирования (понимаемого как возможность выбора из ряда вариантов при построении) отмеченные структуры оказываются тождественными.

¹⁴ Примеры частично заимствованы нами из «Грамматики русского языка», изд. АН СССР, М., 1960.

Это не значит, что установление вариативного характера структур с личным местоимением и без него влечет за собой определение последних как «неполных». Данные варианты мы рассматриваем как равноправные разновидности одной структуры. Иным может быть вывод в тех случаях, когда мы установим (на основе рассмотрения в контексте) тождественность парадигмы «полной» и «неполной» синсемантической структуры. В этом случае последняя должна быть, очевидно, признана подчиненным вариантом — сокращением полной структуры.

Невозможность трактовки отсутствия личного местоимения как реального «опущения», ведущего к реальной «неполноте» предложения, обусловлена, между прочим, и тем обстоятельством, что в этой позиции могло бы быть опущено не только личное местоимение, но и существительное, и местоимение-прилагательное, и местоимение-существительное, и числительное. Между тем рассматриваемый тип по своей парадигме никак не совпадает с типом, например, Сущ.+Гл.+Прил. и не может быть представлен как вариант последнего. В этом случае подобное «сокращение» структуры переводит последнюю в другой синтаксический тип.

Итак, рассмотренный нами тип синтаксической структуры реализуется в восьми разновидностях.

Для данного типа, как видим, характерна максимальная структура парадигмы. Каждое предложение, относящееся к данному типу, может быть реализовано в речи в целом ряде вариантов, отличающихся друг от друга грамматическим оформлением элементов предложения по всем семи словоизменительным категориям.

В различных соединениях в тексте с другими предложениями наблюдается свертывание парадигмы по тем или иным категориям. По-видимому, рассматриваемый тип синтаксической структуры является в этом отношении наиболее гибким. В самом деле, его парадигма, включающая 152 варианта, максимально многообразна, характеризуется наибольшим по сравнению со всеми другими типами числом признаков, и в силу этого открывает возможность максимально многообразных связей с другими предложениями в тексте.

II. н+вр+в+р+л+ч+п—

Данной парадигмой обладает целый ряд синтаксических структур. Все они характеризуются, с одной стороны, наличием глагола в соединении с личным местоимением (или в самостоятельном употреблении, о чем будет сказано ниже) и в то же время отсутствием приглагольной именной части (либо наличием неизменяемой именной части).

1. Наиболее распространенной разновидностью данного типа является, безусловно, соединение личного местоимения и личной формы глагола.

Вы, кажется, ошибаетесь (Достоевский).

Ты потише говори (Булгаков).

Уж хоть вы-то бы не отчаивались (Достоевский).

Вариантом этой разновидности следует считать случай, когда при полнознаменательном глаголе в качестве его распространения выступает именная форма в именительном или родительном падеже. Данную форму, независимо от того, допускает она падежное варьирование или нет, мы не учитываем при построении парадигмы, так как она не входит в этом случае в состав синтаксического ядра:

Он пошел назад к дому веселый и счастливый (Чехов).

Аркадий первый вышел на крыльцо (Тургенев).

2. Другой разновидностью является случай, когда личное местоимение выступает в соединении с несвертываемым сочетанием глагола и неизменяемого именного члена. В роли последнего могут выступать краткое прилагательное, приглагольное наречие и различные адвербиализованные (в изложенном выше понимании) элементы, прежде всего личные местоимения, существительные, местоименные существительные и числительные, употребляемые в данной позиции только в форме творительного падежа.

Я стал раздражителем, вспылчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя (Чехов).

Моложе вы, свежее стали (Грибоедов).

Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами (Лермонтов).

Итак, мы рассмотрели три разновидности данного типа:

а) Мест.л. + Гл.

б) Мест.л. + Гл. + Прил.кр.

в) Мест.л. + Гл. + Нар.гл. (к последнему были отнесены также все соединения с творительным предикативным субстантивных классов). Совершенно очевидно, что, как и в типе 1, данным трем разновидностям соответствуют еще три, в которых вместо глагола выступает несвертываемое сочетание глагола с инфинитивом:

а) Мест.л. + Гл. + Инф.

б) Мест.л. + Гл. + Инф. + Прил.кр.

в) Мест.л. + Гл. + Инф. + Нар.гл.

Он мог бы написать полный курс садоводства (Чехов).

Вы ни перед кем виноваты быть не можете! (Тургенев).

Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом (Гоголь).

Надо сказать, что инфинитив обычно допускает распространение еще одним примыкающим инфинитивом. В некоторых случаях такое соединение с двумя инфинитивами также может быть несвертываемо.

Наконец, рассматривая возможные «сокращения» всех данных структур, приходим к выводу, что автосемантический характер предложения сохраняется при опущении личного местоимения. При этом структура парадигмы не изменяется. Следовательно, в качестве манифестаторов данного синтаксического типа могут быть представлены еще шесть структур:

а) Гл.

б) Гл. + Прил.кр.

в) Гл. + Нар.гл.

г) Гл. + Инф.

д) Гл. + Инф. + Прил.кр.

е) Гл. + Инф. + Нар.гл.

Закуривай, Филат! (Платонов).

Видел широкие, занесенные снегом улицы, чернеющие в снегу хибарки, красный огонек в одной из них (Бунин).

Хочет о чем-то поведать миру (Чехов).

Мы видим, таким образом, что в нашей системе представлены в качестве вариантов одного типа структуры, которые обычно трактуются либо как «полные» и «неполные», либо как двусоставные и односоставные (определенно-личные). О нецелесообразности представления последних шести структур как «неполных» можно сказать то, что было уже сказано относительно соответствующих структур в типе I. Выделение же указанных предложений в особый тип как односоставных не соответствует очевидной близости, взаимозаменяемости структур с личным местоимением и без него, на что имеются указания и в работах, где такое выделение производится¹⁵. К тому же неясно при этом, почему предложения с глагольным сказуемым рассматриваются как полные односоставные, а совершенно параллельные им предложения с именным сказуемым — как неполные двусоставные.

Это несоответствие устраняется в данном описании, противопоставляющем структуры по характеру их функционирования в тексте (проявляющемуся в строении парадигм), а не по таким чисто внешним (с точки зрения функционирования предложения как целостной единицы в тексте) признакам, как формальный состав.

О том, что функциональная классификация помогает устранить механическое разъединение однородных структур или, напротив, механическое объединение различных типов, которое в ряде случаев имеет место в традиционной типологии предложений благодаря постоянной апелляции к составу предложения, свидетельствует также и еще один случай в рамках данного типа.

¹⁵ См., например, «Современный русский язык», под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, ч. II, МГУ, 1964, стр. 397.

Речь пойдет о сочетании слова *это*, глагола и личного местоимения (типа *это оказался он*). Обычно данная структура рассматривается как двусоставная с именным сказуемым, причем подлежащим считается слово *это*. Если мы рассмотрим, однако, структуру парадигмы данного предложения, то окажется, что по этому признаку оно должно быть отнесено к типу II. Однако при трактовке слова *это* как подлежащего состав данного предложения оказывается резко отличающимся от обычного состава предложений типа II, и остается неясным, почему это предложение по свойствам своей парадигмы совпадает с типом II. Между тем в действительности структура данного предложения характеризуется, по-видимому, совершенно иными связями составляющих ее элементов. В этом отношении она никак не может рассматриваться как структура, параллельная типу, например, *этот человек (некто) оказался им*. В последнем случае личное местоимение, действительно, является именной частью сказуемого. Но между данным случаем и интересующим нас имеются существенные различия.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что в первом случае (при слове *это*) местоимение может стоять только в именительном падеже. Между тем мы выяснили уже выше, что (во всех остальных случаях) в составе сказуемого при полужнаменательном глаголе личное местоимение может быть только в форме творительного падежа.

Однако главным является не только форма местоимения сама по себе, а механизм согласовательных связей в данном типе предложения. Нетрудно увидеть, что здесь он совершенно иной, чем в случае с именным сказуемым. В последнем, как уже указывалось, при постановке именной части в творительном падеже (что для случая с личным местоимением обязательно) эта часть оказывается вне обычных согласовательных связей: глагол всегда координируется с формой подлежащего, форма приглагольного члена при этом игнорируется. Это позволило нам говорить применительно к данному случаю о свертывании парадигмы в позиции приглагольного члена.

Между тем, в случае типа *это оказался он* форма глагола всегда координируется с формой личного местоимения. Координация формы глагола со словом *это*, напротив, невозможна. Здесь уже слово *это* выступает вне согласовательных связей. Напротив, личное местоимение участвует здесь в согласовательных связях, так что нельзя говорить о свертывании его парадигмы в данной позиции. Следовательно, позиция личного местоимения в данном случае не есть позиция приглагольного члена — она характеризуется совершенно иными связями в предложении. Более того, парадигма личного местоимения здесь координируется с глагольной парадигмой совершенно так же, как в позиции подлежащего. Вот почему и синтаксическая парадигма данного

предложения оказалась тождественной с типом II, который как раз реализуется в соединении подлежащего, выраженного личным местоимением, с глаголом-сказуемым. В пользу данного предположения говорит также и следующий факт. В позиции приглагольного члена, как известно, возможны как субстантивные, так и адъективные классы слов. В позиции же подлежащего возможны только субстантивные слова, так как употребление в данной позиции прилагательного ведет к субстантивации последнего.

В этом отношении позиция имени в конструкции со словом *это* также совпадает с позицией подлежащего. А именно, в этой позиции прилагательное явно субстантивируется, как и в тех случаях, когда оно выполняет роль подлежащего: *это был тихий*. В то же время субстантивация не имеет места в случаях, когда прилагательное является именной частью сказуемого (ср. *этот был тихим*).

Итак, все сказанное позволяет сделать вывод о том, что личное местоимение в данном типе по своим функциональным связям не отличается от случая типа *он идет*, то есть оно является подлежащим.

При этом возникает вопрос, какова же тогда структурная роль в предложении слова *это*.

Отметим прежде всего еще раз то обстоятельство, что данное слово не участвует в согласовательных связях в предложении. Следовательно, нельзя говорить о слове *это* в данном случае как о члене парадигмы местоименного прилагательного *этот* — ведь, в отличие от варианта среднего рода слова *этот*, форма слова в предложении *это оказался он* не определяется связями с другими словами, не зависит от формы других слов (ср. *это оказался он*, *это оказалась она*, *это оказались они* и т. д.). В данной позиции слово *это* оказывается неизменяемым (с нулевой парадигмой).

Совершенно иными, как видим теперь, оказываются структурные связи в предложении, в котором приглагольный член выступает в форме творительного падежа (*это оказалось лесом*). В этом случае данный элемент действительно оказывается частью сказуемого, а слово *это* — подлинным подлежащим. Но здесь согласование глагола осуществляется уже со словом *это*, которое выступает тем самым как представитель родовой парадигмы — один из вариантов местоименного прилагательного. В интересующем же нас случае слово *это* не принадлежит к классу местоименных прилагательных (что еще раз свидетельствует о том, что перед нами не подлежащее, поскольку позиция подлежащего является нормальной позицией местоименного прилагательного и не может, следовательно, привести к свертыванию его парадигмы). Для выяснения синтаксической природы данного элемента вспомним, что он может присутствовать и в безличных конструкциях, причем совершенно не изменяет «без-

личный» характер последних (ср. *пахнет* и *это пахнет*), кардинально отличаясь этим от всякого имени (в том числе и местоименного прилагательного), присоединение которого в роли подлежащего сразу уничтожает «безличность» предложения (ср. *куст пахнет, он пахнет, этот — пахнет*). Это еще раз свидетельствует о том, что перед нами не настоящее подлежащее: у нашего слова не обнаруживается ни смысловой, ни формальной соотнесенности со сказуемым. Перед нами как бы «пустой» синтаксический элемент, внешне совпадающий по форме со словом, могущим быть подлежащим, но в действительности являющийся лишь омонимом к этому слову, квази-подлежащим. Данный элемент (в безличном употреблении обнаруживающий известный параллелизм «пустым» синтаксическим элементам в ряде европейских языков — английскому *it*, немецкому *es*, французскому *il* и т. д.) по своим дистрибутивным свойствам может быть выделен в особый формальный класс и пополнить, таким образом, наш список формальных классов. Мы можем назвать его квази-местоимением (Кв.-мест.), тем более, что в языке можно отметить еще ряд элементов аналогичного типа, также омонимичных местоимению: *все это, то, все то, оно* (в предложениях типа *оно и видно* и т. д.), правда, последний значительно менее употребителен.

Итак, мы можем присоединить к типу II еще две разновидности:

- а) Кв.-мест. + Гл. + Мест.л.
- б) Кв.-мест. + Гл. + Инф. + Мест.л.

Это оказался я *¹⁶.

Структура парадигмы типа II охватывает ровно вдвое меньше вариантов, чем парадигма типа I, поскольку отличается от последней отсутствием варьирования по категории падежа. Следовательно, каждое предложение типа II может потенциально быть реализовано в 76 вариантах.

Таким образом, типы I и II образуют в синтаксической системе как бы непосредственное противопоставление — корреляцию — по одному дифференциальному признаку. Последним оказывается свободный — связанный характер категории падежа. При этом в качестве сильного члена данного противопоставления выступает тип I. В ряде случаев в системе происходит нейтрализация данного противопоставления, что ведет (в полном соответствии с общими закономерностями нейтрализации привативных противопоставлений) к совпадению структур в слабом члене, то есть в типе II. Таким случаем можно считать уже отмеченное выше «застывание» в форме творительного предикативного слов субстантивных классов, что ведет к адвербиализации последних и совпадению соответствующих структур с типом II. Данное яв-

¹⁶ Сконструированные нами примеры будут отмечаться знаком *.

ление развертывается в диахроническом плане — в связи с вытеснением формы именительного предикативного при глаголах в современном языке¹⁷. Можно указать случаи нейтрализации и в синхронном плане. Таким случаем является введение именной части при помощи союза *как*, в результате чего оказывается допустимой только форма именительного падежа, то есть опять-таки происходит совпадение парадигмы типа I и II.

III. н+вр+в+р+л-ч+п-

Данный тип обнаруживает полный параллелизм с типом I. Отличие заключается в том, что в роли подлежащего выступает элемент, допускающий варьирование лишь по роду и числу, но не по лицу. Таким элементом является местоименное прилагательное. Мы можем, следовательно, выделить четыре разновидности данного типа:

- а) Мест.пр. + Гл. + Мест.пр.
- б) Мест.пр. + Гл. + Прил.
- в) Мест.пр. + Гл. + Инф. + Мест.пр.
- г) Мест.пр. + Гл. + Инф. + Прил.

Этот оказался (мог оказаться) тихим (первым, моим и т. д.)*.

Другие типы, возможные теоретически, не реализуются в современном языке в связи с нейтрализацией падежной парадигмы присвязочного члена, выраженной субстантивами.

Легко видеть, что опущение подлежащего ведет к изменению характера парадигмы (переводу ее в тип I), в связи с чем конструкция с отсутствующим подлежащим не может рассматриваться как структурный вариант описываемого здесь типа. Это еще раз свидетельствует о невозможности квалифицировать такую конструкцию как неполную. Парадигма типа III предполагает наличие 56 вариантов.

IV. н+вр+в+р+л-ч+п-

Данный тип обнаруживает параллелизм с типом II. Сюда относятся структуры с глагольным сказуемым (или именным сказуемым с неизменяемой по падежам именной частью) и подлежащим, выраженным местоименным прилагательным. В полном соответствии типу II, можно обнаружить шесть разновидностей данной структуры:

а) Мест.пр. + Гл.	г) Мест.пр. + Гл. + Инф.
б) Мест.пр. + Гл. + Прил.кр.	д) Мест.пр. + Гл. + Инф. + Прил.кр.
в) Мест.пр. + Гл. + Нар.гл.	е) Мест.пр. + Гл. + Инф. + Нар.гл.

¹⁷ Уместно в связи с этим напомнить, что в литературном языке XIX века именительный в данном случае еще допускался, хотя и редко, и нейтрализация таким образом не происходила. Ср.:

В ожидании пребываю вас любящая В. Д. (Достоевский).

К данному типу (опять-таки в полном соответствии с типом II) могут быть отнесены в результате нейтрализации все конструкции с субстантивами в роли приглагольного члена, употребляемые только в форме творительного предикативного.

Этот сначала как будто все понял (Тургенев).

И этот считает меня молокососом (Чехов).

Сюда, как и в типе II, отнесутся такие предложения, в которых при полнознаменательном глаголе имеется именной распространитель в именительном или творительном падеже.

Каждая непременно хотела первой вложить цветочки в ее руки (Гладков).

Наконец, к данному типу принадлежат также структуры со словом *это* и местоимением-прилагательным:

а) Кв.мест. + Гл. + Мест. пр.

б) Кв.мест. + Гл. + Инф. + Мест. пр.

Как видим, тип IV, с одной стороны, параллельный типу II, обнаруживает, с другой стороны, непосредственную связь с типом III. Эта связь проявляется наглядно в структуре парадигмы данных двух типов — парадигма типа IV ровно вдвое меньше по объему, чем парадигма типа III, то есть насчитывает 28 вариантов; в ней отсутствуют противопоставления по категории падежа.

Таким образом, рассмотренные четыре синтаксических типа образуют уже некоторый участок системы, в котором каждый из четырех элементов противопоставлен некоторым двум другим элементам по двум дифференциальным признакам. При этом типы I—II, III—IV образуют пропорциональные оппозиции по признаку — свободный/связанный характер категории падежа, а типы I—III и II—IV также образуют пропорциональные оппозиции по признаку — свободный/связанный характер категории лица. При этом в первом типе отношений в качестве сильного члена выступают типы I и III, во втором — типы I и II.

V. н + вр + в + р - л - ч + п +

Данный тип, в свою очередь, обнаруживает полный параллелизм с типами I и III, отличаясь от них только тем, что подлежащее здесь выражено существительным. Таким образом, здесь, как и в типе III, можно выделить четыре разновидности:

а) Сущ. + Гл. + Мест. пр.

в) Сущ. + Гл. + Инф. + Мест. пр.

б) Сущ. + Гл. + Прил.

г) Сущ. + Гл. + Инф. + Прил.

Вдруг ее речь стала внушительная, почти спокойная (Федин).

Дело обещает быть чрезвычайно интересным (Федин).

Неужели этот чужой человек сделался, теперь все для меня? (Л. Толстой).

Парадигма данного типа состоит из 28 вариантов.

VI. н+вр+в+р-л-ч+п-

Данный синтаксический тип является одним из самых распространенных.

1. Он реализуется, во-первых, в соединении существительного-подлежащего с глаголом-сказуемым и с глагольно-инфинитивным несвертываемым сочетанием:

- а) Сущ. + Гл.
- б) Сущ. + Гл. + Инф.

Серые глаза его как-то странно блеснули, губы его задрожали, все мускулы, все черты лица его заходили, задвигались (Достоевский).

2. Другая разновидность данного типа — соединение существительного с несвертываемым сочетанием глагола и неизменяемой именной части:

- а) Сущ. + Гл. + Прил. кр.
- б) Сущ. + Гл. + Нар. гл.
- в) Сущ. + Гл. + Инф. + Прил. кр.
- г) Сущ. + Гл. + Инф. + Нар. гл.

Теперь август, вечера становятся сыры (Гончаров).
Брат стал еще милей и добрей (Бунин).

Сюда же, разумеется, относятся случаи нейтрализации падежной парадигмы, аналогичные случаям в типах II и IV:

Сом же представлял из себя огромного черного пса на длинных ногах и с хвостом жестким, как палка (Чехов).

3. Наконец, к данному типу относится также сочетание слова *это* с глаголом и существительным:

- а) Кв. мест. + Гл. + Сущ.
- б) Кв. мест. + Гл. + Инф. + Сущ.

Таким образом, данный тип реализуется, так же как и тип IV, в восьми структурных разновидностях.

Поскольку данный тип относится к типу V, как тип IV — к III, это отношение проявляется и в структуре его парадигмы. А именно, парадигма данного типа включает вдвое меньше вариантов, чем парадигма типа V, поскольку она не содержит падежных противопоставлений, то есть состоит из 14 вариантов.

Мы видим, что пара V—VI образует отношение, пропорциональное отношениям пар I—II и III—IV. В свою очередь, данные типы образуют коррелятивные противопоставления с типами III и IV, то есть перед нами оказываются две новых корреляции III—V и IV—VI. Противопоставление здесь осуществляется по характеру категории рода (свободный/связанный род), причем в качестве сильных членов выступают типы III и IV.

С другой стороны, типы I и II уже не являются непосредственно противопоставленными рассматриваемым здесь типам V

и. VI. Это противопоставление осуществляется уже по двум дифференциальным признакам — по характеру категорий лица и рода. Здесь мы имеем дело уже с более отдаленным (хотя все же сравнительно близким) соотношением синтаксических типов. Описанный до сих пор участок системы содержит уже, таким образом, не только коррелятивные отношения.

VII. н + вр + в + р — л — ч — п +

Данный тип реализуется прежде всего в соединении неизменяемого слова, выступающего в качестве подлежащего, с именным сказуемым, образуемым несвертываемым сочетанием глагола (или глагола с инфинитивом) с варьiruемой по падежам именной частью.

1. Прежде всего, это структура с подлежащим-числительным:

а) Числ. + Гл. + Мест. пр.

в) Числ. + Гл. + Инф. + Мест. пр.

б) Числ. + Гл. + Прил.

г) Числ. + Гл. + Инф. + Прил.

Оба оказались тихими *.

2. Аналогичными по структуре парадигмы оказываются предложения, в которых в роли подлежащего выступает местоименное существительное:

а) Мест. сущ. + Гл. + Мест. пр.

б) Мест. сущ. + Гл. + Прил.

в) Мест. сущ. + Гл. + Инф. + Мест. пр.

г) Мест. сущ. + Гл. + Инф. + Прил.

Некто оказался тихим *.

3. Теоретически к данному типу могли бы быть отнесены также предложения с инфинитивом в роли подлежащего (типа *уступить — значило проиграть, промедлить — означало смерть* и т. д.): Однако нормы современного русского литературного языка в этом случае обычно не допускают формы именительного падежа у именной части — последняя, чем бы она ни была выражена (в том числе и прилагательным, и местоименным прилагательным) обязательно ставится только в форме творительного падежа. Следовательно, здесь имеет место полная нейтрализация падежной парадигмы у всего описываемого ряда случаев, которые, таким образом, и не могут рассматриваться в качестве манифестаторов типа VII. Исключение, однако, составляют случаи, когда имя выступает не в сочетании с глаголом (или инфинитивом), а при связке. В этом случае категория падежа оказывается свободной, что дает возможность включить в тип VII ряд инфинитивных конструкций:

а) Инф. + Св. + Сущ.

г) Инф. + Св. + Прил.

б) Инф. + Св. + Мест. л.

д) Инф. + Св. + Мест. сущ.

в) Инф. + Св. + Мест. пр.

е) Инф. + Св. + Числ.

Практически, однако, все эти случаи, за исключением первого, встречаются крайне редко.

Написать его биографию было бы делом его друзей (Пушкин).
В этом городе знать три языка — ненужная роскошь (Чехов).

Итак, тип VII реализуется в отмеченных выше двенадцати разновидностях. Структура его парадигмы предполагает наличие 14 вариантов.

Однако, кроме указанных выше разновидностей, к типу VII на основании характера парадигмы должно быть отнесено еще значительное число иных структур. Речь идет о предложениях, с точки зрения своего состава омонимичных другим синтаксическим типам (в частности, типу I), но обладающих, в силу некоторых особенностей функционирования в тексте, парадигмой типа VII.

1. Сюда относятся, во-первых, так называемые неопределенно-личные конструкции, выраженные формой множественного числа (в настоящем времени — третьего лица) глагола и несвертываемой именной формой (местоименное прилагательное или прилагательное) в именительном/творительном падеже типа *оказались тихие*. Можно выделить четыре разновидности данной конструкции:

- а) Гл. + Мест. пр.
- б) Гл. + Прил.

- в) Гл. + Инф. + Мест. пр.
- г) Гл. + Инф. + Прил.

Как видим, данные конструкции допускают варьирование по категориям времени, наклонения, вида и падежа. Формально, исходя из их состава, имеется предпосылка для варьирования их также по категориям лица, рода и числа. Однако в действительности такое варьирование невозможно: изменение формы лица (постановка глагола в форме первого или второго лица), числа (постановка в единственном числе), как легко убедиться, меняет смысл предложения, превращая его в обычную определенно-личную структуру. Отсюда вытекает также невозможность варьирования рода, поскольку во множественном числе данная категория оказывается просто «выключенной».

Таким образом, данная структура омонимична типу I. Несмотря на тождество состава, характер данных структур совершенно различен, о чем свидетельствует и различное строение их синтаксических парадигм.

2. По-видимому, с предыдущей разновидностью типа VII должна быть также объединена «двусоставная» конструкция с такими словами, как *все, они, люди* и т. п., также имеющая неопределенно-личное значение.

Таким образом, мы получаем еще четыре синтаксические структуры, относящиеся к рассматриваемому типу:

а) Они (люди) + Гл. + Мест. пр.
б) — „ — + Гл. + Прил.

в) Они (люди) + Гл. +
+ Инф. + Мест. пр.
г) — „ — + Гл. +
+ Инф. + Прил.

Объединение данных предложений, хотя формально и двусоставных, с собственно неопределенно-личными предложениями (известными под этим наименованием в традиционной классификации), которые обычно считаются только односоставными, соответствует очевидной функциональной общности таких предложений, проявляющейся, с одной стороны, в общем грамматическом значении (эффект неопределенно-личного значения присущ в равной степени обоим разновидностям), с другой стороны, — формально — в одинаковом характере включения в текст (невозможности варьирования форм рода, числа и лица и независимости этих форм от контекстуальных связей), проявляющемся в тождественном строении парадигмы¹⁸.

3. Далее, к данному типу относятся также конструкции с именной частью, квалифицируемые обычно как «обобщенно-личные» предложения — типа *станешь (бывало) бодрым*. Данные конструкции также допускают изменение форм наклонения, времени, вида и падежа и не допускают варьирования форм лица, рода и числа — изменение лица и рода ведет к утрате «обобщенно-личного» значения конструкции совершенно аналогично тому, как такое же изменение предложения предыдущего типа разрушало «неопределенно-личное» значение. Правда, обобщенно-личные предложения возможны с глагольными формами как в единственном, так и (исредка) во множественном числе. Однако изменение формы числа не является в данном случае (как и в ряде неопределенно-личных предложений) зависящим от контекстуальных связей (поскольку не несет реального изменения понятия о лице, которое в данном случае сохраняется неизменным и, следовательно, не может зависеть от характера представления о лице в предшествующих предложениях). Поэтому данные формы рассматриваются как отдельные разные предложения, а не члены одной синтаксической парадигмы. Сле-

¹⁸ Интересно отметить, что вопрос о близости данных типов предложений и о необходимости в связи с этим их объединения уже поднимался в лингвистической литературе. Однако эта близость рассматривалась обычно лишь в чисто семантическом плане, в связи с чем высказывалось даже мнение о том, что термин «неопределенно-личное предложение» пригоден для логико-смысловой, а не грамматической классификации, так как объединяет разные (с точки зрения традиционной классификации) грамматические типы (см. об этом, в частности, С. И. Сятковский, О принципах классификации простого предложения в современном русском языке, РЯШ, 1965, № 2).

Как видим, предлагаемый здесь способ описания позволяет показать не только семантическое, но и формальное сходство данных предложений, хотя последнее и не лежит на поверхности (так как не выражается в тождестве состава).

довательно, в этом случае можно говорить также об отсутствии парадигмы по категории числа.

Таким образом, мы можем назвать еще четыре разновидности этого типа:

а) Гл. + Мест. пр.

в) Гл. + Инф. + Мест. пр.

б) Гл. + Прил.

г) Гл. + Инф. + Прил.

Иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-одинешенька (Достоевский).

Распространено мнение, что обобщенно-личные предложения выступают только с глагольными формами настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также повелительного наклонения (см. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, М., изд. АН СССР, 1960, стр. 7—8; «Современный русский язык», ч. II, изд. МГУ, 1964, стр. 400—401; А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, М., 1961, стр. 88). Между тем, однако, нетрудно показать, что некоторые конструкции с глаголом в прошедшем времени (или сослагательном наклонении) также могут быть отнесены к данной разновидности. Ср. — *бывало, и хотел бы стать примерным, да не можешь* *...

Такие предложения отчетливо сохраняют и обобщенно-личное значение, и — главное — структуру парадигмы, присущую всему типу в целом. В самом деле, здесь также не допускается варьирование категорий числа и рода (постановка множественного числа или немужского рода разрушает обобщенно-личный характер предложения), категория лица здесь просто остается невыраженной. Таким образом, есть все основания рассматривать подобные формы в качестве членов парадигмы обобщенно-личного предложения.

С другой стороны, к обобщенно-личным нередко относят предложения, в действительности не являющиеся таковыми. Примером может служить конструкция с глаголом в форме первого лица множественного (иногда и единственного) числа с «обобщенным» значением:

Все вытерпим, все вынесем (Бубеннов).

Живем, так и хлеб жуем (пословица) ¹⁹.

Нетрудно убедиться, что подобные предложения допускают варьирование и по лицу, и по числу без изменения их характера (ср. *А они как поживают? — Да ничего: живут — хлеб жуют; а он как? — тоже живет (себе), хлеб жует* *). Сама «обобщенность» здесь качественно не отличается от обобщенности такого, например, высказывания:

Мы все учились понемногу,

Чему-нибудь и как-нибудь (Пушкин).

Нечеткость в определении границ обобщенно-личного предложения нам представляется отнюдь не случайной. Мы видели

¹⁹ См. «Современный русский язык», изд. МГУ, под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, ч. II, 1964, стр. 400.

уже, что эти предложения (как, впрочем, и неопределенно-личные) реализуются в разных по морфологическому составу структурах. Это и затрудняет их определение в традиционной классификации, для которой единственным релевантным признаком формы является, как мы видели, именно морфологический состав. Не имея возможности в данном случае опереться на этот признак, традиционное описание вынуждено апеллировать исключительно к семантике и конституировать обобщенно-личный тип, опираясь только на значение. Естественно, что границы типа при этом оказываются весьма зыбкими.

В этом отношении предлагаемое здесь описание руководствуется формальным критерием, который позволяет вполне определенно установить границы синтаксического типа, даже в случае неоднородности состава различных его разновидностей.

4. Наконец (так же как и в случае с неопределенно-личными предложениями), существуют «двусоставные» варианты обобщенно-личных предложений, которые образуют еще одну разновидность описываемого типа. Роль подлежащего в этих вариантах выполняют слова *tbl*, *bbl*, причем в данном случае предложения с этими словами не могут рассматриваться как члены синтаксической парадигмы — ее числовые варианты — по причинам, рассмотренным выше.

а) <i>Tbl</i> (<i>bbl</i>) + Гл. + Мест. _{пр.}	г) <i>Tbl</i> (<i>bbl</i>) + Гл. + Инф. +
б) <i>Tbl</i> (<i>bbl</i>) + Гл. + Прил.	+ Мест. _{пр.}
	в) <i>Tbl</i> (<i>bbl</i>) + Гл. + Инф. +
	+ Прил.

Как видим, синтаксический тип VII оказывается структурно весьма разветвленным и включает в себя как разновидности, определяемые на основе исчисления парадигм, так и структуры, омонимичные синтаксическому типу I (его различным вариантам) и отличающиеся от последнего особым функциональным характером. При этом в одну классификационную «клеточку» попали предложения, обычно описываемые как различные типы. Выше мы уже старались обосновать объединение некоторых из рассмотренных вариантов. Попытаемся теперь ответить на вопрос, что общего обнаруживается у всех разновидностей нашего типа VII, что обусловило их нахождение в одной классификационной «клетке». Представляется также необходимым рассмотреть факт объединения в одном типе всех отмеченных уже разновидностей с содержательной точки зрения.

В этой связи, нам кажется, следует обратить внимание на такую особенность парадигмы данного типа, как отсутствие свободно варьируемых категорий рода, лица и числа. Отсутствие свободного выбора по данным категориям означает, как следствие, что в тексте предложения типа VII не могут быть связаны формально с другими предложениями по данным категориям —

их формы рода, лица и числа ни при каких обстоятельствах не могут быть координированы с соответствующими формами соседних предложений (что и является для нас показателем связей этих предложений). Итак, характеристика предложения данного типа с точки зрения форм рода, лица и числа не зависит от того, в какой именно конкретный текст оно будет включено. Следовательно, те компоненты плана содержания предложения, которые обычно определяются (в известной степени) данными категориями, для предложения типа VII нерелевантны: в самом деле, если содержание предложения в значительной степени определяется его окружением в тексте (так же как и значение слова), то релевантные компоненты этого содержания, по-видимому, по крайней мере в некоторых случаях должны изменяться в зависимости от окружения; если же таких изменений никогда не происходит, мы вправе заключить, что данные компоненты не являются релевантными.

Рассматривая наш случай, мы можем теперь задаться вопросом: для характеристики каких компонентов плана содержания предложения в русском языке категории рода, лица и числа являются существенными? Очевидно, данные категории прежде всего характеризуют в различных «параметрах» деятеля — субъекта сообщения. Какова именно эта характеристика — зависит от контекста сообщения в целом, в котором выступает предложение (и который диктует в зависимости от этого определенную форму рода, лица и числа). Но в нашем случае, как мы видели уже, данная сторона плана содержания оказывается нерелевантной. Итак, мы можем теперь сказать, что рассмотренный тип предложения оказывается нерелевантным с точки зрения характера деятеля-субъекта.

Таким образом, при всей множественности конкретных форм выражения синтаксического типа VII, всем им присуща определенная общность, опирающаяся на грамматическую нерелевантность характеристики субъекта (которая в разных случаях может проявляться как неопределенность, обобщенность или «отстраненность» субъекта).

VIII. н+вр+в+р-л-ч-п-

Данный тип представляет из себя корреляцию с предыдущим. Неудивительно, что набор разновидностей, в которых реализуется этот тип, в известной степени обнаруживает параллелизм с разновидностями типа VII.

1. Отметим ряд структур с подлежащим-числительным:

а) Числ.+Гл.	г) Числ.+Гл.+Инф.
б) Числ.+Гл.+Прил. _{кр.}	д) Числ.+Гл.+Инф.+
+Прил. _{кр.}
в) Числ.+Гл.+Нар. _{гл.}	е) Числ.+Гл.+Инф.+
+Нар. _{гл.}

Жили тогда со мною стенка об стенку человек пятеро молодого раззадорного народу (Достоевский).

Семь у игроков называется кочергой, одиннадцать — палочками, семьдесят семь — Семен Семеньчем, девяносто — дедушкой и т. д. (Чехов).

2. Еще шесть параллельных структур можно выделить с местоименным существительным в роли подлежащего:

- а) Мест.сущ. + Гл.
- б) Мест.сущ. + Гл. + Прил.кр.
- в) Мест.сущ. + Гл. + Нар.гл.
- г) Мест.сущ. + Гл. + Инф.
- д) Мест.сущ. + Гл. + Инф. + Прил.кр.
- е) Мест.сущ. + Гл. + Инф. + Нар.гл.

Кто будет работать? (Чехов).

Случилось что-то давно ожидаемое (Достоевский).

3. Далее, данный тип реализуется соединением квази-местоимения (это), глагола в личной форме (или в сочетании с инфинитивом) и местоименного существительного либо числительного:

- а) Кв.мест. + Гл. + Мест.сущ.
- б) Кв.мест. + Гл. + Инф. + Мест.сущ.
- в) Кв.мест. + Гл. + Числ.
- г) Кв.мест. + Гл. + Инф. + Числ.

4. Наконец, к данному типу относятся все предложения, в которых независимый инфинитив выступает в роли подлежащего или главного члена (в односоставной структуре). Здесь можно выделить многочисленные структуры. Прежде всего здесь следует сказать о сочетании независимого инфинитива с глаголом и (в ряде случаев) с приглагольной частью. Последняя может быть выражена различными способами, о которых уже говорилось выше, — от личного местоимения до приглагольного наречия. Надо сказать, что в данной конструкции не только субстантивная, но и адъективная именная часть оказывается возможной только в творительном падеже (адвербиализуется), и, таким образом, все инфинитивные конструкции данного вида, нейтрализуясь, переходят из типа VII (в котором они могли бы вообще говоря существовать) в тип VIII. Кроме того, при инфинитиве в роли подлежащего оказывается возможным в роли приглагольного члена предикатив. Таким образом, здесь оказываются представлены следующие разновидности инфинитивных структур:

- а) Инф. + Гл. + Нар.гл. (считая все именные классы в данной позиции адвербиализованными)
- б) Инф. + Гл. + Инф.
- в) Инф. + Гл. + Пред.
- г) Инф. + Гл.

Я думаю, что наказывать, не давая сласти, — только развивает жадность (Л. Толстой).

Далее, соединение инфинитива со связкой и неизменяемыми присвязочными членами также дает аналогичную парадигму. Здесь могут быть намечены следующие структурные типы:

а) Инф. + Св. + Нар. гл.	в) Инф. + Св. + Инф.
б) Инф. + Св. + Пред.	г) Инф. + Св. —

Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Друзей обманывать грешно (Пушкин).

Интересно отметить в этой связи, что присоединение к сказуемому слова *это* (*оно* и т. д.), т. е. квази-местоимения, совершенно не изменяет ни внутреннее соотношение элементов предложения, ни строение его парадигмы. Это еще раз подтверждает высказывавшуюся ранее мысль о том, что слова данного разряда являются в предложении «пустым» синтаксическим элементом.

Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безразлично; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безразлично (Чехов).

Наконец, как осложнение данных разновидностей можно рассматривать следующие структуры:

а) Инф. + Св. + Инф. +
+ Нар. гл.	в) Инф. + Гл. + Инф. +
+ Нар. гл.
б) Инф. + Св. + Инф. +
+ Пред.	г) Инф. + Гл. + Инф. +
+ Пред.

Таким образом, для типа VIII могут быть исчислены двадцать восемь разновидностей. Структура его парадигмы соотносительна с парадигмой типа VII и насчитывает семь вариантов — вдвое меньше, чем последняя, ввиду отсутствия противопоставления по падежу.

Как и для типа VII, в описываемом случае, кроме структур, исчисляемых на основе морфологического состава, встречается немало предложений, омонимичных по своему составу другим типам — в частности, типам I и II, — но по характеру своей парадигмы относящихся к типу VIII. Ряд таких предложений оказывается параллельным и соотносительным с соответствующими предложениями типа VII, другие же не имеют прямой аналогии в предшествующем типе.

1. Как и в типе VII, здесь могут быть названы неопределенно-личные предложения. В отличие от предыдущего типа, сюда могут быть отнесены предложения с неизменяемой приглагольной частью или вовсе без нее. Данные структуры могут также быть как односоставными, так и двусоставными. По своему составу они тождественны предложениям типа II, но отличаются от последнего отсутствием парадигмы по категориям рода, лица и числа.

- а) Гл.
- б) Гл. + Прил._{кр.}
- в) Гл. + Нар._{гл.}
- г) Гл. + Инф.
- д) Гл. + Инф. + Прил._{кр.}
- е) Гл. + Инф. + Нар._{гл.}

- ж) Они (люди) + Гл.
- з) Они + Гл. + Прил._{кр.}
- и) Они + Гл. + Нар._{гл.}
- к) Они + Гл. + Инф.
- л) Они + Гл. + Инф. +
+ Прил._{кр.}
- м) Они + Гл. + Инф. +
+ Нар._{гл.}

На прокормление крестьян и на особые гидротехнические работы отпустили пять миллионов рублей (Платонов).

Все говорят — нет правды на земле (Пушкин).

В городке не хотели верить (Н. Островский).

2. Аналогичные двенадцать подтипов дают обобщенно-лические предлодения (односоставные и двусоставные):

- а) Гл.
- б) Гл. + Прил._{пр.}
- в) Гл. + Нар._{гл.}
- г) Гл. + Инф.
- д) Гл. + Инф. + Прил._{кр.}
- е) Гл. + Инф. + Нар._{гл.}

- ж) Ты (вы) + Гл.
- з) Ты (вы) + Гл. + Прил._{кр.}
- и) Ты (вы) + Гл. + Нар._{гл.}
- к) Ты (вы) + Гл. + Инф.
- л) Ты (вы) + Гл. + Инф. +
+ Прил._{кр.}
- м) Ты (вы) + Гл. + Инф. +
+ Нар._{гл.}

Час едешь, два стоишь (Булгаков).

Теперь на собрание — ко всеобщей — попробуй не сходи! (Платонов).

Сгубила совсем человека, а какой малый-то бесподобный! Что ты будешь делать? (Писемский).

3. Перечисленные выше структуры обнаруживают полный параллелизм с типом VII. Это — такие же омонимы типа II, как предложения предыдущего типа были омонимами типа I. В рамках исследуемого синтаксического типа, однако, имеется еще целый ряд предложений, непараллельных по форме типу VII.

Таковы, прежде всего, безличные предложения. Дело в том, что приглагольный член безличных предложений допускает постановку только в творительном падеже во всех случаях, независимо от формы выражения. Поэтому он может рассматриваться как адвербиализованный. В результате этого противопоставление безличных структур в корреляции типов VII—VIII оказывается полностью нейтрализованным, и все они рассматриваются в типе VIII.

Количество и характер разновидностей безличных структур, относящихся к типу VIII, очевидно, совершенно тождественны характеру односоставных неопределенно-лических или обобщенно-лических структур того же типа:

- а) Гл.
- б) Гл. + Прил._{кр.}
- в) Гл. + Нар._{гл.}
- г) Гл. + Инф.
- д) Гл. + Инф. + Прил._{кр.}
- е) Гл. + Инф. + Нар._{гл.}

Стало тепло (Чехов).

В ходьбе прошло с полчаса (Достоевский).

Правда, наряду с этим, существуют безличные сочетания глагола с предикативом:

- а) Гл. + Пред.
- б) Гл. + Инф. + Пред.

4. Наконец, существуют совершенно параллельные предыдущим типы безличных предложений, формально оказывающиеся двусоставными за счет подстановки пустых синтаксических элементов — квази-местоимений типа *это, оно, все* и т. д.

а) Кв.мест. + Гл.	д) Кв.мест. + Гл. + Инф. +
+ Прил.кр.
б) Кв.мест. + Гл. + Прил.кр.	е) Кв.мест. + Гл. + Инф.
в) Кв.мест. + Гл. + Нар.гл.	ж) Кв.мест. + Гл. + Инф. +
+ Нар.гл.
г) Кв.мест. + Гл. + Пред.	з) Кв.мест. + Гл. + Инф. +
+ Пред.

Все во мне требовало чего-то отчаянно-ловкого (Бунин).
Знать, это мне все сдуру так показалось (Достоевский).
Да! Оно случилось действительно так (Достоевский).

Это еще раз подтверждает, во-первых, что класс слов, который мы назвали квази-местоимением, выполняет в предложении чисто формальную функцию, не меняя радикально его структуры, и, во-вторых, — что такие понятия, как безличность (так же как обобщенно-личность и т. п.) являются функциональными и реализуются поэтому в самых различных конструкциях — как односоставных, так и двусоставных.

Итак, типы VII и VIII образуют корреляцию по категории падежа. Данная оппозиция оказывается пропорциональной уже отмечавшимся противопоставлениям типов I—II, III—IV и V—VI. С другой стороны, типы VII и VIII образуют корреляции с типами V и VI соответственно, будучи противопоставлены последним по признаку свободного/связанного характера категории числа, причем типы VII и VIII, разумеется, выступают в данной корреляции в качестве слабых ее членов. В этом смысле отношения данных типов с типами III и IV являются более далекими (противопоставление по двум признакам), и, наконец, наиболее удаленными оказываются типы I и II — они противопоставляются уже по трем признакам.

Теперь мы переходим к описанию следующего участка нашей системы, структура которого как по количеству типов, так и по характеру их соотношений вполне тождественна уже описанному и который противопоставляется последнему по одному признаку — характеру категории вида. Если до сих пор мы имели дело со структурами, в которых категория вида выступала как свободная, то теперь мы рассмотрим предложения, парадигмы которых отличаются от парадигм первых восьми типов связанностью данной категории.

IX. н+вр+в-р+л+ч+п+

Структуры, в которых реализуется данный тип, в основном параллельны структурам типа I, с той лишь разницей, что если обязательным элементом типа I был глагол с парадигмой по виду, то в типе IX глагол отсутствует, заменяясь связкой (не имеющей видового варьирования).

1. Прежде всего, следовательно, данный тип реализуется в соединении личного местоимения со связкой и именной частью в именительном/творительном падежах. Спецификой этой конструкции по сравнению с типом I является то, что в отличие от позиции при глаголе присвязочный член допускает падежное варьирование во всех случаях, когда он выражен каким-либо классом слов, обладающим падежной парадигмой. Это, естественно, означает увеличение числа структурных разновидностей данного типа, поскольку таковыми являются здесь и конструкции с субстантивными классами в присвязочной позиции, которые в типе I были, как мы видели, адвербиализованы.

С другой стороны, механизм согласовательных связей в данном случае совершенно аналогичен типам с глаголом-сказуемым, поэтому и здесь можно говорить о свертывании парадигмы присвязочного члена по всем категориям, кроме категории падежа.

Таким образом, обнаруживаем шесть разновидностей типа IX:

а) Мест. _{л.} + Св. + Сущ.	г) Мест. _{л.} + Св. + Прил.
б) Мест. _{л.} + Св. + Мест. _{л.}	д) Мест. _{л.} + Св. + Мест. _{сущ.}
в) Мест. _{л.} + Св. + Мест. _{пр.}	е) Мест. _{л.} + Св. + Числ.

А ведь я вам почти родная (Достоевский).

Самоубийца я этакой (Достоевский).

Ты был человеком определенных убеждений, светлой личностью (Чехов).

2. С другой стороны, тип IX, так же как и тип I, предполагает соответствующие сокращенные варианты (без личного местоимения), сохраняющие автосемантический характер. Это — предложения, в которых именная часть является не координированной со связкой, а зависимой от нее. Данная структура выступает в шести разновидностях:

а) Св. + Сущ.	г) Св. + Прил.
б) Св. + Мест. _{л.}	д) Св. + Мест. _{сущ.}
в) Св. + Мест. _{пр.}	е) Св. + Числ.

Что, заявление об уходе? (Леонов).

Замечательные, ваше превосходительство (Чехов).

Хочешь быть молодцом, — так будь джигит, а не мужик (Л. Толстой).

Структура парадигмы типа IX в основных чертах совпадает со структурой типа I. Различие обусловлено, с одной стороны, отсутствием вариантности форм вида, с другой — своеобразием временной парадигмы связки (включающей в себя четыре варианта). В целом парадигма типа IX складывается из 92 вариантов.

Х. н+вр+в-р+л+ч+п-

1. К данному типу относятся соединения личного местоимения со связкой, к которой может быть также присоединен присвязочный член.

- а) Мест._{л.} + Св.
- б) Мест._{л.} + Св. + Прил._{кр.}
- в) Мест._{л.} + Св. + Нар._{гл.}

Нетрудно убедиться, что первая из отмеченных разновидностей представляет собой «номинативное» предложение, вернее, та структура, которая обычно так называется, является одним из элементов данной синтаксической парадигмы. Здесь еще раз мы убеждаемся, что различие между односоставными и двусоставными структурами с точки зрения нашего описания оказывается нерелевантным.

Где же ты был? (Булгаков).

На другой день, в воскресенье, он был в гимназической церкви и виделся там с директором и товарищами (Чехов).

Как оно высоко, как чуждо всему! (Бунин).

2. Далее, как и в типе IX, здесь существует автосемантическая сокращенная разновидность — без личного местоимения. Вследствие этого могут быть выделены еще три структуры, параллельные уже названным.

- а) Св.
- б) Св. + Прил._{кр.}
- в) Св. + Нар._{гл.}

Была, должно быть, в городской библиотеке (Чехов).

Душевно вам признателен (Булгаков).

Как хороша! (Чехов).

3. Наконец, данный тип, так же как соотносительный с ним тип II, предполагает структуры со словами типа *это* и личным местоимением, которое в данном случае выступает в сочетании со связкой. О характере этих структур в случае употребления связки может быть сказано то же самое, что уже говорилось о соответствующих им глагольных структурах типа II.

- а) Кв._{мест.} + Св. + Мест._{л.}
- б) Кв._{мест.} + Св.

Или это он? (Достоевский).

Структура парадигмы типа X в точности соответствует парадигме предыдущего типа, за исключением отсутствующих здесь падежных противопоставлений. В отличие от корреляций по этому признаку, описанных ранее, в силу некоторых особенностей связочной парадигмы (наличие двух вариантов настоящего времени, из которых один — *есть* — допускает только форму именительного падежа) соотношение числа вариантов здесь не-

сколько иное, чем один к двум. В частности, парадигма типа X предполагает наличие 50 вариантов.

Итак, синтаксические типы IX—X образуют корреляцию, пропорциональную четырем уже рассмотренным корреляциям типа I—II и т. д. При этом слабым членом противопоставления по категории падежа оказывается тип X. Поэтому в результате нейтрализации данного противопоставления происходит совпадение парадигм в структуре слабого члена, то есть типа X (как и в других нейтрализуемых противопоставлениях, уже описанных ранее). Мы знаем, в частности, что случаем нейтрализации рассматриваемого противопоставления повсеместно является позиция именной части при словах *как, точно, словно* и т. п. (в сравнительных оборотах), в которой исключается возможность постановки творительного падежа и тем самым возможность варьирования падежной формы.

С другой стороны, типы IX и X находятся соответственно в противопоставлениях с типами I и II. Корреляции I—IX и II—X осуществляются на основе свободного или связанного характера категории вида, которая и выступает в данном противопоставлении в качестве релевантного дифференциального признака. По этому признаку типы IX и X оказываются слабыми элементами корреляции, что ведет в случаях нейтрализации противопоставления к совпадению парадигм соответственно типа I с IX и типа II с X. Такая нейтрализация происходит, в частности, с глаголом *стать* в позиции перед предикативом. В этой позиции глагол *стать* может выступать только в форме совершенного вида. Таким образом, структуры типа Мест._{л.} + Гл. + Инф. + Прил. и Мест._{л.} + Гл. + Инф. + (Нар.) при употреблении глагола *стать* по характеру парадигмы не отличаются соответственно от типов IX и X²⁰.

XI. н+вр+в-р+л-ч+п+

Это — тип, противопоставленный в системе непосредственно, во-первых, типу IX и, во-вторых, типу III, что и обуславливает структурный параллелизм его манифестаций с конструкциями, в которых реализуются два названных синтаксических инварианта. В частности, тип XI реализуется в соединениях местоименного прилагательного (варьирующегося по роду, но не по лицу), связки и изменяемого по падежам именного присвязочного члена. Поскольку выше уже говорилось, что в присвязочной позиции оказывается допустимым варьирование по падежам любых именных

²⁰ Речь идет, разумеется, о «свертывании» видовой парадигмы в результате нейтрализации на морфологическом уровне (в некоторой позиции, определенной в терминах формальных классов слов) а не на лексическом (у определенных слов с дефектной парадигмой) и не синтаксическом (в позиции, определяемой уже как окружение одного предложения другими).

элементов, это обстоятельство обуславливает наличие шести структурных разновидностей описываемого типа:

а) Мест. пр. + Св. + Сущ.	г) Мест. пр. + Св. + Прил.
б) Мест. пр. + Св. + Мест. л.	д) Мест. пр. + Св. + Мест. сущ.
в) Мест. пр. + Св. + Мест. пр.	е) Мест. пр. + Св. + Числ.

В бугристом месте посередине степи тордом стоит — весь червивый такой, в кровотоцинах и шитый из кусков! (Платонов).

Парадигма данного синтаксического инварианта состоит из 36 единиц.

ХII. н+вр+в-р-л-ч+п-

Этот тип оказывается непосредственно противопоставлен предыдущему на основании дифференциального признака, хорошо известного из описанного выше, — характера категории падежа. Его отношение к типу ХI пропорционально уже рассмотренным пяти аналогичным корреляциям синтаксических инвариантов. Структурно данный тип оказывается чрезвычайно близок также типу IV, отличаясь от последнего лишь наличием связки вместо глагола. На основании данных противопоставлений возможные реализации синтаксического типа ХII могут быть легко исчислены.

а) Мест. пр. + Св.	в) Мест. пр. + Св. + Прил. кр.
б) Кв. месг. + Св. + Мест. пр.	г) Мест. пр. + Св. + Нар.

Таким образом, тип ХII реализуется в соединении местоименного прилагательного со связкой, к которой также может быть добавлен присвязочный член, а также описанной уже структурой с квази-местоимением. Первая из этих разновидностей (как и первая разновидность типа Х) представляет собой номинативное предложение. Разновидность б) (в связи со всем сказанным об этой конструкции ранее) также может быть квалифицирована как «номинативная», осложненная пустым синтаксическим элементом ядерной структуры. Таким образом, и в этом синтаксическом типе (и даже в пределах одной парадигмы — в разновидности а)) мы встречаемся как с односоставными, так и с двусоставными конструкциями.

Некоторые просто страшны! (Бунин).

Там уже есть один — капитан Мышлавский (Булгаков).

Парадигма данного типа складывается из противопоставления форм наклонения и времени связки, рода и числа у местоименного прилагательного и включает 20 вариантов.

ХIII. н+вр+в-р-л-ч+п+

Структура этого типа параллельна с одной стороны, типам IX и XI, с другой стороны, типу V. В качестве общих существенных черт, объединяющих все эти типы с точки зрения их внутреннего строения, можно выделить двусоставность и составной (по

традиционной терминологии) характер сказуемого с изменяющейся по падежам именной частью. От первых двух тип XIII отличается тем, что в роли подлежащего здесь выступает существительное — класс слов, изменяющихся по числам, но не изменяющихся по лицам. От типа V данный инвариант, в свою очередь, отличается наличием в сказуемом не глагола, а связки.

Итак, мы можем выделить следующие разновидности данного типа:

а) Сущ. + Св. + Сущ.	г) Сущ. + Св. + Прил.
б) Сущ. + Св. + Мест. л.	д) Сущ. + Св. + Мест. сущ.
в) Сущ. + Св. + Мест. пр.	е) Сущ. + Св. + Числ.

Общественность не дело поэта (Бунин).

Человек есть существо, ко всему привыкающее (Достоевский).

У меня мать здесь учительницей (Федин).

Как и во всех предыдущих структурах, прибавление как к подлежащему, так и к сказуемому квази-местоимений не меняет ни механизма согласовательных связей в предложении, ни его парадигматики:

Что это какое утро сегодня хорошее, маточка (Достоевский).

Парадигма типа XIII складывается из 18 вариантов.

XIV. н + вр + в — р — л — ч + п —

Данный синтаксический тип, так же как и соотносительный с ним тип VI, чрезвычайно распространен в русском языке. Его реализацией является, во-первых, соединение существительного со связкой (один из членов парадигмы данного соединения — с нулевой связкой, как уже говорилось, рассматривается обычно как «номинативное» предложение):

а) Сущ. + Св.

У меня в детстве была такая же нянька (Чехов).

Ну, уж квартира! (Достоевский).

Другой разновидностью рассматриваемого синтаксического инварианта является аналогичная «номинативная» конструкция, в которой наличествует также квази-местоимение:

б) Кв. мест. + Сущ. + Св.

Надо сказать, что данный тип, пожалуй, дает наибольшее разнообразие различных соединений с квази-местоимениями.

Это для меня уже юг (Бунин).

Господи, что это за звонок? (Булгаков).

Наконец, тип XIV реализуется в соединениях с составным сказуемым, где в роли присвязочного члена выступают неизменяемые по падежам классы слов — краткие прилагательные и наречия (а также, разумеется, различные адverbIALIZEDованные предложно-падежные конструкции — в тех случаях, когда они оказываются несвертываемыми):

в) Сущ. + Св. + Прил. кр.

г) Сущ. + Св. + Нар. гл.

У него и взгляд, и движения, и разговор нежны и изящны, как у матери (Чехов).

Ночь была густо темна, тепла (Бунин).

Парадигма типа XIV предполагает 10 вариантов.

Итак, перед нами еще одна корреляция, конституируемая, как дифференциальным признаком, состоянием категории падежа, — XIII—XIV. Данное противопоставление, так же как во всех остальных аналогичных случаях, нейтрализуется при постановке присвязочного члена в соединении со словом *как* и некоторыми другими:

Моя солдатская шинель — как печать отвержения (Лермонтов).

С другой стороны, типы XIII и XIV находятся в противопоставлении (в качестве слабых членов) с типами XI и XII по признаку свободной/связанной категории рода. От типов IX и X их отделяет уже два дифференциальных признака — состояние категорий рода и лица. Оппозиции XI—XIII и XII—XIV пропорциональны уже рассматривавшимся оппозициям III—V и IV—VI.

Наконец, типы XIII и XIV находятся в непосредственном противопоставлении соответственно с типами V и VI по характеру категории вида, причем и в этом противопоставлении первые являются слабыми членами. Эти оппозиции — V—XIII и VI—XIV — пропорциональны соответственно парам I—IX, III—XI и II—X, IV—XII. Нейтрализация рассматриваемых здесь оппозиций, как и всех вышеуказанных пропорциональных им, происходит в ряде позиций (в частности, для глагола *стать* в сочетании с инфинитивом), в которых утрачивается (на грамматическом уровне) видовая корреляция глаголов:

Гости стали расходиться в полночь (Чехов).

XV. н + вр + в - р - л - ч - п +

Этот тип соотносителен с типом VII и структурно параллелен последнему.

1. Он реализуется, во-первых в различных соединениях подлежащего-числительного с составным сказуемым (с изменяемой по падежам именной частью).

а) Числ. + Св. + Сущ.

г) Числ. + Св. + Прил.

б) Числ. + Св. + Мест. л.

д) Числ. + Св. + Мест. сущ.

в) Числ. + Св. + Мест. пр.

е) Числ. + Св. + Числ.

Три четверти каждой из этих сонат — пошлость, гам, кавардак (Бунин).

2. Во-вторых, данный синтаксический инвариант реализуется в аналогичных конструкциях, в которых в роли подлежащего выступают местоименные существительные.

а) Мест. сущ. + Св. + Сущ.	г) Мест. сущ. + Св. + Прил.
б) Мест. сущ. + Св. + Мест. л.	д) Мест. сущ. + Св. + Мест. сущ.
в) Мест. сущ. + Св. + Мест. пр.	е) Мест. сущ. + Св. + Числ.

Пошли торопливые расспросы: кто смоленский, кто полтавский, кто донской (Казакевич).

Парадигма данного типа состоит из 9 элементов.

Наряду с этим (так же как и в типе VII) мы можем отметить для данного инварианта множество реализаций иного порядка. Имеются в виду структуры, омонимичные по составу некоторым другим структурам, представленным в других функциональных типах (в частности, в типе IX). Причем и эти структуры оказываются параллельными соответствующим реализациям типа VII (омонимичным, соответственно, типу I).

1. Во-первых, здесь имеются в виду обобщенно-личные предложения с составным (связочным) главным членом:

а) Св. + Сущ.	г) Св. + Прил.
б) Св. + Мест. л.	д) Св. + Мест. пр.
в) Св. + Мест. пр.	е) Св. + Числ.

Будешь тут тихим.*

Связка при этом употребляется в форме второго лица единственного (редко множественного) числа будущего времени, или в форме мужского рода единственного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения, или, наконец, в повелительном наклонении. Характерной особенностью данной парадигмы по сравнению с общей парадигмой других разновидностей типа XV является, таким образом, наличие формы повелительного наклонения, а кроме того, отсутствие конструкций с нулевой связкой и формой *есть*. Данные члены связочной парадигмы не употребляются в обобщенно-личном предложении — их появление предполагает возможность варьирования форм числа, лица и рода (то есть переводит предложение в разряд «номинативных»). Вследствие этого парадигма описываемой разновидности, принадлежа, в определяющих чертах, к типу XV, несколько разнится от остальных манифестаций этого типа по числу вариантов (их тут 8).

2. Совершенно аналогичны предыдущим обобщенно-личные предложения, формально являющиеся двусоставными — с подлежащим, выраженным словами *ты* или *вы*. Здесь также можно обнаружить шесть разновидностей:

а) <i>Ты (вы)</i> + Св. + Сущ.	г) <i>Ты (вы)</i> + Св. + Прил.
б) <i>Ты (вы)</i> + Св. + Мест. л.	д) <i>Ты (вы)</i> + Св. + Мест. сущ.
в) <i>Ты (вы)</i> + Св. + Мест. пр.	е) <i>Ты (вы)</i> + Св. + Числ.

3. Довольно редко встречаются, но все же возможны неопределенно-личные предложения со связкой в форме третьего лица множественного числа будущего времени или множественного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения. Здесь также невозможна связка в настоящем времени — ни в виде нулевой формы, ни в виде формы *есть*, в результате чего парадигма данного вида сокращается до шести вариантов.

Итак, мы можем перечислить еще шесть «неопределенно-личных» разновидностей типа XV:

а) Св. ^{3 л., мн. ч.} + Сущ.	г) Св. ^{3 л., мн. ч.} + Прил.
б) Св. ^{3 л., мн. ч.} + Мест. л.	д) Св. ^{3 л., мн. ч.} + Мест. сущ.
в) Св. ^{3 л., мн. ч.} + Мест. пр.	е) Св. ^{3 л., мн. ч.} + Числ.

4. Двусоставная разновидность неопределенно-личных предложений — со словами *они, люди, человек* в роли подлежащего:

а) <i>Они</i> + Св. + Сущ.	г) <i>Они</i> + Св. + Прил.
б) <i>Они</i> + Св. + Мест. л.	д) <i>Они</i> + Св. + Мест. сущ.
в) <i>Они</i> + Св. + Мест. пр.	е) <i>Они</i> + Св. + Числ.

Как было показано, противопоставление безличных предложений типов VII и VIII полностью нейтрализовалось благодаря невозможности постановки любого имени в именительном падеже при безличном (или употребленном как безличный) глаголе. В этом отношении тип XV являет полную аналогию — его противопоставление с типом XVI по данной разновидности также полностью нейтрализовано.

В этом нет ничего удивительного, поскольку постановка имени в номинативе разрушает безличный характер конструкции — недаром соединение собственно безличных глаголов с номинативом просто невозможно.

Таким образом, тип XV, так же как и тип VII, не представлен в безличных предложениях.

XVI. н + вр + в — р — л — ч — п —

Реализации данного типа, так же как и предыдущего, состоят как из исчисляемых на основе морфологического состава структур, так и из структур, омонимичных типам IX и X.

1. К первым относятся, прежде всего, двусоставные конструкции с подлежащим, выраженным именем числительным, и неизменяемой присвязочной частью:

а) Числ. + Св.	в) Числ. + Св. + Прил. кр.
б) Кв. мест. + Св. + Числ.	г) Числ. + Св. + Нар. гл.

Было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев (Платонов).

2. Сюда относятся также параллельные конструкции с местоименным существительным:

а) Мест.сущ. + Св.

в) Мест.сущ. + Св. + Прил.кр.

б) Кв.мест. + Св. + Мест.сущ.

г) Мест.сущ. + Св. + Нар.гл.

А что же будет с ними со всеми? (Булгаков).

А кто бы это такое был — пойдемте-ка узнать?.. (Лермонтов).

Парадигма типа XVI включает в себя уже только пять элементов.

Наряду с этим, для типа XVI (так же как и для соотнесенных с ним типов XV, с одной стороны, и VIII — с другой) характерно большое разнообразие структур-омонимов, о которых уже упоминалось выше. Этими структурами являются различные односоставные и двусоставные обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения.

Первые две из этих разновидностей весьма близки соответствующим предложениям типа XV, отличаясь от них лишь отсутствием или неизменяемым характером присвязочного члена.

1. Отметим прежде всего обобщенно-личные предложения (как односоставные, так и двусоставные с формальным подлежащим *ты*, *вы*), относящиеся к данному типу.

а) Св. 2л., ед. ч.

г) *Ты (вы)* + Св.

б) Св. 2л., ед. ч. + Прил.кр.

д) *Ты (вы)* + Св. + Прил.кр.

в) Св. 2л., ед. ч. + Нар.гл.

е) *Ты (вы)* + Св. + Нар.гл.

Будешь (ты) тут спокоен*.

Заметим, что парадигма данной разновидности не допускает наличия связи в настоящем времени, но имеет вариант со связкой в повелительном наклонении, в результате чего общее количество вариантов здесь оказывается равно четырем.

2. Аналогичные шесть структур носят неопределенно-личный характер.

а) Св. 3л., мн. ч.

г) *Они (люди)* + Св.

б) Св. 3л., мн. ч. + Прил.кр.

д) *Они* + Св. + Прил.кр.

в) Св. 3л., мн. ч. + Нар.гл.

е) *Они* + Св. + Нар.гл.

И для этой разновидности отсутствуют варианты со связкой в форме настоящего времени. Таким образом, здесь мы насчитываем уже три варианта в парадигме.

Заметим попутно, что в отмеченных случаях (с неопределенно-личными и обобщенно-личными предложениями) мы имеем дело как бы с дефектными синтаксическими парадигмами, подобно тому, как некоторые подклассы слов отличаются дефектными морфологическими парадигмами.

Наконец, в типе XVI сосредоточены все безличные структуры со связкой, подобно тому как в типе VIII были сосредоточены все глагольные безличные предложения. Безличные конструкции, относящиеся к типу XVI, являются как односоставными, так и двусоставными, с присвязочной именной частью и без нее, то есть могут быть омонимичны как типу IX, так и типу X.

3. Отметим сначала односоставные безличные предложения. Сюда относятся случаи безличного употребления связки, являющейся изолированной либо выступающей в сочетании с кратким прилагательным, наречием (и адverbализованной неизменяемой именной частью), а также (специфика безличных структур) с предикативом. Форма связки при этом, так же как при безличном употреблении глагола, — третье лицо единственного числа (в будущем времени) или средний род единственного числа (в прошедшем времени и сослагательном наклонении). В отличие от обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений, специфика безличного предложения не утрачивается при наличии связки в настоящем времени (в форме *есть* или нулевой форме), вследствие чего парадигма данной разновидности полностью соответствует типовой.

Итак, можно выделить четыре разновидности односоставных безличных предложений типа XVI.

а) Св. 3 л., ед. ч.

в) Св. 3 л., ед. ч. + Нар. гл.

б) Св. 3 л., ед. ч. + Прил. кр.

г) Св. 3 л., ед. ч. + Пред.

И как ловко описано все! (Достоевский).

Пора за работу (Достоевский).

Ах, добрый друг, как мне жаль вас! (Достоевский).

Особо должна быть отмечена структура с отрицанием. В принципе отрицание *не* не оказывает решительно никакого влияния на строение синтаксической парадигмы. Однако присвязочные безличные конструкции при отрицании отличаются тем, что теряют два варианта связки в настоящем времени, заменяемых формой *нет*. В связи с этим структура парадигмы такого предложения оказывается дефектной: количество образующих ее вариантов сокращается при этом до четырех.

Затем во весь учебный сезон не было никаких особенных событий (Чехов).

Нет мне счастья на этом свете (Чехов).

4. Наконец, наряду с односоставными, существуют, как мы уже знаем, двусоставные безличные предложения. Роль формального подлежащего в последних выполняет квази-местоимение. В остальном они вполне тождественны отмеченным предыдущим разновидностям.

а) Кв. мест. + Св.

в) Кв. мест. + Св. + Нар. гл.

б) Кв. мест. + Св. + Прил. кр.

г) Кв. мест. + Св. + Пред.

Послушай, это изумительно! (Бунин).

Это было тоже вечером, только темным и пасмурным (Бунин).

Вот оно таким-то образом и будет теперь (Достоевский).

Мы рассмотрели тип XVI. Нетрудно определить те коррелятивные связи, в которых (в пределах описанного нами участка системы) конституируется данный тип. Это, во-первых, корреляция по категории падежа с типом XV; далее, корреляция по категории числа с типом XIV (аналогичной является корреляция XIII—XV) и, наконец, противопоставление по категории вида с типом VIII (пропорциональное оппозиции VII—XV).

Итак, нами рассмотрена половина предполагаемых типов, составляющих предложенную модель синтаксической системы русского языка. Уже на этом этапе исследования мы можем отметить, что каждый синтаксический инвариант включается по крайней мере в три (а нередко и в четыре) противопоставления с другими инвариантами по различным дифференциальным признакам. Описанный до сих пор участок системы является наиболее употребительным в современном русском языке (хотя и тут, как легко было заметить, употребительность отдельных типов, даже разновидностей одного типа, иногда значительно различалась). Мы переходим далее к описанию следующих шестнадцати синтаксических инвариантов, которые, напротив, несмотря на значительное многообразие манифестирующих их структур, в целом оказываются гораздо менее употребительными и находятся в этом смысле как бы на периферии синтаксической системы.

Все последующие структуры противопоставлены уже изученным сразу по двум признакам (необходимо взаимосвязанным, как было показано в начале этой работы) — характеру категорий наклонения и времени. А именно, данные категории оказываются связанными у описываемых ниже типов, в противоположность первым шестнадцати инвариантам, где эти категории неизменно оказывались свободными. По этому признаку (или, вернее, по этим двум признакам) вторая половина нашей синтаксической модели коррелирует с первой как ее слабое соответствие.

Собственно говоря, поскольку речь идет о противопоставлении сразу по двум признакам, может возникнуть сомнение, правомерно ли в таком случае говорить о корреляции. Однако мы знаем, что сочетаемость данных двух признаков несвободна: они выступают обязательно вместе в одном качестве. Тем самым оказывается достаточно знать характер одной из категорий, чтобы совершенно точно предсказать и характер другой. Поскольку, таким образом, информация о характере одной из категорий (любой) оказывается здесь избыточной, противопоставление можно считать конституирующимся как бы только по одному признаку.

Структурно типы XVII—XXXII обнаруживают известный параллелизм описанным нами типам I—XVI, и могут быть описаны поэтому в сопоставлении с последними. Отличие их от предыдущих состоит в том, что если до сих пор мы рассматривали предложения, в составе которых обязательно находилась глагольная

(или связочная) форма, выступавшая в качестве носителя категорий времени и наклонения, то теперь нам предстоит исследовать структуры, в состав которых не входят классы слов, изменяющихся по этим категориям. Такими являются прежде всего структуры с квази-императивом, инфинитивом или «междометной» формой глагола, выступающих в качестве одного из главных членов.

XVII. н — вр — в + р + л + ч + п +

1. К данному типу относится прежде всего сочетание личного местоимения с квази-императивом и несвертываемой при сказуемой частью, выраженной словом какого-либо именного класса в форме именительного или творительного падежа. Как и в типах I, III, V, VII, теоретически в этой позиции возможны шесть именных классов: существительное, личное местоимение, местоименное существительное, числительное, местоименное прилагательное и прилагательное. Однако на уровне нормы современного языка лишь слова двух последних классов оказываются возможны в форме не только творительного, но и именительного падежа. Все остальные слова употребительны в данной позиции лишь в форме творительного падежа и могут рассматриваться поэтому как адвербиализованные формы. Итак, перед нами две разновидности данного типа.

а) Мест._{л.} + Кв._{имп.} + Мест._{кр.}

б) Мест._{л.} + Кв._{имп.} + Прил.

Он и окажется тихим *.

2. Другую разновидность данного типа составляют предложения, в состав которых входит сочетание квази-императива с инфинитивом:

а) Мест._{л.} + Кв._{имп.} + Инф. + Мест._{пр.}

б) Мест._{л.} + Кв._{имп.} + Инф. + Прил.

3. Сокращения данных структур, обладающих автосемантической, возможны. Такими, в частности, являются предложения без личного местоимения. Однако, в отличие от аналогичного сокращения типа I, здесь опущение местоимения переводит структуру в иной синтаксический класс, так как при этом происходит свертывание парадигмы по роду, лицу и числу. Следовательно, случай с опущением местоимения здесь не может рассматриваться как разновидность типа с личным местоимением.

4. Теоретически в этом же типе могут быть конструкции с инфинитивом в роли одного из главных членов. Однако при независимом инфинитиве невозможна постановка зависимой именной части в именительном падеже, так как в этом случае послед-

няя всегда, независимо от способа выражения, выступает в форме творительного падежа. Поэтому описываемая инфинитивная структура реализуется в современном русском языке только в типе XVIII.

Итак, тип XVII имеет четыре структурные разновидности. Его парадигма определяется свободными категориями вида, рода, лица, числа и падежа и состоит из 32 вариантов.

XVIII. н—вр—в+р+л+ч+п—

1. К этому типу прежде всего относятся структуры, соотносительные со структурами предыдущего типа и отличающиеся от последних только отсутствием или неизменяемым характером зависимой именной части.

- а) Мест. л. + Кв. имп.
- б) Мест. л. + Кв. имп. + Прил. кр.
- в) Мест. л. + Кв. имп. + Нар. гл.
- г) Мест. л. + Кв. имп. + Инф.
- д) Мест. л. + Кв. имп. + Инф. + Прил. кр.
- е) Мест. л. + Кв. имп. + Инф. + Нар. гл.

Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди и работай для него, как каторжник!.. Он в этот доклад одной только поэзии напустил и больше ничего, а я вот день-деньской на счетах щелкай, черт бы его душу дра! (Чехов).

2. Однако, кроме этого, к типу XVIII относятся конструкции с независимым инфинитивом в роли главного члена, соотнесенным с личным местоимением.

- а) Мест. л. + Инф.
- б) Мест. л. + Инф. + Прил. кр.
- в) Мест. л. + Инф. + Нар. гл.

К последнему типу относятся также все соединения инфинитива с застывшей падежной формой имени, то есть фактически здесь можно выделить еще шесть разновидностей:

Мест. л. + Инф. + Сущ.	Мест. л. + Инф. + Прил.
Мест. л. + Инф. + Мест. л.	Мест. л. + Инф. + Мест. сущ.
Мест. л. + Инф. + Мест. пр.	Мест. л. + Инф. + Числ.

Я ну крошить во все углы
С плеча, во что уж ни попало (Пушкин).

Парадигма данного синтаксического инварианта в точности соответствует парадигме типа XVII, исключая лишь падежные противопоставления, и включает поэтому ровно вдвое меньше вариантов — 16.

Итак, рассмотренные типы XVII—XVIII находятся между собой в корреляции, которая уже хорошо знакома нам из предыдущего изложения. Это противопоставление по характеру категории падежа, в котором в качестве сильного члена (категория падежа является свободной) выступает тип XVII, в качестве слабого (категория падежа является связанной) — тип XVIII. Нейтрализация этого противопоставления также уже известна по предыдущим пропорциональным оппозициям. Она происходит при застывании зависимой именной части в форме творительного падежа (при квази-императиве — если именная часть выражена словами субстантивных классов, и при инфинитиве — во всех случаях), что приводит к ее адвербиализации и совпадению конструкции со структурами типа XVIII, а также при введении сравнительного оборота (ср. *а он и стань тут, как вкопанный*). С другой стороны, типы XVII и XVIII находятся в оппозиции с типами I и II соответственно. Дифференциальным признаком, по которому конституируются эти оппозиции, является характер категории наклонения (или категории времени; выше уже говорилось о том, что состояние этих категорий всегда является взаимосвязанным, и потому информация о характере одной из них оказывается избыточной: она с необходимостью вытекает из сведений о характере другой категории). Корреляции такого вида, как I—XVII и II—XVIII, впервые появились в нашем описании — до сих пор мы имели дело со структурами, не противопоставлявшимися по данному дифференциальному признаку.

XIX. н—вр—в+р+л—ч+п+

Данный тип в точности соответствует типу XVII, с той лишь разницей, что вместо личного местоимения в роли подлежащего здесь выступает местоимение-прилагательное. Иначе говоря, отношение этого типа к типу XVII в точности таково, как отношение типа III к типу I. Это обстоятельство предопределяет набор структурных разновидностей типа XIX.

- а) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Мест._{пр.}
- б) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Прил.
- в) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Инф. + Мест._{пр.}
- г) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Инф. + Прил.

А тот и окажись тихим * и т. п.

Парадигма данного синтаксического инварианта, в свою очередь, оказывается соответствующей парадигме типа XVII, отличаясь от последней лишь отсутствием противопоставлений по лицу. Она включает 16 вариантов.

XX. н—вр—в+р+л—ч+п—

Данный тип, в свою очередь, соотносится с предыдущим совершенно аналогично тому, как тип XVIII относится к типу XVII.

Вследствие этого его структурные разновидности также могут быть легко перечислены.

1. Прежде всего, сюда относится ряд структур с квази-императивом и неизменяемой зависимой от него частью.

- а) Мест._{пр.} + Кв._{имп.}
- б) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Прил._{кр.}
- в) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Нар._{гл.}
- г) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Инф.
- д) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Инф. + Прил._{кр.}
- е) Мест._{пр.} + Кв._{имп.} + Инф. + Нар._{гл.}

А этот и закричи *.

2. Кроме этого, к типу XX относятся инфинитивные структуры следующего вида.

- а) Мест._{пр.} + Инф.
- б) Мест._{пр.} + Инф. + Прил._{кр.}
- в) Мест._{пр.} + Инф. + Нар._{гл.} (включая все адвербиализованные классы слов и сочетания).

Видишь, подожгли город, а сами — бежать (Мамин-Сибиряк).

Парадигма данного типа содержит вдвое меньше вариантов, чем парадигма типа XIX, поскольку в ней отсутствуют падежные противопоставления. Иными словами, в ее состав входит восемь элементов.

XXI. н — вр — в + р — л — ч + п +

К этому типу относятся конструкции, структура которых вполне аналогична структуре манифестаций типов XVII и XIX и отличается от последних только тем, что в роли подлежащего здесь выступает существительное:

- а) Сущ. + Кв._{имп.} + Мест._{пр.}
- б) Сущ. + Кв._{имп.} + Прил.
- в) Сущ. + Кв._{имп.} + Инф. + Мест._{пр.}
- г) Сущ. + Кв._{имп.} + Инф. + Прил.

Человек и оказался тихим * и т. п.

Парадигма данного типа складывается из 8 вариантов.

XXII. н — вр — в + р — л — ч + п —

Данный тип, в свою очередь, тесно соотнесен с типами XVIII и XX и обнаруживает с ними полный структурный параллелизм.

Здесь, как и в двух указанных синтаксических инвариантах, мы можем обнаружить две группы манифестаторов.

1. Конструкции с квази-императивом

- а) Сущ. + Кв. _{имп.}
- б) Сущ. + Кв. _{имп.} + Прил. _{кр.}
- в) Сущ. + Кв. _{имп.} + Нар. _{гл.}
- г) Сущ. + Кв. _{имп.} + Инф.
- д) Сущ. + Кв. _{имп.} + Инф. + Прил. _{кр.}
- е) Сущ. + Кв. _{имп.} + Инф. + Нар. _{гл.}

Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь! (Грибоедов).

2. Конструкции с инфинитивом.

- а) Сущ. + Инф.
- б) Сущ. + Инф. + Прил. _{кр.}
- в) Сущ. + Инф. + Нар. _{гл.} (и все адвербиализованные формы).

Замужняя дама — изменить! (Булгаков).
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь (Пушкин).

Парадигма данного типа, ввиду отсутствия падежных противопоставлений, содержит вдвое меньше вариантов, чем парадигма типа XXI, — 4 варианта.

XXIII. н-вр-в+р-л-ч-п+

Данный тип отличается большим количеством различных манифестаторов.

1. Во-первых, к этому типу относятся структуры, подобные рассмотренным в типах XVII, XIX и XXI, но имеющие в роли подлежащего числительные.

- а) Числ. + Кв. _{имп.} + Мест. _{пр.}
- б) Числ. + Кв. _{имп.} + Прил.
- в) Числ. + Кв. _{имп.} + Инф. + Мест. _{пр.}
- г) Числ. + Кв. _{имп.} + Инф. + Прил.

Оба окажись тихими *.

2. Во-вторых, аналогичные структуры, имеющие в роли подлежащего местоименное существительное:

- а) Мест. _{сущ.} + Кв. _{имп.} + Мест. _{пр.}
- б) Мест. _{сущ.} + Кв. _{имп.} + Прил.
- в) Мест. _{сущ.} + Кв. _{имп.} + Инф. + Мест. _{пр.}
- г) Мест. _{сущ.} + Кв. _{имп.} + Инф. + Прил.

Кто-то и окажись тихим *.

3. Наконец, к этому типу относятся односоставные структуры с квази-императивом (имеющие обобщенно-личный оттенок значения):

а) Кв._{имп.} + Мест. пр.

в) Кв._{имп.} + Инф. + Мест. пр.

б) Кв._{имп.} + Прил.

г) Кв._{имп.} + Инф. + Прил.

Ну и окажись тут тихим *.

Возможность таких структур вытекает из построенной нами синтаксической модели. Действительно, как видим, такие предложения возможны, хотя реально встречаются весьма редко (как, впрочем, и все реализации описываемого участка системы). Поэтому следует считать ошибочным мнение о том, что для подобных структур «употребление подлежащего является обязательным»²¹.

Парадигма данного типа состоит из четырех вариантов.

Рассматривая нашу синтаксическую модель (вернее, уже описанный ее участок), можно видеть, что данный тип соотнесен по одному из признаков и обнаруживает значительный структурный параллелизм с типом VII. В последнем же мы отмечали, кроме структур, исчисляемых на основе морфологического состава (и аналогичных по сравнению с вышеперечисленными манифестациями типа XXIII), также ряд предложений, омонимичных по составу другим типам (односоставному и двусоставному вариантам типа I), но по функциональным особенностям относящихся к типу VII. Исходя из конструктивного параллелизма и системной близости типов VII и XXIII, мы можем ожидать аналогичного явления у последнего из них. А именно, можно предположить наличие предложений, функционально реализующих тип XXIII, но по составу тождественных (омонимичных) типу XVII (поскольку этот последний так же соответствует в нашей системе типу I, как XXIII—VII), разумеется, только в двусоставном варианте, поскольку односоставного типа XVII не имеет.

Действительно, оказываются возможны «обобщенно-личные» структуры этого типа с формальным подлежащим, выраженным словом *ты* (*вы*):

а) *Ты (вы)* + Кв._{имп.} + Мест. пр.

в) *Ты (вы)* + Кв._{имп.}

б) *Ты (вы)* + Кв._{имп.} + Прил.

+ Инф. + Мест. пр.

г) *Ты (вы)* + Кв._{имп.}

+ Инф. + Прил.

Вот ты и стань тут тихим *.

Данные предложения представляют собой как бы двойные (или даже тройные) омонимы. С одной стороны, они омонимичны типу VII, с другой — являются омоформами (совпадают с неко-

²¹ «Грамматика русского языка»..., т. II, ч. 1, стр. 400.

торыми членами парадигмы) типа VII (и через посредство последнего — также типа I). Однако и формально, и по содержанию данные предложения-омонимы различаются. Формально их оказывается возможным разграничить на основе структуры парадигмы. Предложения, указанные здесь, отличаются от своих омонимов типа XVII отсутствием варьирования форм лица (слова *ты, вы* оказываются у них вне личной парадигмы, что было уже показано, когда мы рассматривали тип VII). От омонимов типа VII их, с другой стороны, отличает отсутствие варьирования форм наклонения и времени. Данным формальным различиям соответствует различие в содержании этих предложений. От типа XVII по содержанию наши предложения отличаются обобщенным пониманием деятеля (что объединяет их со всеми обобщенно-личными предложениями), а от соответствующих вариантов типа VII — отсутствием значения «императивности».

Как видим, и в этом, особенно трудном (ввиду «многослойности» отношений омонимии) случае обращение к структуре синтаксических парадигм позволяет провести четкое формальное разграничение.

Что касается неопределенно-личных и безличных структур (омонимов соответствующих предложений типов VII и VIII), то они в пределах нашего инварианта отсутствуют. Это неудивительно, поскольку ни неопределенно-личные, ни безличные предложения (в отличие от обобщенно-личных) не допускают императивной формы, в силу чего омонимия типов VII—XXIII (и соответственно, как увидим ниже, VIII—XXIV) в этом плане не может возникнуть.

XXIV. н—вр—в+р—л—ч—п—

Данный синтаксический инвариант обладает еще большим, чем предыдущий, количеством различных манифестаций. Последние состоят из квази-императивных и инфинитивных структур, как двусоставных (с подлежащим — местоименным существительным или числительным), так и односоставных.

1. Соединение квази-императива и числительного:

а) Числ. + Кв. _{имп.}	г) Числ. + Кв. _{имп.}
б) Числ. + Кв. _{имп.} + Прил. _{кр.}	+ Инф.
в) Числ. + Кв. _{имп.} + Нар. _{гл.}	д) Числ. + Кв. _{имп.}
	+ Инф. + Прил. _{кр.}
	е) Числ. + Кв. _{имп.}
	+ Инф. + Нар. _{гл.}

Оба и упади *.

2. Соединение квази-императива и местоименного существительного:

- а) Мест. сущ. + Кв. имп.
- б) Мест. сущ. + Кв. имп. + Прил. кр.
- в) Мест. сущ. + Кв. имп. + Нар. гл.
- г) Мест. сущ. + Кв. имп. + Инф.
- д) Мест. сущ. + Кв. имп. + Инф. + Прил. кр.
- е) Мест. сущ. + Кв. имп. + Инф. + Нар. гл.

Кто-то и упади * и т. д.

3. Односоставные квази-императивные структуры:

- а) Кв. имп.
- б) Кв. имп. + Прил. кр.
- в) Кв. имп. + Нар. гл.
- г) Кв. имп. + Инф.
- д) Кв. имп. + Инф. + Прил. кр.
- е) Кв. имп. + Инф. + Нар. гл.

А я целыми днями на помойках тряпье собирай да тебя корми! Из мусора не вылезай, от корыта не отходи, ногами из рук иголку не выпусти! (Федин).

4. Соединение числительного с инфинитивом:

- а) Числ. + Инф.
- б) Числ. + Инф. + Прил. кр.
- в) Числ. + Инф. + Нар. гл. (включая все адвербиализованные формы).

Двое — кричать *.

5. Соединения местоименного существительного с инфинитивом:

- а) Мест. сущ. + Инф.
- б) Мест. сущ. + Инф. + Прил. кр.
- в) Мест. сущ. + Инф. + Нар. гл.

Кто-то (некто) — кричать *.

6. Односоставные инфинитивные конструкции:

- а) Инф.
- б) Инф. + Прил. кр.
- в) Инф. + Нар. гл.

Откуда ни возмись, навстречу Моська им.

Увидевши слона, пу на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться (Крылов).

Итак, мы исчислили 24 структурных разновидности, манифестирующих данный синтаксический тип. Его парадигма состоит из двух вариантов.

Наряду с приведенными выше исчисленными структурами мы встречаемся в типе XXIV, как и в предыдущем, с некоторыми предложениями, которые оказываются в данном типе лишь на основе своих функциональных особенностей, будучи по своему составу омонимичны некоторым предложениям типа XVIII. Таковы двусоставные обобщенно-личные предложения с квази-императивом:

- а) $T_{bl} (vbl) + \text{Кв.}_{\text{имп.}}$
- б) $T_{bl} (vbl) + \text{Кв.}_{\text{имп.}} + \text{Прил.}_{\text{кр.}}$
- в) $T_{bl} (vbl) + \text{Кв.}_{\text{имп.}} + \text{Нар.}_{\text{гл.}}$

- г) $T_{bl} (vbl) + \text{Кв.}_{\text{имп.}} + \text{Инф.}$
- д) $T_{bl} (vbl) + \text{Кв.}_{\text{имп.}} + \text{Инф.} + \text{Прил.}_{\text{кр.}}$
- е) $T_{bl} (vbl) + \text{Кв.}_{\text{имп.}} + \text{Инф.} + \text{Нар.}_{\text{гл.}}$

Ну, ты тут и посмейся *.

Как видим, два последних рассмотренных нами синтаксических инварианта объединяют структуры, характеризующиеся неопределенностью выражения субъекта действия. Этим они сходны с синтаксическими типами VII, VIII, а также XV, XVI, то есть с теми, которые в системе являются наиболее близкими к ним.

Корреляция XXIII—XXIV является последним звеном в цепи из четырех корреляций, отношения в которой конституируются на основе дифференциальных признаков, характеризующих деятеля (категорий лица, рода и числа), и которая охватывает восемь последних из рассмотренных инвариантов. В этой цепочке типы XXIII и XXIV являются слабыми элементами, противопоставленными непосредственно (по характеру категории числа) соответственно типам XXI и XXII и находящиеся также в более далеких отношениях (по двум и трем дифференциальным признакам) с типами XVII, XIX и XVIII, XX.

Таким образом, нами построено уже три таких относительно замкнутых участка синтаксической системы, каждый из которых включает восемь синтаксических типов.

Мы переходим теперь к построению последнего участка нашей модели, также состоящего из восьми синтаксических инвариантов. Этот участок в целом будет противопоставляться описанному только что восьми типам по характеру категории вида. А именно, если у последних категория вида была свободной, то у типов XXV—XXXII, которые нам предстоит описать, данная категория является связанной. Таким образом, отношение между двумя последними «колоннами» нашей системы оказывается пропорциональным отношению между цепочкой инвариантов I—VIII, с одной стороны, и цепочкой IX—XVI, с другой. Из этого, очевидно, следует, что интересующие нас теперь типы предложений обнаруживают параллелизм с типами IX—XVI, подобно тому, как предыдущие восемь оказывались во многом аналогичны по структуре типам I—VIII. Такой параллелизм, как мы уже не раз имели случаи убедиться, значительно облегчает исчисление конструктивных разновидностей, в которых реализуется тот или иной инвариант, что оказывается особенно ценно на описываемом участке системы, поскольку данные типы реально значительно реже появляются в речи, и при помощи простого наблюдения описать их было бы затруднительно.

XXV. н-вр-в-р+л+ч+п+

Подобно тому, как типы, имеющие в своем составе глагол и связку, соотносятся по категории вида, аналогичные отношения наблюдаем у структур, содержащих, с одной стороны, глагольный квази-императив и инфинитив, с другой стороны, связочный квази-императив и связочный инфинитив. Таким образом, инварианты, которые мы будем описывать, содержат в своем составе, как правило, связочный квази-императив и инфинитив (исключение, как увидим ниже, составляют лишь некоторые предложения-омонимы, имеющие иной морфологический состав, но функционально принадлежащие к описываемым типам). В остальной структура типов XXV—XXXII совершенно аналогична структуре типов XVII—XXIV соответственно.

В частности, тип XXV реализуется в сочетаниях личного местоимения, связочного квази-императива и зависимой части, выраженной различными именными классами. При этом, как известно, связка отличалась от глагола тем, что допускала при себе именительный падеж (наряду с творительным) не только слов адъективных классов, но и субстантивных, в связи с чем связочные структуры давали больше разновидностей, чем соответствующие глагольные. Совершенно аналогичная картина наблюдается в случае с квази-императивом. Если глагольный квази-императив допускал при себе именительный падеж только местоименного прилагательного или прилагательного, все же остальные (субстантивные) манифестаторы зависимой именной части могли стоять только в творительном падеже и потому рассматривались нами как адвербиализованные, то при связочном квази-императиве падежное варьирование именной части оказывается возможным во всех случаях. Это приводит к возможности существования шести структурных разновидностей описываемого типа.

- а) Мест. л. + Св. кв. имп. + Мест. л.
- б) Мест. л. + Св. кв. имп. + Сущ.
- в) Мест. л. + Св. кв. имп. + Мест. пр.
- г) Мест. л. + Св. кв. имп. + Прил
- д) Мест. л. + Св. кв. имп. + Мест. сущ.
- е) Мест. л. + Св. кв. имп. + Числ.

Будь я богатый, погнал бы тебя учиться (Горький).
Да будь я и негром преклонных годов... (Маяковский).

С другой стороны, подобно тому как связка (в отличие от глагола) не допускает сочетаний с инфинитивом, так и связочный квази-императив, в отличие от глагольного, не допускает этих сочетаний.

Что касается связочного инфинитива, то он в отношении сочетаемости с именной частью не отличается от глагольного инфинитива, то есть допускает постановку последней только в форме

творительного падежа, исключая таким образом падежное варьирование. В связи с этим исследуемый синтаксический тип в современном русском языке не реализуется в инфинитивных структурах.

Парадигма данного типа может быть сопоставлена непосредственно с парадигмой типа XVII, от которой она отличается отсутствием видовых противопоставлений. Данная парадигма состоит из 16 вариантов.

XXVI. н-вр-в-р+л+ч+п-

1. Данный тип, во-первых реализуется в соединении личного местоимения и связочного квази-императива (к которому может добавляться также неизменяемая по падежам именная часть):

а) Мест. л. + Св. кв. имп.

б) Мест. л. + Св. кв. имп. + Прил. кр.

в) Мест. л. + Св. кв. имп. + Нар. гл.

И будь не я, коптел бы ты в Твери (Грибоедов).

2. Далее, сюда относятся также соединения личного местоимения и связочного инфинитива:

а) Мест. л. + Св. инф.

б) Мест. л. + Св. инф. + Прил. кр.

в) Мест. л. + Св. инф. + Нар. гл.

(включая все адвербиализованные конструкции).

3. Кроме связочного квази-императива и связочного инфинитива, формой, не обладающей категориями наклонения, времени и вида, является междометие. Соединения личного местоимения с междометием, таким образом, составляют еще одну структурную разновидность нашего типа. Такая разновидность — единственная, поскольку междометие не допускает при себе несвертываемой именной части или инфинитива.

Мест. л. + Межд.

Надо сказать, что в данной конструкции особенно легко употребительны так называемые «глагольные междометия» (или «междометная форма глагола», как ее иногда называют) — *хлоп, бац, трах* и т. п. Но наряду с этим возможны и собственно междометия, приобретающие в этом случае некоторый «глагольный» (процессуальный) оттенок.

Парадигма типа XXVI предполагает наличие восьми вариантов.

Наконец, данный синтаксический инвариант содержит еще ряд структур, внешне напоминающих предложения других типов, но по особенностям своей структуры входящих в состав типа XXVI.

Таковы предложения, состоящие из личных местоимений без связки. Этим они отличаются от соответствующих номинативных

предложений (тип X). Однако последние при нулевой связке внешне совпадают с описываемыми здесь предложениями. Итак, в некоторых своих формах номинативные предложения оказываются как бы синтаксическими «омофонами» (так как состав здесь фактически различен) данных структур типа XXVI.

Итак, тип XXVI реализуется в конструкции — Мест.д. Сюда относятся некоторые из предложений, квалифицируемых обычно как «внешне сходные с номинативными», а именно так называемый «именительный представления».

Вот я! Говорить я хоть до утра, а примись писать, и бог знает, что выйдет (А. Островский).

Внешне сходными с только что описанными являются эллиптические бессказуемые предложения (речь, идет, разумеется, о таких, в которых пропуск сказуемого не нарушает автосемантического характера предложения).

Надо сказать, что ни по своему составу, ни по характеру парадигмы данные предложения не отличаются от предыдущих. Если рассматривать только ядерные структуры, формально разграничить данные предложения не представляется возможным. Однако различие все же имеется. Оно состоит в том, что «именительный представления» может выступать либо изолированно (как ядерная структура), либо допускает только атрибутивное распространение. Напротив, эллиптические структуры не могут быть употреблены изолированно и обязательно требуют объектного или обстоятельственного (приглагольного) распространителя. Ср. «именительный представления» *улица направо...*, где распространитель относится к имени непосредственно и имеет атрибутивное значение, и эллиптическое предложение *улица — направо!* (в значении 'улица свернула направо'), где распространитель имеет обстоятельственное значение и мыслится как приглагольный (хотя фактически глагол и отсутствует). О том, что в подобном случае распространитель не относится к местоимению, свидетельствует отсутствие согласования в тех случаях, когда оно в принципе было бы возможно (то есть когда распространитель выражен кратким прилагательным). Ср. *он серьезно?*

И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!... (Булгаков).

Характерно, что добавление квази-местоимений и в данном случае совершенно не изменяет характера структуры.

Ничего, что я так (Чехов).

Алеша, это ты напрасно, ей-богу (Булгаков).

Итак, мы описали первую пару инвариантов интересующего нас участка системы. Члены данной пары противопоставлены между собой по категории падежа (с обычным, уже описанным ранее для аналогичных случаев механизмом нейтрализации), а также включены в две оппозиции: по категории наклонения (времени) — с типами IX и X, и по категории вида — с типами XVII и XVIII.

XXVII. н-вр-в-р+л-ч+п+

Данный синтаксический тип аналогичен по структуре своих манифестаций типу XXV. Он реализуется в соединении местоименного прилагательного со связочным квази-императивом и зависимой именной частью:

- а) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Мест._{л.}
- б) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Сущ.
- в) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Мест._{пр.}
- г) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Мест._{сущ.}
- д) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Прил.
- е) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Числ.

Парадигма данного типа предполагает наличие восьми вариантов

XXVIII. н-вр-в-р+л-ч+п-

Данный тип, в свою очередь, представляет собой структурную параллель типу XXVI. Он реализуется в следующих конструкциях.

1. Соединение местоименного прилагательного и связочного квази-императива:

- а) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.}
- б) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Прил._{кр.}
- в) Мест._{пр.} + Св._{кв. имп.} + Нар._{гл.}

Ах, тот скажи любви прости,
Кто на три года вдаль уедет! (Грибоедов).

2. Соединение местоименного прилагательного и связочного инфинитива:

- а) Мест._{пр.} + Св._{инф.}
- б) Мест._{пр.} + Св._{инф.} + Прил._{кр.}
- в) Мест._{пр.} + Св._{инф.} + Нар._{гл.}

3. Соединение местоименного прилагательного и междометия:

Мест._{пр.} + Межд.

4. «Именительный представления», выраженный местоименным прилагательным (синтаксический «омофон» номинативного предложения типа XII):

Мест._{пр.}

5. Эллиптическая бессказуемая конструкция, с главным словом — местоименным прилагательным (омоним предыдущей разновидности).

Парадигма типа XXVIII состоит из четырех вариантов.

XXIX. н-вр-в-р-л-ч+п+

К этому типу относятся структуры с именем существительным в роли главного слова.

- а) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Сущ.
- б) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Мест. _{л.}
- в) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Мест. _{пр.}
- г) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Прил.
- д) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Мест. _{сущ.}
- е) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Числ.

Его парадигма включает четыре элемента.

XXX. н-вр-в-р-л-ч+п-

Синтаксический инвариант XXX реализуется в конструкциях с именем существительным в роли главного слова, тождественных по строению с реализациями типов XXVI и XXVIII.

1. Соединение существительного и связочного квази-императива.

- а) Сущ. + Св. _{кв. имп.}
- б) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Прил. _{кр.}
- в) Сущ. + Св. _{кв. имп.} + Нар. _{гл.}

Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы (Лермонтов).

2. Конструкция «существительное + связочный инфинитив».

- а) Сущ. + Инф. _{св.}
- б) Сущ. + Инф. _{св.} + Прил. _{кр.}
- в) Сущ. + Инф. _{св.} + Нар. _{гл.}

3. Соединение существительного и междометия.

Сущ. + Межд.

... Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха. (Пушкин).

4. Бессвязочное существительное, которое мы условно называли по традиции «именительный представления».

Надо сказать, что в пределах данного инварианта существует чрезвычайно много разновидностей таких предложений — гораздо больше, чем в пределах типов XXVI или XXVIII. Объясняется это тем, что некоторые контекстуальные употребления данной структуры, о которых мы будем говорить, как норма, возможны только с именем существительным в роли главного слова, поэтому данные употребления фактически не реализуются (на уровне нормы) в местоименных структурах.

а) Прежде всего, мы можем назвать большое количество случаев, аналогичных описанным выше. Это — собственно «именительный представления».

Да, Малороссия (Бунин).

б) Тесно смыкаются с данной структурой различные эмоционально окрашенные восклицания.

Эх, Варенька, Варенька (Достоевский).

в) Далее, другой разновидностью являются различные обращения.

Милостивый государь мой, Яков Петрович! (Достоевский).

Граждане советские служащие! (Платонов).

Интересно, что в данной функции возможно употребление слова *ты* (*вы*). Но оно выступает в этом случае как субстантивированная форма, поскольку в нормальных условиях речи не соотносится (как обращение) с другими личными формами, то есть имеет только числовую парадигму.

г) Различные формулы представлений (прощаний).

Кузен наш из Житомира (Булгаков).

Покорнейший слуга ваш Макар Девушкин (Достоевский).

д) Объявления.

Градов! Кому до Градова? Первая остановка! (Платонов).

Человек от каких-то-с (Достоевский).

е) Заглавия и вывески.

Алексей Арсеньев. Записки (Бунин).

По своим функциональным свойствам все перечисленные разновидности однородны, что проявляется в единой для них структуре парадигмы. Формально они не различаются, и те или иные из указанных оттенков смысла получают в определенном контексте. Кроме того, все они обладают некоторой однородностью семантики — отсутствием значения бытия (признак, по которому они все вместе противопоставляются номинативным предложениям). Вот почему все перечисленные предложения можно рассматривать как контекстуальные варианты реализации одной и той же структуры.

5) Наконец, упомянем еще эллиптические конструкции с именем существительным, которые, как мы видели, могут быть от-

граничены от всех предыдущих не только контекстуально, но и формально. Именно поэтому целесообразно считать их особой разновидностью.

В окнах сквозь тюлевые занавески все крыши попеременно с зеленью, крыши да чердаки (Леонов).

Парадигма типа XXX состоит из двух вариантов.

Пара XXIX—XXX занимает в исследуемом нами участке системы место, аналогичное тому, которое на других участках занимает пара XXI—XXII (противопоставленная рассматриваемым типам по виду) и XIII—XIV (противопоставленная по времени/наклонению), — она находится в оппозиции с предыдущей парой инвариантов по характеру категории рода.

XXXI. н—вр—в—р—л—ч—п+

Этот синтаксический тип предполагает наличие квази-императивных структур с числительным и местоименным существительным в роли главного слова.

1. Конструкции с числительным:

- а) Числ. + Св. кв.-имп. + Сущ.
- б) Числ. + Св. кв.-имп. + Мест. л.
- в) Числ. + Св. кв.-имп. + Мест. пр.
- г) Числ. + Св. кв.-имп. + Прил.
- д) Числ. + Св. кв.-имп. + Мест. сущ.
- е) Числ. + Св. кв.-имп. + Числ.

2. Конструкция с местоименным существительным:

- а) Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Сущ.
- б) Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Мест. л.
- в) Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Мест. пр.
- г) Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Прил.
- д) Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Мест. сущ.
- е) Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Числ.

3. Кроме перечисленных, в пределах типа XXXI находятся также односоставные структуры со связочным квази-императивом (подобно тому как в пределах типа XXIII находились аналогичные структуры с глагольным квази-императивом):

а) Св. кв.-имп. + Сущ.	г) Св. кв.-имп. + Прил.
б) Св. кв.-имп. + Мест. л.	д) Св. кв.-имп. + Мест. сущ.
в) Св. кв.-имп. + Мест. пр.	е) Св. кв.-имп. + Числ.

4. Наконец (и опять в полном соответствии с типом XXIII), данный синтаксический инвариант предполагает также реализацию в обобщенно-личных (только двусоставных) структурах:

- а) *Ты (vbl) + Св. кв.-имп. + Мест. л.*
- б) *Ты (vbl) + Св. кв.-имп. + Сущ.*
- в) *Ты (vbl) + Св. кв.-имп. + Мест. пр.*
- г) *Ты (vbl) + Св. кв.-имп. + Прил.*
- д) *Ты (vbl) + Св. кв.-имп. + Мест. сущ.*
- е) *Ты (vbl) + Св. кв.-имп. + Числ.*

Парадигма типа XXXI состоит из двух вариантов.

XXXII. н-вр-в-р-л-ч-п-

1. Прежде всего, отметим относящиеся к данному типу соединения местоименного существительного и числительного со связочным квази-императивом:

- а) *Мест. сущ. + Св. кв.-имп.*
- б) *Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Прил. кр.*
- в) *Мест. сущ. + Св. кв.-имп. + Нар. гл.*
- г) *Числ. + Св. кв.-имп.*
- д) *Числ. + Св. кв.-имп. + Прил. кр.*
- е) *Числ. + Св. кв.-имп. + Нар. гл.*

2. Аналогичные структуры дает соединение местоименного существительного и числительного со связочным инфинитивом. При этом, как уже указывалось, в данном случае все виды именной приинфинитивной части выступают как адвербиализованные (неизменяемые по падежам) конструкции:

- а) *Мест. сущ. + Св. инф.*
- б) *Мест. сущ. + Св. инф. + Прил. кр.*
- в) *Мест. сущ. + Св. инф. + Нар. гл.*
- г) *Числ. + Св.*
- д) *Числ. + Св. + Прил. кр.*
- е) *Числ. + Св. + Нар. гл.*

3. Далее, особые конструкции образуют сочетания тех же неизменяемых именных классов с междометием:

- б) *Числ. + Межд.*
- а) *Мест. сущ. + Межд.*

4. Наконец, к этому типу относятся соответствующие односоставные структуры без подлежащего:

- а) *Св. кв.-имп.*
- б) *Св. кв.-имп. + Прил. кр.*
- в) *Св. кв.-имп. + Нар. гл.*
- г) *Св. инф.*
- д) *Св. инф. + Прил. кр.*
- е) *Св. инф. + Нар. гл.*
- ж) *Межд.*

5. К данному типу относятся также так называемые «слова-предложения», образуемые особой группой неизменяемых модальных слов, несоединимых с другими формальными классами.

Мод.

Да-с, Крестьян Иванович (Достоевский).

Описываемый синтаксический инвариант реализуется также в некоторых разновидностях «именительного представления», бессказуемых эллиптических структур и обобщенно-личных (двусоставных) предложений.

6. «Именительный представления». К типу XXXII относятся те структурные разновидности предложений, условно называемых нами данным термином, в которых в качестве главного слова выступает местоименное существительное или числительное:

а) Мест. _{сущ.}

б) Числ.

Никто не может понять! Никто, никто! (Чехов).

Сюда же могут быть отнесены функционально сходные предложения — преимущественно заглавия, объявления, театральные ремарки и т. п., — вообще не имеющие номинатива.

В комнате у дяди Вани (Чехов).

7. Эллиптические структуры. По составу они аналогичны предыдущей разновидности нашего синтаксического типа.

Сейчас же в ванну его! (Булгаков).

Чаю! (Чехов).

8. Обобщенно-личные конструкции, близкие по характеру соответствующим конструкциям типа XXXI (отличаются от последних лишь неизменяемой именной частью):

а) *Ты (вты) + Св. кв.-имп.*

б) *Ты (вты) + Св. кв.-имп. + Прил. кр.*

в) *Ты (вты) + Св. кв.-имп. + Нар. гл.*

К этой же разновидности можно отнести соединения слов *ты (вты)* с междометием, также носящие обобщенно-личный характер:

г) *Ты (вты) + Межд.*

Ты тут — хлоп! *

Все эти структуры являются омонимами соответствующих разновидностей типа XXVI.

Таковы довольно многочисленные структурные разновидности синтаксического типа XXXII. Данный тип — единственный из исследованных нами — обладает нулевой синтаксической парадигмой, то есть является неизменяемым, реализуемым лишь в одном варианте во всех позициях в тексте. Он образует с предыдущим типом XXXI еще одну корреляцию по характеру категории падежа.

Итак, мы полностью построили синтаксическую систему, состоящую из тридцати двух инвариантов. Эта система в целом конституируется в противопоставлениях инвариантов по семи дифференциальным признакам, которые могут быть распределены по четырем различным группам. Это, во-первых, противопоставление по характеру категорий наклонения и времени. По данному признаку первые шестнадцать типов (следуя их нумерации, принятой в данном описании) противопоставляются следующим шестнадцати. Таким образом, здесь могут быть выделены шестнадцать пропорциональных корреляций (I—XVII, II—XVIII, III—XIX, IV—XX, V—XXI, VI—XXII, VII—XXIII, VIII—XXIV, IX—XXV, X—XXVI, XI—XXVII, XII—XXVIII, XIII—XXIX, XIV—XXX, XV—XXXI, XVI—XXXII).

Далее, это видовая корреляция, по которой внутри каждой из противопоставленных выше «подсистем» выделяется восемь оппозиций, так что эти подсистемы в свою очередь оказываются разбиты каждая на два противопоставленных участка системы, содержащих по восемь типов.²² Таким образом, перед нами еще шестнадцать пропорциональных оппозиций (I—IX, II—X, III—XI, IV—XII, V—XIII, VI—XIV, VII—XV, VIII—XVI, XVII—XXV, XVIII—XXVI, XIX—XXVII, XX—XXVIII, XXI—XXIX, XXII—XXX, XXIII—XXXI, XXIV—XXXII).

Следующая группа противопоставлений — признаки, характеризующие грамматический субъект: категории лица, рода и

²² Порядок «разбивки» системы, разумеется, в принципе произволен, так же как и порядок следования категорий в нашем обозначении парадигмы, и порядок нумерации самих инвариантов. Мы могли бы, конечно, сначала разделить систему противопоставлением по категории вида или падежа и т. д., и лишь затем производить разбивку на более мелкие участки по категориям времени — наклонения. Действительно, любой из этих признаков дает в нашей системе шестнадцать пропорциональных привативных оппозиций синтаксических инвариантов.

При выборе порядка «разбивки» системы (и, соответственно, порядка нумерации «ее клеток») мы руководствовались лишь соображениями удобства, состоящими в том, чтобы данная разбивка соответствовала нашим интуитивным представлениям о степени важности того или иного противопоставления (эти интуитивные представления подкрепляются, однако, реально имеющейся иерархией категорий с точки зрения их независимости относительно друг друга; см. об этом нашу статью «О генеративном принципе...», стр. 87). С этой точки зрения противопоставление по категориям времени и наклонения представляется более существенным (и соответственно противопоставляемые типы — более далекими), чем противопоставление по категории вида и тем более падежа.

числа. По данным признакам в системе образуется восемь пропорциональных цепочек противопоставлений по четыре элемента в каждой (I—III—V—VII, II—IV—VI—VIII, IX—XI—XIII—XV, X—XII—XIV—XVI, XVII—XIX—XXI—XXIII, XXII—XX—XXIV, XXV—XXVII—XXIX—XXXI, XXVI—XXVIII—XXX—XXXII).

Наконец, еще шестнадцать пропорциональных оппозиций возникают благодаря противопоставлению по категории падежа (I—II, III—IV, V—VI, VII—VIII, IX—X, XI—XII, XIII—XIV, XV—XVI, XVII—XVIII, XIX—XX, XXI—XXII, XXIII—XXIV, XXV—XXVI, XXVII—XXVIII, XXIX—XXX, XXXI—XXXII).

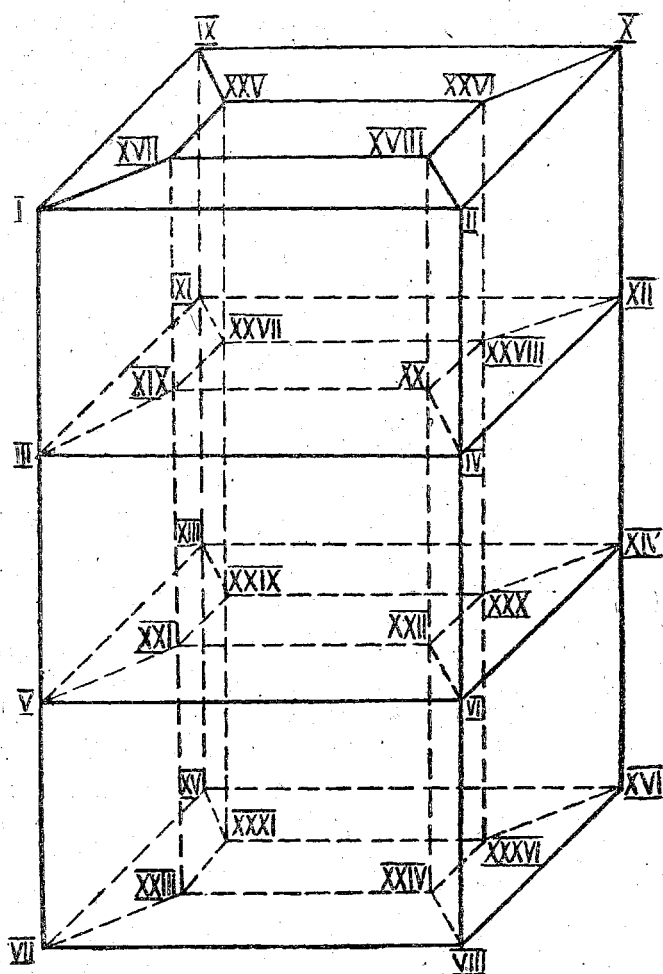
Все перечисленные выше противопоставления являются привативными, в которых предшествующий элемент всегда выступает в качестве «сильного» (маркированного) по отношению к последующему. Это проявляется в ряде нейтрализаций (о них говорилось по ходу описания), в которых снятие противопоставления по какому-либо признаку неизменно приводит к совпадению коррелирующей пары в слабом члене оппозиции. Мы отмечали как некоторые нейтрализации, имеющие синхронный характер (происходящие в современном языке в определенных позициях), так и такие, которые явились результатом развития языка в определенном направлении.

В целом в модели, таким образом, каждый выделенный синтаксический инвариант оказывается включенным в четыре или пять системных противопоставлений. Полное строение системы схематически может быть представлено следующим образом (см. схему).

Итак, каждый выделяемый в данной модели инвариант конституируется благодаря своему месту в системе, то есть определенным противопоставлениям другим инвариантам. Поэтому представляется возможным показать наряду с самим фактом парадигматических противопоставлений их содержательную сторону.

Если рассматривать противопоставления инвариантов с этой точки зрения, то они будут выглядеть прежде всего как разные способы, разные типы включения в текст, которыми располагает тот или иной синтаксический инвариант. Действительно, мы уже отмечали, что синтаксическая парадигма некоторого предложения — это не просто сумма некоторых его форм, но одновременно как бы «программа» свертывания данной парадигмы в том или ином контексте, следовательно, синтаксическая парадигма отражает формальные возможности контекстуальных связей предложения. Именно разными возможностями этого рода различаются элементы построенной нами модели.

С этой точки зрения мы уже показывали (в связи с рассуждением о природе не-личных предложений) содержательную сторону одного из таких различий — а именно, противопоставле-

ния по категориям, характеризующим грамматический субъект, то есть категориям рода, лица и числа. Мы видели, что предложения, являющиеся «сильными» с точки зрения этого вида противопоставлений, обладают возможностью представления субъекта как связанного со всем контекстом — поскольку грамматическая форма, в которой выражен в предложении субъект, может быть контекстуально обусловленной (благодаря «свертыванию» в контексте парадигмы по категориям, характеризующим субъект). Например, в контексте *На дороге появился человек. Он быстро бежал нам навстречу* — форма *он* (мужской род, единственное число, третье лицо) обусловлена контекстом, следовательно, грамматическая характеристика субъекта (*он*) оказыва-

ется формально (не только чисто по смыслу) включенной в данный контекст и с этой точки зрения, — как включенная в некую конкретную лингвистическую ситуацию, — определенной (конечно, только с точки зрения указанных грамматических характеристик; лексическая определенность или неопределенность, равно как и обуславливающее ее смысловое включение в контекст, здесь, разумеется, не рассматриваются, поскольку нашим объектом являются грамматические закономерности в отвлечении от лексической реализации). Это включение отсутствует (остается формально не выраженным) у предложений, не имеющих парадигмы по указанным категориям. Следовательно, для таких предложений субъект оказывается формально не включен в контекст, в конкретную лингвистическую ситуацию, остается всегда независим, как бы изолирован от нее, и с этой точки зрения его характеристика (в указанных грамматических параметрах) остается неопределенной.

Аналогичные рассуждения помогают выяснить содержательную сторону противопоставлений и по другим дифференциальным признакам. Так, в корреляциях типа I—XVII и т. д., то есть в корреляциях по признаку наклонения-времени мы имеем дело, с одной стороны, с предложениями, в которых действие (или состояние) оказывается определенным с точки зрения модальности (возможности — действительности — необходимости) и с точки зрения времени — определенными в том смысле, что их модальный и временной план могут оказаться формально включенными в некоторый определенный контекст благодаря тому, что формы наклонения и времени этих предложений могут оказаться контекстуально обусловленными. С другой стороны, перед нами предложения, лишенные возможности формального соотнесения их модального и временного плана с некоторой конкретной лингвистической ситуацией (каковой является контекст) и с этой точки зрения оставляющие эти характеристики неопределенными. Подобно тому как «субъектные» противопоставления наиболее ярко выступали в случае синтаксической омонимии (именно в этих случаях, при тождестве состава, особенно наглядно проявлялось функциональное различие предложений), представляется целесообразным и противопоставление по времени — наклонению проиллюстрировать на примере структур-омонимов. Сопоставим номинативные предложения, с одной стороны, и «именительный представления», с другой (например, типы XIV и XXX, *Утро* и *Утро*...). В первом случае, во-первых, налицо утверждение действительности явления, во-вторых, его «наличия», то есть отнесенность к настоящему времени. Во втором — обе эти характеристики отсутствуют.

Все сказанное не значит, что в предложениях типа *Он — бежать* и т. п. модально-временной план остается всегда неясным, равно как немаркированность субъектной характеристики не

означала, что субъект в таких предложениях всегда остается неизвестным, неопределенным (во многих случаях в определенной ситуации неопределенно-личный или обобщенно-личный характер предложения не мешает ясному, недвусмысленно вытекающему из контекста, представлению о субъекте). Речь идет лишь о том, что данные характеристики остаются неопределенными как грамматические параметры высказывания. Лексический же контекст (и, далее, внелингвистические обстоятельства, характеризующие ситуацию), насланиваясь на грамматическую характеристику, может, разумеется, либо усиливать, либо перекрывать ее, снимая указанную неопределенность.

Аналогично противопоставляются синтаксические инварианты по виду. Здесь можно, условно говоря, вести речь о противопоставлении «процессуальности» и «бытийности» (опять-таки только на грамматическом уровне, абстрагируясь от различных лексических и экстралингвистических ситуационных обстоятельств). В самом деле, перед нами, с одной стороны, предложения, в которых действие может быть определено (путем формального включения в контекст) с точки зрения его длительности, законченности и т. п.²³ Для данных характеристик действия (в предложениях, маркированных с точки зрения видового противопоставления) оказывается релевантным контекст, они (по крайней мере в некоторых случаях) оказываются вытекающими из контекстуальных связей. Это не имеет места в предложениях, имеющих связанную категорию вида, где поэтому процессуальная характеристика действия оказывается неопределенной.

Менее ясным оказывается смысловая сторона падежного противопоставления. Данное противопоставление, очевидно, носит второстепенный характер, о чем свидетельствуют и многочисленные случаи его нейтрализации.

Итак, мы еще раз убеждаемся в том, что предложенная здесь классификация синтаксических структур является функциональной. Каждое предложение характеризуется с точки зрения возможностей его формального включения в текст. Именно поэтому словесный состав оказывался совершенно нерелевантным для распределения структур по «клеткам» модели. Сплошь и рядом в одну «клетку» у нас попадали разноструктурные (в частности односоставные и двусоставные) образования, оказывавшиеся, однако, тождественными по своим функциональным свойствам. Тем самым оказался преодолен «морфологизм» традиционной классификации, рассматривающий предложения исключительно

²³ Мы не останавливаемся здесь на многообразных трактовках смысловой стороны видового противопоставления, поскольку по данному вопросу имеется громадная специальная литература. Заметим лишь, что как бы ни рассматривалось грамматическое содержание видовых форм, речь идет всегда о чисто процессуальной характеристике действия, то есть об определении последнего с точки зрения характера его протекания.

с точки зрения их словесного состава (как односоставные или двусоставные, полные и неполные и т. д.). Недостаток такого описания в полной мере проявляется при попытках в его рамках дать предложениям функциональную характеристику (например, при определении безличных, неопределенно-личных, обобщенно-личных предложений), поскольку и в этом случае делается попытка чисто функциональные понятия определить, исходя из состава предложения, и данные описания оказываются в тупике перед очевидным фактом структурного многообразия выделенных функциональных единиц. Недостатки традиционной классификации в полной мере проявляются также в многочисленных случаях неразличения синтаксической омонимии или (при выделении этого явления, например, омонимии определенно-личных и обобщенно-личных структур) в беспорядочном смешении семантических и структурных критериев.

Данные недостатки общепринятого синтаксического описания связаны с его коренным, принципиальным изъяном — с тем, что оно основано на ложной идее определения единиц одного уровня через составляющие их единицы низшего уровня. Такое описание, конечно, в принципе может иметь место, но оно ни в коей мере не может заменить классификацию, учитывающую функционирование именно на рассматриваемом уровне. Так, можно представить себе описание слов, исходящее из их морфемного состава (слова, состоящие из одного корня, слова с префиксами и т. п.). Но странно было бы видеть такую классификацию вместо формальных классов слов (частей речи), выделенных (с большей или меньшей последовательностью) на основе характера функционирования слов в предложении, характера их связи с другими словами в предложении. Точно так же описание предложений с точки зрения их словесного состава никак не может заменить выделения формальных классов предложений на основе характера их функционирования, характера связи между собой в тексте.

В этом смысле предложенная здесь классификация, в отличие от общераспространенной, представляет собой описание именно на уровне предложений, учитывающее специфику данного уровня, — описание, в котором предложение предстает как целостная функциональная единица определенного уровня, а не простая сумма составляющих его слов.

Другой отличительной чертой настоящего описания по сравнению с традиционным является то, что выделяемые синтаксические типы выступают не изолированно, независимо друг от друга, а в противопоставлениях. Более того, характеристика каждого типа вырисовывается в его противопоставлениях с другими типами. Иначе говоря, в отличие от традиционной классификации, представляющей собой в целом простую совокупность

отдельных типов,²⁴ предлагаемая модель показывает систему синтаксических единиц. Мы можем определить место каждого типа относительно других, степень близости отношений между различными синтаксическими инвариантами, возможные нейтрализации.

Наконец, важным свойством построенного описания, также отличающим его от традиционного, является его замкнутый характер. На смену простому перечислению наблюдаемых в тексте явлений — перечислению принципиально незамкнутому, которое может быть бесконечно продолжено и раздроблено на бесчисленные (принципиально неограниченные по количеству) подтипы, оставляя в то же время постоянную возможность расширения за счет каких-то новых, неучтенных ранее явлений, наблюдаемых в тексте, — на смену такому перечислению предлагается модель, построенная на исчислении возможностей, исходящих из самой структуры, из фундаментальных свойств модели. Такая модель не может быть незамкнутой: она свободна от опасности расширения по мере накопления наблюдений, поскольку не эти последние определяют структуру модели. Количество наблюдаемых текстов, наличие или отсутствие в распоряжении исследователя тех или иных примеров не могут повлиять на структуру описания. В самом деле, мы видели выше, что не наличие каких-то реальных примеров определяло описание, а напротив, уже само место инварианта в системе, его соотношение с другими инвариантами предопределяло и позволяло предсказывать исчерпывающим образом его манифестации в тексте.

Мы видим, следовательно, что предложенное здесь описание не просто в большей или меньшей степени отлично от традиционного, но построено на принципиально иных основах, позволяющих представить уровень предложений как систему формальных классов, выявляемых во взаимных противопоставлениях по определенным дифференциальным признакам, которые носят функциональный характер. Подобно тому как функциональная классификация слов (части речи) позволяет показать типы связей между словами в рамках единиц следующего уровня — предложения — и описать образующиеся при этом структуры, функциональное описание предложений открывает путь к изучению типов их связей в тексте и к формальному исследованию единиц более высокого уровня, в рамках которых функционируют предложения, — сверхфразовых единств.²⁵

²⁴ От этого недостатка не свободны и некоторые классификации предложений, построенные на основе парадигматической структуры (см., напр., Н. Ю. Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии), «Русский язык. Грамматические исследования», М., «Наука», 1967) — именно потому, что данный принцип выдерживается в этих классификациях недостаточно последовательно и перекрещивается с традиционными «морфологическими» и чисто семантическими определениями.

²⁵ О возможных путях такого исследования см. нашу работу «Некоторые лингвистические аспекты изучения структуры текста». «Третья летняя школа по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1968.

О РАЗНОВИДНОСТЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Э. А. Вайгла

В последнее время в лингвистической литературе больше стали уделять внимания эмоциональной стороне языка, в том числе лексики. Тем не менее, как известно, далеко не все вопросы, связанные с этой проблемой, можно считать решенными. Среди лингвистов нет единства в том, как нужно понимать эмоциональность в языке, на его лексическом уровне, как следует определять эмоциональную лексику.

На наш взгляд, эмоциональная лексика представляет собой пласт слов, являющихся носителями информации об эмоциональном отношении говорящего к действительности.¹ Следовательно, в основе выделения эмоциональной лексики как своеобразного лексического пласта лежит ее особая функция — функция выражения эмоционального отношения к окружающему. Но возникает вопрос, как конкретно осуществляется эта функция, каковы формы ее проявления.

Эмоциональное отношение к лицу, предмету, явлению может быть выражено (на лексическом уровне) различными способами. Наиболее четко эмоциональное отношение говорящего к явлениям окружающей действительности выступает в виде эмоциональной оценки, даваемой говорящим тому или иному явлению, а также в виде эмоционального усиления высказываемого.

Эмоциональная оценка в свою очередь может быть выражена в виде непосредственной характеристики явления с эмоциональной точки зрения (посредством оценочных слов, единственное или основное назначение которых — дать явлению эмоциональную оценку) или сопровождать логическое название явления. Следовательно, эмоционально-оценочная лексика распадается на две группы, частично различающиеся своей функцией и, соответственно, компонентами семантической структуры. Что ка-

¹ Более подробно наша точка зрения изложена в статье «О понятии эмоциональная лексика», Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 219, Труды по русской и славянской филологии XII, серия лингвистическая, Тарту, 1968, стр. 111—126.

сается эмоционально-усилительных² слов, то они по своей семантической структуре схожи с эмоционально-оценочными словами первой разновидности.

1. В состав эмоционально-оценочной лексики, единственная или основная функция которой — дать явлению эмоциональную оценку, входят эмоционально-оценочные прилагательные, наречия и существительные (в ряде случаев — отдельные значения соответствующих лексем). Семантическая структура слов этого типа — эмоциональная характеристика явления, оформленная в виде понятийного, логического, «предметного» значения слова.

Понятийным содержанием слова может быть «чистая» эмоциональная оценка явления, характеристика его с точки зрения эмоционального восприятия, без указания в семантике слова на какие бы то ни было реальные, объективные качества явления, могущие быть причиной выражаемого эмоционального отношения. Это такие слова, как *милый, дорогой, родной* (в значении «милый, дорогой, близкий сердцу»); *проклятый, постылый, окаянный* и т. п.

В ряде случаев эмоциональная оценка явления базируется на чувстве, вызываемом тем или иным явлением, т. е. явление характеризуется с точки зрения возбуждаемой им эмоции; «предметное» значение слова — название данной эмоции. Такими являются слова (или их определенные семантические варианты) *страшный, ужасный, отвратительный, оскорбительный, восхитительный, удивительный* (вызывающий соответственно страх, ужас, отвращение и т. п.).

В ряде случаев эмоциональная оценка явления основана на субъективном восприятии его как в высшей степени положительного или отрицательного. Таким образом, эмоциональная оценка, содержащаяся в подобных словах, опирается на возможные реальные качества явления (действительно ему присущие или приписываемые), но эти качества определяются лишь в самом общем плане и, главное, через призму эмоционального восприятия; номинации конкретных реальных качеств нет. Примеры: *превосходный, божественный, бесценный, чудесный, чудный; прелесть, ангел*³; *гадкий, гнусный, мерзкий, поганый; гад, гадина, мерзавец, пакость, свинство, скотина* и т. п., а также слова *вос-*

² Термин заимствован нами у В. А. Мальцева. См.: В. А. Мальцев, Эмоция и значение слова. XV научная сессия, посвященная итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. Тезисы докладов. Минский ГПИЯ. Минск, 1963, стр. 45—46.

³ Е. М. Галкина-Федорук отмечает частое употребление слов в переносном значении (обычно при обращении) для выражения эмоционального отношения к другим людям. См.: Е. М. Галкина-Федорук, Об экспрессивности и эмоциональности в языке. «Сборник статей по языкознанию», изд. МГУ, 1958, стр. 105—106.

хитительный, отвратительный и т. п. в соответствующих значениях⁴.

Интенсивность оценки, обозначение качества как предельно выраженного сближает подобные слова с эмоционально-усилительными; от последних эмоционально-оценочные слова отличаются именно своей оценочной функцией, отсутствующей в словах эмоционально-усилительных.

В эмоционально-усилительных словах (чаще это также определенные семантические варианты многозначных слов) нет самостоятельной оценки, т. е. восприятия явления как положительного или отрицательного. Эмоционально-усилительные слова выражают крайнюю степень проявления какого-либо качества, свойства, признака и т. д. Единственное смысловое содержание их — эмоциональное усиление высказываемого (*страшный* [драчун], *ужасно* [весело], *жутко* [много народу], *ужас* [как вкусно], *сумасшедший* [успех], *поразительно* [смелый поступок] и т. д.).

Крайняя степень отрицательного эмоционального отношения (осуждения, недовольства) выражается посредством бранных слов (*мерзавец, паскуда, сволочь, дьявол, сука* и т. п.), которые по своей семантической структуре (выражение «чистой» оценки) входят в данную разновидность эмоциональной лексики.

Итак, семантическое своеобразие эмоционально-оценочных слов этой группы в том, что эмоциональная оценка в них сформулирована в виде понятийного содержания слова. Иного предметного значения в подобных словах нет. Понятийно-логическое содержание эмоционально-оценочных прилагательных, наречий и существительных этого типа — номинация эмоциональной оценки явления⁵. Таким образом, здесь налицо наиболее осознанное, логически расчлененное выражение эмоционального отношения, особенно в словах типа *страшный, удивительный* и т. п. И, может быть, именно поэтому не всегда слова этого типа причисляются

⁴ Л. А. Киселева рассматривает слова этого типа как ядро эмоционально-оценочного поля. См.: Л. А. Киселева, Языковые коммуникативные функции и лексико-семантические поля. Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов, Л., 1968, стр. 44.

⁵ Противоположная точка зрения высказана Л. А. Киселевой: «Слова такого типа, как *гадкий, гнусный*... предназначены для выражения отрицательного или положительного отношения говорящего к чему-либо, являясь одновременно средством экспрессии, но они не выполняют номинативной функции. Семантически выраженными в системе лексического значения таких слов являются эмоционально-оценочная и экспрессивная семы, а понятийная сема не имеет определенного семантического наполнения, чем и объясняется широта применения подобных слов». См.: Л. А. Киселева, Языковые коммуникативные функции и лексико-семантические поля. Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов, Л., 1968, стр. 46.

к эмоциональным. Действительно, именно логическая осознанность эмоциональной оценки и делает возможным употребление подобных слов без особой эмоциональной выразительности и даже, как неоднократно подчеркивалось, в целях затушевки настоящих чувств говорящего⁶.

Таким образом, мы здесь имеем дело с несколько парадоксальным явлением: слова, единственное назначение которых — дать явлению оценку с эмоциональной точки зрения, могут, в силу логической оформленности этой оценки, оказаться минимально-эмоциональными.

Тем не менее, если исходить из особой функции эмоциональных слов, из функции выражения эмоциональной оценки окружающей нас действительности, то данная разновидность слов все же должна быть отнесена к эмоциональной лексике, субъективные же модификации содержания вообще свойственны выражению любых характеристик.

Не относятся к эмоциональной лексике прилагательные (и соответствующие наречия), дающие предмету или явлению объективную характеристику, основанную на его реальных качествах (*умный, щедрый, интересный, нежный, ласковый, добрый, злой, гордый, глупый* и т. п.).

Конечно, определение этих и подобных свойств основывается на субъективном восприятии качества предмета, более того, признаки, называемые данными словами, обычно расцениваются как положительные или отрицательные, с вполне возможным эмоциональным отношением говорящего к этим признакам и их носителям. Тем не менее, этот эмоциональный налет, обычно сопровождающий в нашем сознании приведенные названия качеств и имеющий своим источником отношение к самим этим качествам и их носителям, не переводит данные слова в категорию эмоциональной лексики, поскольку в этих словах нет выражения эмоционального отношения к высказываемому⁷.

2. Вторую группу эмоционально-оценочной лексики составляют слова, в которых эмоциональная оценка сопровождает понятийное, логическое название явления, предмета и т. п. Эмоциональная оценка в словах этого типа является дополнительным компонентом семантической структуры слова (*выскачка, торгаш, пустомеля, лизоблюд, мямлить, бумагомаратель, глупыш* и т. п.).

Как нам кажется, можно считать доказанным, что эмоциональная оценочность в словах этого типа не находится в однозначной зависимости от характера логического содержания сло-

⁶ См., напр., Ш. Балли, Французская стилистика, М., 1961, § 8, стр. 23—24; А. А. Ветров, Семиотика и ее основные проблемы, М., 1968, стр. 142.

⁷ Аналогичную точку зрения см.: Е. Ф. Петрищева, Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени: В кн.: Развитие лексики современного русского языка, М., 1965, стр. 52—53.

ва — от положительности или отрицательности называемого явления. «В силу многообразия потребностей, интересов, установок личности одно и то же действие или явление в соотношении с различными потребностями может приобрести различное и даже противоположное — как положительное, так и отрицательное — эмоциональное значение. Одно и то же событие может, таким образом, оказаться снабженным противоположным — положительным и отрицательным — эмоциональным знаком.»⁸ Е. Ф. Петрищева показала также, что эмоциональная и интеллектуальная оценки в принципе независимы друг от друга.⁹

Но представляется, что в ряде случаев будут возникать трудности именно при отграничении эмоциональной оценки от интеллектуальной. Вопрос еще более усложняется, когда мы имеем дело со стилистически сниженными (разговорными или просторечными) словами с присущим им оттенком непринужденности, некоторой вольности. Каков, например, характер оценки, содержащейся в словах *администрировать*, *болтаться*, *разухабистый*, *распушенный*, *растрянжировать* и т. п.¹⁰

Мы согласны с Л. Г. Барласом в том, что «...интеллектуально-логическая оценочность (положительная или отрицательная) может (но не обязательно) вызвать у слова и дополнительную эмоциональную оценку. Так, слово *болтун* может нести эмоцию презрения, *нахватать* — эмоцию насмешки...».¹¹ Но в отличие от Л. Г. Барласа, мы слова с факультативной эмоциональностью не включаем в состав эмоционально-оценочной лексики. Эмоционально-оценочные слова могут называть явления, объективно положительные, отрицательные или «нейтральные», интеллектуальная оценочность в них факультативна, эмоционально-оценочный же компонент в них обязателен. Составной частью эмоциональной лексики являются только слова с эмоциональностью, присущей им объективно, независимо от каких бы то ни было речевых, а также внеязыковых условий. (Разумеется, сказанным

⁸ С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1940, стр. 387.

⁹ См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (Опыт лингвистического эксперимента). В кн.: Развитие лексики современного русского языка, М., 1965, стр. 39 и след.

¹⁰ В какой-то мере спорными представляются, с этой точки зрения, также некоторые из примеров Е. Ф. Петрищевой: слова *картинный*, *наводнить*, *усердствовать* и некоторые другие. Может быть, эти слова оказываются неуместными в приведенных автором текстах в силу наличия в них интеллектуальной оценки, аналогично примерам со словами *бездомно* и *неоцененный*? См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (Опыт лингвистического эксперимента). В кн.: Развитие лексики современного русского языка, М., 1965, стр. 48 и след.; она же, Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. В этой же книге, стр. 60.

¹¹ Л. Г. Барлас, Об отношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению. Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка, изд. Ростовского ун-та, 1968, стр. 148.

не отрицается возможность варьирования [по интенсивности, оттенкам и т. п.] эмоционального содержания.)

В конце шкалы оценок эмоционально-оценочной лексики этой группы также имеются слова бранные — наиболее грубые, с предельно интенсивной отрицательной эмоциональностью. В отличие от бранных слов, о которых речь шла выше, в бранных словах, входящих в эту группу, сохраняется «причина» выражаемого резко отрицательного отношения, т. е. предметно-логическое содержание слова (напр., *обормот* — грубый человек, *болван* — неуч, глупый человек, *аспид* — злой человек). Но необходимо отметить, что в бранных словах доминирует эмоция, поскольку «интенсивность эмоции вообще всегда затемняет и отодвигает на задний план оттенки смысла...»¹².

3. Эмоциональное отношение к окружающему не всегда выступает в виде прямой эмоциональной оценки явления. Оно может сопровождать наименование предмета, явления в виде эмоционального оттенка, объективно присущего слову, наслаивающегося на основное его содержание, но не выливающегося в оценку явления. Таковы, на наш взгляд, шуточные слова, а также те из т. н. «высоких» слов, которые не содержат эмоциональной оценки явления (т. е. отрицательного или положительного эмоционального отношения к обозначаемому конкретному явлению).

В шуточных словах (*амурный*, *басовитый*, *безусый*, *благоверный*, *брадобрей*, *мараковать*, *хламида* [в переносном значении] и т. п.) нет оценки называемого явления; эмоциональный момент в них свидетельствует скорее об определенном настроении говорящего. Приблизительно то же самое наблюдается в случае, когда мы имеем дело с неоценочными «высокими» словами (*анналы*, *бездыханный*, *бездременный*, *бестрепетный*, *брань*, *доблесть*, *кончина*, *провидеть*, *твердыня* и т. п.), т. е. здесь идет речь о тех эмоциональных оттенках лиричности, торжественности, приподнятости, которые содержатся в т. н. стилистически «высоких» словах и выражают определенную настроенность говорящего, свидетельствуют о его эмоциональном отношении чаще не к конкретному явлению, а к высказываемому вообще, к ситуации, обстановке.

Если подобные эмоциональные оттенки присущи слову объективно, вне зависимости от контекста, то мы вправе рассматривать такие слова в качестве эмоциональных, как разновидность эмоциональной лексики.

Как правило, слова этого типа имеют в языке эмоционально нейтральные синонимы.

Следовательно, состав эмоциональной лексики может с функциональной точки зрения быть представлен (в самых общих чертах) в виде следующей схемы.

¹² Ш. Балли, Французская стилистика, М., 1961, стр. 338.

1. Выражение эмоциональной оценки

- а) в виде оценочного понятия _____ в том числе
б) посредством дополнительных оценоч- } бранные слова
ных компонентов в семантике слова }

2. Выражение эмоционального усиления высказываемого (в виде понятия).

3. Выражение эмоционального отношения, не оформленного в виде оценки (посредством дополнительных неоценочных компонентов в семантике слова).

ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

Х. И. Хейгер

Предметом настоящего исследования являются формы словоизменения имен существительных, местоимений, прилагательных и числительных в русском говоре Ийзаку на территории северо-восточной части Эстонской ССР. Говор отличается своим изолированным от основной массы русских говоров положением, а также отсутствием длительного время нормирующего влияния русского литературного языка. Это обстоятельство обуславливало особое развитие изучаемого русского говора, что сказывается как в его лексической и фонетической, так и в морфологической системе.

Целью настоящей статьи является: 1) установить типы склонения имен существительных, выявить систему падежных противопоставлений местоимений, прилагательных и числительных; 2) указать на диалектные различия в системе именного словоизменения по сравнению с русским литературным языком и, по возможности, с соседними русскими говорами.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Замечания о категории рода имен существительных

Существительные в говоре Ийзаку по грамматическому роду делятся на три класса (мужского, женского и среднего рода). а) Существительные мужского рода: *бал'шóй бóртъв, малóдт'й лес, ив'ант'в ден, дош л'ат'ел, ив'ански агóн, каж'инт'й ден, харóшт'й рой, мал'ч'йшка маладóй, д'ад'а не нав'ерил, й'аблант'й сук, д'ал'ний пакóс, уч'ител' на'казивал, аржанóй хлеб, б'эравóй м'од, нóвт'й ўлей, кис'ел' авс'ант'й и т. д.; б) женского рода: *нерóвна дарóга, лесав'я канцел'ар'ийа, друг'а дачк'а, сталóва дл'инна, ўзка лóдка мóже зал'йтса, сем'й'а б'ула м'аленка, падн'алт'с'а**

стрелба, ревал'уция ужé кóнчилас'а, гв'ардия бал'ш'а б'ула, мат бал'на б'ула, вс'у свой'у жист работала, на вс'у жизн запóмнила, свай'а рош, óсен харóша, тиш ст'ала, в'уаст б'ула сав'етска, кров витека'ла, власт, харóш'т'а веш, из дамáшн'т'й шерсти, с íз'ьск'т'й вóл'ьсти, их и их радн'их в петрапáвл'ьск'у'ю кр'еп'ьст, на д'л'íнну жерд сд'инули, адн'у част, вс'у ноч, реч та б'ула интер'есна, кóнчилас'а л'убóв, т'ажóла бал'ест; в) средн'его рода: майо жит'íйó, бел'íйó свайó, твайó д'ела, праш'ло вр'ем'а, м'аса рас'ло, в аднó м'еста, в кр'асна с'алó, м'ас'уина м'т'лакó, харóш'т'ие пит'íйó, зел'óна бел'мó б'ула, ч'ерез чóрна мóре, с'ердце бóл'на, рабóч'ейе вр'ем'а, такóйе памеш'енийе, каж'íнн'т'ие васкрес'ень'е, не л'убл'ý кур'íн'т'ие и гус'íт'ие м'аса, такóйе д'ела, нáше д'ела, на кр'епк'т'ие м'еста, эта ужé муж'íцк'т'ие д'ела б'ула, в íевó с'ердце ст'ала, здарóв'íе савс'ем испóртилас, т'ажóла ар'уд'ийе. Примеры типа халóдна л'ета, жарка л'ета, харóша с'ена, таргóва п'íва, нев'естина багáтства и т. п. не могут свидетел'ьствовать об утрате средн'его рода или ослаблении противопоставленности средн'его и женскóго рода, так как а в неударном положении объясняется характер- ный для изучаемого говора акающим произношением безудар- ных о, ибо «на почве аканья всякое существительное средн'его рода с «ненаконечным ударением» произносится одинаково с существительным ж. р., т. е. на -а».¹ Например: с'ена вад'или в сарай, кас'или с'ена, кадá нев'естина багáтства в'ад'у, п'íу и тар- гóва п'íва, в этам д'еле.

Встречаются примеры, когда противопоставленность средн'его и женскóго рода, а в отдельных случаях мужскóго и женскóго не выдерживается. При существительных, употребляющихся в средн'ем роде в литературном языке, в говоре могут выступать слова, согласующиеся с существительным в женскóм роде. На- пример: прастрáнства такáйа б'ула, нáшу с'удну устанав'или, мен'а перев'али пóсли нóвава гóда ва втар'у атдел'енийу, приш'л'а вр'ем'а, плахá вр'ем'а, в друг'у м'есту, бал'ш'а с'удна, с'удну нагру- з'или, з'арн'у сабрáли, íа бул ва втарóй атдел'ени.

Также возможна замена женскóго рода мужским или же наоборот. Примеры: малад'óш сабрáлса, лóн на фáбрик пр'ьда- вáли, фáбриктв н'е була, дерев'енский стар'ьст, ид'у к пл'ам'áнни- цу, гóлим галавóм, змей с рагáм, л'аг'уху íел ад'ин (змея=змея), лучн'ím кóрем кр'асили, какáйа з'араб'ьтка б'ула, прагóни н'е була, в магаз'íну нáда ит'ít.

Немногочисленные факты замены средн'его рода женским в речи типичных представителей говора могут быть вызваны рас- пространением акающего произношения на позиции слов сред- н'его рода, т. е. могут объясняться фонетически. Таким образом, примеры некоторой утраты средн'его рода в морфологическом

¹ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., 1927, стр. 49.

отношении не означают пока разрушения категории среднего рода в изучаемом говоре. Соотношения между родовыми классами наблюдаются почти те же, что и в литературном языке, а также в северных² и среднерусских (окающих и отчасти акающих) говорах.³

Разные смещения женского рода с мужским или наоборот, а также случаи неправильного согласования (прилагательных и глаголов прошедшего времени с существительными) и управления типа *жа́лаван'йе ма́ленький, бу́л вы́грузка, никала́йев за́йи́та, ад́йн да́чка, мат по́мер, ад́йн сви́н'я́, два шу́тки, три с'а́стра, гавар'у́ пра́вда, де́лали а́пера́ция, хачу́ к да́чке, в э́том дере́вне, мно́га скати́на бу́ла, памага́йу стари́к* и т. п. — встречаются больше в речи людей, в равной мере владеющих и русским и эстонским языками и тем самым усвоивших неразличение родовой противопоставленности, характеризующее морфологическую систему эстонского языка.

Склонение имен существительных

По словоизменению имена существительные могут быть разбиты на три типа склонения: 1) существительные на **-а**; 2) существительные мужского рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. и слова среднего рода; 3) существительные женского рода с нулевой флексией. Отдельный класс склонения представляют существительные *мать* и *дочь*.

Единственное число

I тип склонения

К I типу склонения в говоре Ийзаку относятся существительные на **-а**. Класс существительных на **-а** подразделяется на два ряда пересекающихся подклассов: 1) существительные с твердым согласным в исходе основы и 2) существительные с мягким согласным в исходе основы. По месту ударения существительные на **-а** делятся на а) существительные с неподвижным ударением на окончании и б) существительные с неподвижным ударением на основе.

А	Б
1 сестра́ — сестру́; вада́ — ваду́	рабо́та — рабо́ту
2 сем'я́ — сем'я́у; земл'а́ — земл'я́у	дере́вн'а — дере́вн'у

² С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 64.

³ Русская диалектология, М., 1965, стр. 99.

Как видно из таблицы, в говоре Ийзаку отсутствует подкласс с подвижным ударением. Поэтому подкласс А объединяет существительные с неподвижным ударением на окончании, а подкласс Б составляют существительные с неподвижным ударением на основе. Подкласс А расширен за счет существительных с подвижным ударением типа нога, рука, вода. По особенностям ударения при склонении существительных исследуемый говор примыкает к западным говорам (например, к псковским),⁴ в которых также наблюдается расширение сферы употребления слов с неподвижным ударением за счет класса с подвижным ударением.

По I типу склонения изменяются, например, слова женского рода: *міза*, *'мыза*', *вада*, *см'атана*, *карова*, *бо́р'эвка*, *дачка*, *старана*, *це́рква*, *свекрова*, *галава*, *капна*, *смалá*, *ма́тица*, *зима*, *рука*, *сва́дба*, *река*, *авца*, *изба*, *пе́цка*, *ве́ра*, *ахо́та*, *га́ра*, *па́ртия*, *а́рмия*, *канцел'а́рия*, *гва́рдия*, *пре́мия*, *камі́ссия*, *ту́рция*, *рассе́я*, *а́встрия*, *диві́зія*, *дерев'на*, *пу́ла*, *земл'а*, *неде́ла*, *шко́л'на*, *ба́н'а*, *с'ам'я́а*, *куде́л'а*, *ска́м'я́а*; слова мужского рода: *о́ад'а*, *ба́т'ка*, *де́душка*, *ма́л'чышка*, *му́йіна*.

Родительный падеж ед. числа существительных I-го типа склонения представлен флексией *и* как для мягких, так и для твердых основ. Например: *каро́ви* *три* *держа́ли*, *ва* *вре́м'а* *мираво́й* *вайні́*, *немно́го* *землі́* *бу́ўа*, *три* *с'астры́*, *в* *дацкі́* *син* *в* *отпуске* *бу́де*, *в* *йо́й* *две* *дацкі́*, *са* *служ́бы* *пришо́л*, *с* *лі́пы* *іа́ні* *даста́ли* *ма́ла* (*м'о́ду*), *вади́* *на́л'іо́ш*, *т'о́ша* *эта* *жана́* *мат*, *с* *о́арэ́вни* *принес'о́на*, *кл'у́кви* *но́не* *ма́ла*, *ра́н'ши* *вайні́*, *ми* *вайні́* *ни* *хаті́м*, *рабо́тали* *мно́га*, *тепе́р* *и* *не́ту* *ве́ри*, *по́моги* *не* *полу́чили*, *с* *вади́* *ві́т'ану́ли* *вон*, *са* *старані́* *зараба́чывалі*, *о́кала* *мі́зі* *жи́ли*, *неде́ли* *две*, *мало́дих* *нет* *ни* *адно́й* *де́вушки*, *ма́ма* *шла* *с* *дерэ́вни*, *маі́ёй* *ба́бі* *ате́ц* *то́же* *пэ́сни* *пе́йал* *харо́ши*, *кади́* *сеті́ну* *начина́ўу* *де́лат* *без* *про́волоки*, *мо́же* *упа́ст* *на* *зен*, *две* *сем'я́й*, *но́не* *кл'у́кви* *ма́ла*, *дл'а* *ахра́ни*, *ко́ла* *даро́ги*, *дл'а* *рабо́ты*, *дл'а* *бо́р'эвки*, *ра́ншен* *три* *неде́ли*, *вади́* *бо́л'ше* *насі́т*, *ат* *ка́шли*, *жана́* *сестра́*.

В дательном падеже преобладает флексия *-и*, реже наблюдается флексия *-е*: *пашла́* *к* *ба́бушки* *на* *ро́жден* *'день* *рожде́ния*, *іон* *гаварі́* *стару́шки*; *он* *перешо́л* *к* *друго́й* *бра́тн'ёй* *жо́н-ки*; *бу́ўа* *у́йэхачи* *к* *дацкі́*; *мат* *у́йэхала* *к* *дацкі́*, *к* *сестры́*, *жени́*, *к* *весні́* ~ *к* *в'асні́* (*к* *весні́* *выпра́виш'а*), *к* *землі́*, *на* *пу́ли*, *к* *дерэ́вни*, *до́чки*, *к* *неве́сти*, *на* *даро́ги*, *к* *границы́*, *наро́д* *знал* *на* *зиме́*, *до́чке* *четы́ри* *год*, *каму́* *ти* *мо́лиш'а*, *скаме́йке* *ли*; *свекро́ве*, *неве́сте*.

Винительный падеж оформлен флексией *-у* как после мягких, так и после твердых согласных, под ударением и без ударения: *гармо́шку* *игра́ўу*; *ваду́* *маг'о́ш* *ві́лит* *вон*; *как* *муку́*

⁴ Русская диалектология, стр. 103.

на мѣл'нице мѣлеш; за хаз'айку; мѣсла в середину; кажда снег легй, тада в школ'н'у папал; випустили на пап'равку; ахоту дѣлайу; успѣл под телѣгу; купл'айу ад'бжу, нѣкаму шит' всим; вадй п'йом; картѳвку пасадили; 2 раза в недел'й; дачка пѳшту вѳди; в рекй закинула; шерст берй и жйчу дайй; жйчу не пр'ала; нйтину са лна пр'аст магй; за з'амл'й заплатйл; земл'й адбер'ом; чѣрез гарй; йон переписал палавйну дѳма сйну, палавйну себѣ; авцй с'йѣл; аднй кѳмнату сп'равили; мѳжна папаст под машину; на дарѳгу не тйскайтса; нада за карѳву платйт; каменйсту з'амл'й йанй хат'а; пасйду дерев'анну дѣлайу; в капйстну пасйду нел'з'а агуриѳв класт; ушлѣ на мйзу карѳв дайт; кто-нибудь рукй гл'адй; пѳшанйцу не растйли; дѣлайу нѳжечкѳм рѣначку; прин'аслѣ чѳрну дасѳчку; т'анй за н'ѳрушу 'за веревку'; аперѣцйу мне дѣлали; в эстѳнйу приѣхал, в ѳрмйу, гвѣрдйу, прѣмйу, на камйссйу, в тйрцйу, пра хаз'айку, пра матйцу рас'кажу.

Творительный падеж представлен односложной флексией **-ой** под ударением после твердых и мягких согласных и флексией **-ай, -ѣй, -ей** в безударных слогах. Например: в'аснѳй, с женѳй, с сестрѳй, пад земл'ѳй, за вадѳй, зимѳй; касѳй не хѳче касйт, вс'ѳ машин'ѣй; веснѳй тѳже грибй па гѳр'ѣам растй; угастйт рйбай; далѣѳе с рйбай не дайѣдеш; абливѣйт халѳднѣй вадѳй; нада за кл'йквѣй зайтит; мѣсла дѣлали мѣслин'ѣй масйн'ѣй; пѳсли вс'ѳ бѳлее машин'ѣй дѣлали; син ушѳл вон с маладйх'ѣй; с матйцей не памирилис'а жит; адна старйшка бйла калдун'ѣей.

Предложный падеж. В предложном падеже наиболее употребительной является флексия **-и** как в ударных, так и в безударных слогах: в старанй жив'ѳ; на вайнй бул; в галавй, на галавй, в масквй, в избй, в вадй, на рукй, в землй, на землй; на рукй дѣржи; на рукй став'а; на гарй кустѳм раст'ѳ; малѳшнй (грибы) далажнй стайѳт в вадй; на мйзи, на дарѳги, на слйжбй, в школ'ни, на стѣнй, в нѣрви, на работй, в сер'ѳдки, в дерѣвни, на машинй, в другѳй шерѣнѳи, в рѳти, в пѳл'ши, в бал'шѳй пѣрти; в наш бул на фѣтѣри, при мйзи стрѳили; ѣти сѣстрѣнки с матѣр'у в бѣни жйли. Реже встречаются формы на **-е**: на ўлицѣ, в бал'ниѳѣ ~ в бал'ниѳи, в середине.

Иногда можно услышать формы предложного падежа на **-у**: на скаварадй, в рекй плѣвал, н'ѳруша 'веревка' на шѣйу бйла, сам в работу 'на работе'.

Итак, наблюдения над падежными формами ед. числа существительных I типа склонения показывают, что в родительном, дательном и предложном падежах наиболее употребительна форма **-и** (как для твердых, так и для мягких основ). Флексия **-и** в дательном и предложном падежах в севернорусских говорах северных и западных областей представляет собой, как полагает

П. С. Кузнецов,⁵ замену **ѣ** посредством **и** в результате взаимодействия твердой и мягкой разновидностей (воздействие мягкой разновидности на твердую) старых склонений с основой на **-а** и **-о** (в местном падеже). С. П. Обнорский рассматривает и в дат. и предл. падеже на этой же территории говоров, как результат фонетического происхождения (**ѣ** > **и**)⁶.

Флексия **-у** в предложном падеже в нескольких примерах появилась, видимо, по аналогии с подобными же формами в предл. падеже слов мужского рода II склонения.

Различие в падежной системе существительных на **-а** в говоре Ийзаку может быть представлено в схеме:

1 склон.	И	Р	Д	В	Т	П
-а	+					
-и		+	+			+
-у				+		
-ой					+	
-е			(+)			(+)

II тип склонения.

Все существительные II типа склонения можно разделить на 2 подкласса: 1) существительные мужского рода с нулевой флексией в именительном падеже и 2) существительные среднего рода.

По II типу склоняются, например, существительные: *син, жених, лес, город, сук, сахар, м'од, ден, дож 'дождь', учитель, пепел, край, акно, село, малако, з'арно, сукно, бел'йо, м'аса, сала, дѣла, тѣла; горе, море, поле, гул'ан'йе, здаров'йе, жалъван'йе.*

Родительный падеж существительных II типа характеризуется флексией **-а** как в ударном, так и в безударном положении. Например: *кусок хлеба, в мен'а, в жениха, с фронта, с горъда, мароза, вокруг сѹка, нет укола, мала сахара, два боръва, в учител'а, два лос'а, три дн'а ~ три дни, два дни, два рубл'а ~ два рубл'й, агн'а, нет дажѣ, с м'аса, окул' тѣла, с каров'йева сала, ни славечка, нет мѣста, да озера, бел'йа, из жалъван'йа, дл'а здаров'йа, после телѣн'йа; нет краѣа, сарѣа, да мор'а, пол'а; сѹпа сладкава не знали, два ѹл'йа сдѣлал; нада два мешка при-*

⁵ П. С. Кузнецов, Русская диалектология, М., 1954, стр. 71.

В. Н. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 195.

⁶ С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 292.

нѣст; кадѣ пост, малакѣ не кѣшайу; хош кѣслава малакѣ; с дѣма уйдѣ, дѣвер замикайу; дѣвер зав'азѣли, чтоб из дѣма не вѣде; хлѣба прив'ад'ѣ; ѣа астанѣс без хлѣба; в дѣчки два ѣан'ѣнка; хош слѣдкава хлѣба; вадѣ принес'ѣна с другѣва калѣдѣца; вѣрес висѣкий, да паталѣка; без м'ѣса кѣшат не умѣете; свѣжѣва мѣсла свѣртѣла; два мѣс'ѣка лежѣу.

В небольшом количестве случаев встречается флексия -у, в основном в словах мужского рода, обозначающих названия веществ, а также место (с предлогами из, с). Например: сѣхару (дѣстиш сѣхару), м'ѣду (дѣв'ѣт пудѣв чѣстава м'ѣду дастѣли), мнѣга м'ѣду, с дѣму уйдѣ, с пѣлу сбирѣли, с фрѣнту (карнѣлѣф паслѣл с фрѣнту извѣстѣе), стол'ки вѣйскѣ (дѣйте мнѣ стол'ки вѣйскѣ), ни аднавѣ квѣту нѣ була, до кѣтазну (название местности).

Отклонение от других форм родительного падежа представляет слово *день*, которое, кроме своей обычной формы на -ѣ в родительном падеже, может выступать в виде *дни*. Полагают,⁷ что слово *день*, первоначально изменяющееся по типу основ на согласные, под влиянием основ на *-ѣ в форме родительного падежа единственного числа стало звучать *дѣни*, и только в результате дальнейшего развития вошло в категорию имен на -ѣ (в род. пад. *дня*). Форма *дни* в род. пад. ед. ч. чаще употребляется с числительными 2, 3, 4, (два *дни*, три *дни*), а также в наречиях *сѣвѣдни*, *трѣт'ѣвѣдни*. Такие же архаичные формы широко известны в севернорусских говорах.⁸ Вѣсьма часты по употреблению в говоре Йѣзаку сочетания *два рублѣ*, *три рублѣ*, *нет три рублѣ*, *палтарѣ рублѣ*. Подобные формы также встречаются преимущественно в севернорусской диалектной речи.⁹

Дательный падеж имеет флексию -у (как для твердых, так и для мягких основ): *на снѣгу*, *синѣв'ѣему сѣну*, *к дѣму*, *св'ѣкру*, *к ац'ѣ*, *к мѣу*, *к ѣтому дн'у*, *пѣ мор'у*, *на сѣрѣцу*, *на жѣту бѣгали*, *на хоз'ѣйству*; *нѣда бѣла к вѣчеру складѣт в кѣчу*, *к глазнѣм врачѣ* *схадѣл*; *ѣон (Ленин) умѣл гаварѣт*, *салдѣту клал* *и зѣмл'у* *и дѣн'г'и* *в кармѣн*.

Винительный падеж у неодушевленных существительных совпадает с именительным падежом, у одушевленных — с родительным.

В творительном падеже существительные II типа под ударением оканчиваются на -ѣм (после твердых и мягких согласных): *с винѣм*, *за стеклѣм*, *с женихѣм*, *кип'ѣткѣм*, *дружкѣм*, *салнѣм*, *кан'ѣм*, *дом за лескѣм*; *п'ѣт год прашл'ѣлса с мѣшкѣм*; *чим плѣти* — *винѣм*; *с матачкѣм 'с соусѣм' вкѣсна*; *стал карѣулам*, *пѣвѣм ѣхам* *не слѣшу*; *пращѣдѣшим гѣдѣм*; *вз'ѣли свѣйм*

⁷ С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 82.

⁸ Там же, стр. 82.

⁹ Там же, стр. 87.

дит'онкѣм; на́да пѣвам намаза́т; сам л'ок на крава́ти и аде́лса адейа́лѣм; йана пѣсарем бу́ла; йѣхали чо́рним мо́рем; ча́йем пайт; крѣфелем, с з'а́тем; э́тим са́мим снапо́м пакрѣ́ли.

Предложный падеж характеризуется тремя окончаниями — *-и*, *-у*, *-е*, которые употребляются как под ударением, так и в безударных слогах. Например: *на со́лнѣи ~ на солнце, в йан-варѣ́ мѣс'аѣи, в хлѣвѣ́, в килѣ́, в сент'абрѣ́, в снапѣ́, в э́там мѣс-ти ~ в друго́м мѣсте, на чо́рном мо́ри, в про́шлѣм го́ди, в йзаки, на фро́нѣи, в аугу́сти 'в августе', в савхо́зи, в го́рѣди, в ле́си ~ в ле́се, на гумне́, в гаршкѣ́, сталбѣ́и приби́ти на патало́ке, на свай-о́м ве́ке, на све́те, в со́усе, на дне́, йа на пла́це 'на площади', в по́ле ~ в по́ли, на майо́м те́ле, в амба́ре.*

Количественные сопоставления флексий *-е* и *-и* показывают, что обе они употребляются параллельно на равных правах с некоторым преобладанием окончания *-и*. Окончание *-и* в предложном падеже свойственно и северо-западным и прилегающим к ним среднерусским говорам, где оно, как полагают, появилось так же, как и в I склонении, в результате изменения *ѣ > и*.¹⁰

Широко распространена форма на *-и* в предложном падеже имен II типа склонения и в новгородских говорах. Окончание *-и* в предложном падеже, как отмечает А. Ф. Марецкая,¹¹ отражает более древнее состояние новгородских говоров.

Продуктивными по употреблению являются также древние формы с флексией *-у*. Эти формы на *-у* встречаются с разными предлогами (*в, на, под, при*) чаще для обозначения места и времени, а иногда и в других значениях. Например: *в крайѣ́, в сара́йѣу, в углѣ́, в ре́йѣу, в с'ант'абрѣ́у мѣс'аѣу, в про́шлѣм гаду́, в э́там мѣс'аѣу, в окто́бер мѣс'аѣу, в глазу́, на на́шѣм грунѣ́у, в зѣ́мнем двари́у; на в'атрѣ́у (з'арно́ чи́стили на в'атрѣ́у); малако́ держали на снегу́; па́д адно́м грунѣ́у; в йѣ́ли мѣс'аѣу, в апрѣ́ли канѣ́у, в ма́йе мѣс'аѣу, о́кала мастѣ́у, в бе́лам дамѣ́у жив'о́, на ри́нку пра-дава́ли; бру́сника расѣ́о в барѣ́у; на жи́рѣу жа́рит; ка́да на листѣ́у, не на́да паха́т чи́ста; при ца́ризму.*

Форму на *-у* имеют, в основном, неодушевленные существительные мужского рода. Исключение представляют некоторые одушевленные существительные мужского рода, оканчивающиеся в предложном падеже флексией *-у*: *при аѣ́у, при ца́рѣу*. Названия местности в предложном падеже чаще имеют окончание *-у*: *в са́хкуйѣу, в во́хмайѣу, в кѣ́ргуйѣу, в ка́тазѣу*.

Примерно такое же распределение окончаний предложного падежа наблюдается и в говорах западной части северного наречия и в новгородских говорах.¹² Несколько большее, по сравнению с литературным языком, распространение форм на *-у* в пред-

¹⁰ Русская диалектология, стр. 109.

¹¹ А. Ф. Марецкая, Говор Старорусского района Новгородской области. Фонетика и морфология, канд. дисс., Л., 1953, стр. 275.

¹² Там же, стр. 256.

ложном падеже объясняется, по-видимому, влиянием из южных областей (Псков), в которых это явление получило особенно широкое распространение.¹³

Различия в падежной системе слов II склонения под ударением в говоре можно выразить в следующей схеме:

II склон.	И	Р.	Д.	В.	Т.	П.
-а		+				
-у		+	+			+
-и						+
-е	+					+
-ом					+	
-о	+			+(—)		

III тип склонения.

К III типу склонения относятся слова женского рода с нулевым окончанием, соответствующие существительным III склонения в литературном языке. По названному типу изменяются, например: *лошад, пам'ат, беднѣст, жист ~ жизн, шинѣл', сол', пас-тѣл', вѣлѣст, ладѣн, груд, грѣбен, ноч, ѳсен, мат, зен, балѣст ~ балѣзн, сет, власт, шерст, смерт, скѣтерт, л'убѣв, кост, шет, качѣл', вѣи, цеп, реч, крѣпѣст, част, рож, жерд, кров, тиш, двер, печ ~ пец*. Слова *свекровь* и *церковь* употребляются в форме *свекрѣва ~ свекрѣвка* и *цѣркѣва* и склоняются по I типу.

Существительные III склонения в винительном падеже ед. ч. имеют те же флексии, что и в именительном падеже ед. числа. Например: *пра л'убѣв гаварѣл; на скѣтерт ткѣли; кров вѣсасит; на́да лошад падкава́т, адну́ част вади́; на дли́нну жерд сди́нули; на вс'у́ жизн; кажѣ́ну ноч приѣѣжа́йе, Ле́нин бул дер-жа́л реч; рож жа́ли серпо́м; чест атдава́ли; цеп сн'ѣли; двер за-мика́йу; крѣ́пкий чай кров отчи́йѣйе; замо́к на́ зен; йу́бки бу́ли на са́муйу зен; раскрѣ́й двер; тада́ ста́ли рож жат; рож малати́ли малати́лкам*.

В родительном, дательном и предложном падежах имеется одна флексия *-и*: *ден, два и со́ли скаре́й дава́й; по́сле сме́рти палуча́й; да сме́рти; из дама́шни ше́рсти; две ча́сти са́хара; ми с ѳзѣ́скѣй во́лости; у вла́сти; йана́ с зе́ни сабира́йе; без пам'ати́ лежѣ́й; никако́й боли́ не́ була; на балѣ́зни; по́ зени; пришла́ к двѣ́ри; на́да лошади́ дат; при майѣ́й пам'ати́; на свайѣ́й*

¹³ С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 103.

лошади; в беднѣсти жили; стайт на соли; на пастѣли; в волѣсти; на ладони; на груди; в жизни; в шинѣли палковнич'ей; на бабушкинѣй кравати; сам л'ог на кравати.

В творительном падеже флексия **-йу**: *бсен'йу, нѣч'йу, грѣбен'йу, с лошади'йу, за двѣри'йу, с жизни'йу, с соли'йу.*

Таким образом, в говоре Ийзаку происходит сближение III типа склонения с I типом. Эти два типа склонения имеют одинаковую систему падежных противопоставлений с окончанием **-и** в трех падежах: в родительном, дательном и предложном. Сходство систем этих двух типов склонения можно представить в схемах:

I тип

И.	В.	Т.
Р.	Д.	П.

III тип

И.	В.	Т.
Р.	Д.	П.

Слова *мать* и *дочь* в именительном и винительном падежах употребляются без наращенія, в остальных падежах **-ер** имеется, например: *пѣсле мѣтери, мѣтери мат, ат мѣтери, к мѣтери, помн'у мат, пра мат, с мѣтер'у (с мѣтер'у в бѣни жили), при мѣтери.*

Существительные на **-мя** в говоре не представляют собой отдельного класса слов. Более употребительным из них является слово *время*, причем по словоизменению оно сближается с существительными II типа склонения. В единственном числе *время* выступает без изменения основы и суффикса **-ен-**. При изменении к основе присоединяются окончания II типа. Например: *врѣм'а нет, скѣл'ка врѣм'а, врѣм'а бол'ше бѣла, пѣсле рабѣчей врѣм'а, год врѣм'а сидѣла; к ѣтому врѣм'у накончит; чѣрез мал'тѣе врѣм'а, в старѣ врѣм'а, в то врѣм'а; с ѣтим врѣмем; при царскѣ врѣм'а; при ѣстонскѣ врѣм'а вино дешѣвле бѣла, но дѣнег трудна дастѣ бѣла; при ѣстонскѣ врѣм'а рабѣти нѣ була в гѣрѣди.*

Формы с утратой в основе суффикса **-ен-** широко распространены в севернорусских говорах.¹⁴

Множественное число

В именительном падеже множественного числа существительные могут оканчиваться на **-и** или **-а**. Распределение их между существительными несколько отличается от соответствующей

¹⁴ С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 301.

системы в русском литературном языке. Более широко распространено окончание **-и**: *ба́би, до́ски ло́си, йе́ли, бер'о́зки, ка́мєни, во́лєси, мхи, рї́жєки, бру́сницї, жураві́нцї, агні́, даро́ги, ацї́, нє́мцї, кї́ри, стє́ни, ра́ми, плáти, пластї́, палї́ 'по́лы', го́ди (пра́шил до́лги го́ди); сто́гї, ла́гєри, гла́зи (гла́зи бал'а́), хрєста́ни.*

Флексия **-а** в именительном падеже множественного числа наблюдается в основном у слов среднего рода: *слава́, семенá, драва́, бр'овна, пал'á, п'áтна, кружавá, вайска́, дела́, местá, дерева́, окна, облака́*, а также у некоторых слов мужского, иногда и женского рода, хотя в более ограниченном количестве случаев: *леса́, м'отла, парас'áта, р'аб'áта, дахтарá*. Расширен круг употребления флексии **-а** за счет основ на **-й**: *полóз'яа, палє́н'яа, в кї́ч'яа, крї́л'яа, глаз'я́ 'петли́', канáв'яа, бра́т'яа, лі́ст'яа, карє́н'яа, го́р'яа, трї́б'яа, по́ноз'яа, гра́д'яа, жи́л'яа, ї́л'яа, ка-мє́н'яа, пї́л'яа, кї́шан'яа, калє́н'яа, синав'я́а*. Существительные на **-а** с суффиксом **-й** отмечены также в говорах Гдовской и Онежской подгруппы¹⁵ и в Новгородских говорах.¹⁶

Формы на **-й** в именительном падеже множественного числа более новое образование по сравнению с формами на **-и**. Появились они под влиянием старых собирательных существительных на **-йяа** одновременно с появлением новообразований именительного падежа множественного числа на **-á**.¹⁷ Под влиянием новых форм на **-й** от существительных мужского рода флексия **-яа** стала проникать в имена среднего и женского рода. Употребление форм на **-й** от существительных женского рода, как считает С. П. Обнорский,¹⁸ преимущественно севернорусское явление. Существительные на **-яа** отличаются от других форм именительного падежа множественного числа своим особым оттенком — обозначением некоторой совокупности предметов, немислимых в отдельности.

Родительный падеж множественного числа представлен тремя флексиями: **-ов, -ей** и нулевой флексией. Распределение их в говоре Ийзаку в основном связано с родом существительных и качеством конечного исходного согласного основы, но имеются и отклонения. Широко известно окончание **-ов** (**-ѣв, -ев**) как у существительных мужского рода на твердую (иногда и на мягкую) основу, так и у существительных среднего рода. Например: *п'ат, братє́никѣв, без зубо́в, мно́га ту́ркѣв ви́дел, дл'а капита́листѣв, с вс'áка раз́них цвє́то́в, у хаз'áинѣв, по́сли уро́кѣв, райо́в мно́га, бо́рѣв мно́га, ско́л'ки даро́в, ско́л'ка сундуко́в, сем ме́с'акѣв, сем*

¹⁵ Русская диалектология, стр. 270, 278.

¹⁶ А. Ф. Марецкая, указ. соч., стр. 258.

¹⁷ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, Л., 1931, стр. 99.

¹⁸ Там же, стр. 99.

вазѡв, п'ат прѹт'ѣев, дл'а мешкѡв, штанѡв не насѣли, дл'а снеткѡв, ул'ѣѡв мнѡга, лас'ѣѡв мнѡга, скѡл'ка дн'ѡв, расширѣнїе лѡжѡв, п'ат дит'ѡнкѡв, пол'тѡев и клѣйтев 'платѡев' мнѡга бѹла, нет делѡв, с деревѡв, крест'ѣнѡв бол'ше бѹла.

Формы с флексїей -ей встречаются у существительных II и III типов склонения на мягкую основу, а также на шипящие: камнѣй нѣту, нет камѣй, скѡл'ка дней, дл'а детѣй, нет лесавѣх свинѣй, нет семѣй (семян); с дверѣй, нет таких балестѣй, тепѣр и печѣй нѣту, лашадѣй скѡл'ка, начѣй. С флексїей -ей в родительном падеже множественного числа зафиксированы слова: дл'а трайх синавѣй, нет таѣх карзѣй, камарѣй, без ачкѣй, сем детѣй, настѡв'а дражѣй, нѣ була дравнѣй.

Нулевая флексия закономерно появляется у слов I типа склонения и у существительных среднего рода II типа склонения, а иногда и у слов других типов. Например: винтѡвѣк нет, ног не видѣт, собрак капѣйек, ѣагад' мнѡга, рабѡт рѣн'ше здѣс нѣ була, лип мѡла, вс'ѣких рѣзних пѣсен пел, мнѡга баб держѣл, п'ат карѡв, скѡл'ка авѣц, от кажѣннава канфѣт не берѣ, блиц (грибов) мнѡга, пакѣмест ѣагад нет, мѡла бруснѣц, чернѣц, журавѣц, прѣмеж рук, сем недѣл', пчол мнѡга, мнѡга трав, кѡпен, лип в нас мѡла, с круп кѡшу варѣли, змей мнѡга, двѣсти в'ѡдер, да калѣн, дл'а крест'ѣан, скѡл'ка дров принасѣла; чѣрез сем д'он, ни мѣн'ше тр'ѡх д'он, скѡл'ка д'он увелѣ, зуб нѣту, мнѡга год назѡд, скѡл'ки год, скѡл'ка раз, двѡе сѹтѣк, тетрѡд нѣ була, с вс'ѣких рѣзних растѣни, шѣст атделѣни.

Форма родительного падежа множественного числа без флексий типа скѡл'ки д'он, мнѡга год, два раз, нет зуб, — это остаток архаического образования родительного падежа множественного числа. В древнерусском языке существительные на *-о и *-а, а также основы на согласные в родительном падеже множественного числа оканчивались на чистую основу и не имели никаких формальных признаков для характеристики падежной формы.¹⁹ Подобные архаические формы родительного падежа множественного числа, сохранившиеся в говоре Ийзаку, употребляются преимущественно в соединении с числительными и вообще с количественными словами.

Форма родительного падежа множественного числа без флексий типа год, д'он широко распространена в диалектной речи, в особенности в черте севернорусских говоров.²⁰

В дательном и творительном падежах множественного числа наблюдается последовательное совпадение флексий в одной форме -ам: на ѣтим мѡтам хадѣли, хазѣйка уѣѣхала к свѣйм дѣтам, на ѣарманкам ѣѣздили, на слѣдам мѡжна узнѣт,

¹⁹ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, стр. 150.

²⁰ Там же, стр. 292.

Некоторые выводы

Модели падежных окончаний имен существительных, различающихся между собой, образуют в говоре Ийзаку 3 типа склонения, как и в русском литературном языке и большей части русских говоров. Но тождество типов склонения не сопровождается совпадением систем падежных противопоставлений. Падежная система говора Ийзаку имеет ряд отклонений от русского литературного языка и особенностей, позволяющих отнести изучаемый говор по сходству или различию с соседними русскими говорами к одной или другой группе среди них. Рассмотренные нами факты отклонений от русского литературного языка в системе падежных форм свидетельствуют о наличии в говоре множества черт севернорусского происхождения. Особенно много общего наблюдается с русскими говорами северо-западных областей, в частности с новгородской группой. К явлениям северного происхождения можно отнести: 1) употребление **-и** в дательном и предложном падежах I типа склонения; 2) **-и** в предложном падеже единственного числа II типа склонения; 3) словоизменение существительного *время* без суффикса **-ен-** в косвенных падежах по II типу; 4) образование именительного падежа множественного числа при помощи суффикса **-й-** (*канáв'йа, пíl'йа, кúч'йа, калén'йа*); 5) сохранившиеся в говоре архаизмы — форма родительного падежа единственного числа — *два дни, два рублi* и формы родительного падежа множественного числа без окончания типа *сбóл'ка год, два раз, много д'он*; 6) совпадение дательного и творительного падежей множественного числа в одной форме **-ам** (*рукáм, машíнам*). По особенностям ударения (неподвижное ударение или на основе, или на окончании), а также по широте употребления флексии **-у** в предложном падеже слов II типа склонения изучаемый нами говор примыкает к западным говорам (псковские говоры).

Влияния со стороны неродственного эстонского языка в системе падежных форм не отмечено.

МЕСТОИМЕНИЕ

Словоизменение личных и возвратных местоимений

Личные местоимения *я (йа), ты (ти)* и возвратное местоимение *себя* имеют следующее словоизменение: в родительном и винительном падежах единственного числа — *мен'á ~ м'ан'á, теб'á, себ'á ~ с'аб'á*. Например: *пакáжу, што в мен'á ткáна; не завi мен'á дружéчкэм, йа тепéрича не твой; тапёр мен'á атменiли; в м'ан'á адiн сын; с д'арéвни думали, што м'ан'á не бóде; в м'ан'á йани не в'адúтса; в мен'á нет ничóва;*

в м'ан'а атѣц бул ўмершии ужѣ; купѣли в м'ан'а рой; с'обстри сдѣну мен'а с кравѣти; в м'ан'а набрана; йанѣ мен'а намагѣла; дл'а себ'а палѣчише малакѣ, сам с'аб'а ругѣиу; в теб'а бѣла скол'ки завед'бна, теб'а пришлѣ забирѣт, в теб'а ничевѣ нет, в н'атниціу вѣчерѣм прийѣжайет жанѣх теб'а свѣтѣт.

В дательном падеже единственного числа личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение имеют форму *мне, тебѣ, себѣ*; *мне нѣкагда; мне лет адѣнацѣт бѣла; мне нравѣтсѣ; йон мне радн'а; мне нѣкуда итѣт; мне нѣжѣн чѣлавѣк с'удѣи, мне син дом пастрѣил; рукѣ балѣи; не вѣстерет себѣ; вѣстраил себѣ дом; сдѣлали себѣ акѣпчики; слѣзки аставл'аѣем себѣ; тебѣ скол'ка лет бѣла; йа тебѣ плѣчу.*

В творительном падеже зафиксированы формы: *мнои (жѣча мнои спр'адѣна; са мнои иванѣв адѣн спѣл р'адѣм; са мнои разгавѣриваѣе); с сабѣи (йон вз'аѣ с сабѣи), табѣи (с табѣи вмѣсте хадѣли).*

В предложном: *при мне, ва мне (ва мне 'при мне' ўжен ўмер, при мнѣ бѣли лекѣрства).*

Таким образом, парадигмы изменения местоимений **я, ты, себя**, характеризующиеся совпадением окончаний родительного и винительного падежей, с одной стороны, и дательного и предложного падежей, с другой, составляют единый (эквивалентный) тип соотношения падежных окончаний:

Р., В. -а (*мен'а, теб'а, себ'а*)
 Д., П. -е (*мне, тебѣ, себѣ*)
 Т. -ой (*мнои, табѣи, сабѣи*)

Такой же тип склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и возвратного местоимения характерен для северного наречия и среднерусских говоров,²³ а также для русского литературного языка.

По падежным окончаниям личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа можно вывести единую для них парадигму склонения:

Р., В. — нас, вас
 Д., Т., П. — нам, вам

Множественное число личных местоимений в говоре Ийзаку характеризуется противопоставлением 2-х форм падежных окончаний (нас, нам, вас, вам). Отличие от литературного русского языка проявляется в форме творительного падежа, совпадающей с дательным падежом, а также в формах предложного падежа (при нам, при вам), совпадающих с дательным и творительным падежами. Примеры. Родительный падеж: *в нас две ка-*

²³ Русская диалектология, стр. 117.

ро́ви; хлѣба в наш ѱѣ; в наш мно́га м'о́да; камáнда в наш бу́ла; в нас лёса не́ була; в наш бу́ла три бра́та; в нас хлеб убирáли; в наш каро́ва ўмерла; дахтеро́в в наш не́ була; бу́ла в нас сем душ; в нас то́ўка а́дін дом аста́ўши; в нас бу́ла мно́га д'атей; ста́рѣй дом в нас разбо́рѣнѣй; а в нас винто́вѣк-та не́т. Винительный падеж: нас под га́чину напра́вили; там нас рѣска-лати́ли мѣментáл'на; ѱа́нѣ ухажива́йу нас; в ва́с то́же та́кі ѱе; за ва́с мир ста́й; про нас гѣварі́ли; про ва́с слиха́ли. Дательный падеж: никто не паса́бл'áл нам, пришло́с'а нам с ма́ткѣй хаді́т вездѣ; да́йте нам сто́л'ка-то всево́; нам на́до, штоб вайна́ ко́нчилас'а; дру́гѣ к нам не приса́йедин'áйтсá; вам ничево́. Творительный падеж: пайдѣ́ с вам; даво́лна с вам; с нам де́ла не́ була. Предложный падеж: при на́м так бу́ла, а при вам — кто зна́йе, как бу́де, впа́р'о́д не угада́т.

Местоимения 3-го лица он, она. Местоимения 3-го лица в исследуемом говоре в именительном падеже единственного числа имеют форму *йон* (он), *ѱанá* (она): *йон паса́бл'áл нам; йон не харо́ший; йон не пѣше; йон харашо́ пѣйáл; йон та́коѣ, как бара-вѣк; йон бул как саба́ка; длѣнѣѣй, йон с де́рева спѣ́ститсá; йон паслѣ́дует; чем йон мо́же памо́ч; йон не ве́ри; ѱанá ушла́ ат ѱево́ вон; ѱанá за́муж вѣ́шедши за им; ѱанá у́же ста́ринка; ѱанá вс'о хаді́ла в по́ле.* Иногда можно встретить и литературные формы *он, она*.

Местоимение *йон* имеет следующее словоизменение.

В родительном и винительном падежах: *ѱево́ (л'он) на́да бу́ла паса́дит в ре́й и вѣ́сушит; тада́ на́да м'ат, што бу́де л'он с ѱево́; тада́ ѱево́ ста́ли чесáт; уѱова́ галава́ л'о́ка; ѱаво́ пу́стѣли дамо́й; на́да ѱаво́ суши́т; н'а тро́гай ѱаво́; ви́дал ѱаво́ как на ладо́ни; у ѱаво́ бу́ли та́кі сталбавáти; ѱанá ушла́ ат ѱево́ вон; рва́ли ѱево́ (л'он) вон да кла́ли ѱево́ на́зен; затѣ́м ста́ли ѱево́ убѣра́т; пато́м часáли ѱево́ на́чисти; про ѱаво́ гаварі́ли, што мно́га баб д'аржа́ў, камандѣ́р палка́ зади ѱаво́; с'уди́ ѱево́, на́да разабра́тсá; а там ѱаво́ и отпу́стѣли; пришо́л бре́нѣѣй автама́бѣл', ѱаво́ пу́ли не б'ару́; ка́да йон скрі́лсá, тада́ ѱаво́ и мок л'убо́ѣй уби́т; в ѱаво́ и рѣч-та бу́ла; и афи́цѣри сре́дѣ них бу́ли; из нево́ и блѣ́ни скѣ́сни; паче́му у нево́ не ве́д'о́тсá, у нево́ штук п'ат бу́ла.* Формы со вставным *и* редки, встречаются в речи людей, имевших бо́льший контакт с литературным языком.

В дательном падеже: *к ѱаму́ прихаді́ли то́же не аткѣ́л'-та из ѱѣр'ѱе́ва; ѱанá бро́силас ѱаму́ на ше́йку; пѣ́в'арну́ли глаза́м все к нему́; ѱаму́ бу́дэ пу́л'а и пѣ́тл'а; ѱему́ плати́т на́да бу́ла; вѣ́плати до но́вава го́да ѱему́; ѱаму́ 60—70 лет бу́ла.*

В творительном падеже: *ѱанá за ѱм за́мужѣ́м; зимѣѣ́й с ѱм в лес хаді́ў; ми́ за ни́ми пашли́; пайдѣ́́ с им.*

Предложный падеж: *при ѱм ѱа у́же здѣ́с жи́ла и хаз'áйкѣѣ́й бу́ла.*

Таким образом, местоимение 3-го лица м. р. имеет следующую парадигму изменения:

Р. В. — *йаво́, йевó*
Д. — *йаму́, йему́*
Т. П. — *им*

Местоимение 3-го лица ж. р. йана (ана) в родительном и винительном падежах представлено в формах: *йой* (в *йой*, ат *йой*), *йей* (*йейо́, йайо́*). Например: в *йой* *бу́ли де́ти*; в *йой* *земл'а́ лива́к'улас* (в деревне Лийва); в *йой* *мно́га рабо́ти*; у *йой* *два си́на*; в *йой* *з'амл'а́ ма́ленька*; в *йой* *два йагн'о́нка*; у *йой* *крѝл'йа каро́че*; у *йой* *ул'йов мно́га*; ат *йой* *спраси́ла*; в *йой* *мно́га м'ода́*; у *йой* *муж бу́л харо́шэ́й*; в *йой* *два ме́ста бу́ла*; в *йей* *го́ре бу́ла вида́т*; *йа* *ста́рше йей*; *йой* в *шко́л'ни* *держа́ли*; *рас йейо́* *верх нага́м на сто́л*; *йана́ н'а* *вела́ йейо́* *никуда́*; *зме́йя куси́л йой*; *паста́вили йой* *туда́*; *пра йой* *гавар'а́*.

Дательный падеж: *йой, йей* (*йой на́да бу́ла на л'уд'а́м* *хадѝт*; *йана́ йой* *пихну́ла*; *йей* *ску́шна а́нбой*; *син йей* *пасила́л мно́га*; *на паго́де йей* *не даста́т ви́тит*; *саберу́* *капе́й* *и браса́йу* *в падо́л йей*; *ча́ста к йой* *прихадѝли*).

Творительный падеж: *йой, йей ~ йейу* (э́та *вс'о йой* *тка́на*; *йой* *вс'о* *кра́шена*; *ма́тица с йой* *бу́ла сагла́сна*; за *йой* *б'ажѝ* *как кот*; *ко́фтэ́чки* *и пѣлави́ки йой* *тка́ны*; *йой* *вс'о* *кра́шена* *и ви́ткана*; *ткан'йо́ йей* *тка́на*; *мат аста́лас'а* *с йей* *в бал'ни́ци*; *йана́ мо́же п'ат* *киламе́трэ́в* *пралетѝт*; *рой* *за йей*; *йана́ бал'та́лэс'а* *и йейу* *калатѝли*).

Предложный падеж: *при йой* *уже́* *кра́ски бу́ли*.

Таким образом, местоимение 3-го лица ж. р. может иметь единую форму для всех падежей: Р. Д. В. Т. П. — *йой* (*йей*).

Множественное число. Именительный падеж — *йани́* (*ани*): *йани́ ду́мали*, *што* *не бу́ду пади́мат*; *йани́ нас* *бер'агу́*; *што йани́* *тут* *лета́йу*, *не* *твайо́* *де́ла*; *йани́* *вро́де* *цепѝвши* *вси*; *как* *то́л'ки* *ма́тка* *пападо́*, *тада́* *йани́* *вси* *ско́ра* *пайдѝ*; *как* *чѝста*, *тада́* *йани́* *не* *так* *куса́йу*; *сейча́с* *жар*, *ко́рма* *не́ту* — *йани́* *серди́ти*; *йани́* *хат'а́* *весно́й* *ра́н'ше* *вон*; *йани́* *набира́йу* *вс'о* *вре́м'а*.

Родительный и винительный падежи — *их* *не́чем* *карми́т*; *йе́сли* *да́же* *их* *карми́т* *бу́деш*; *кла́ли* *их* *ду́бэ́м*; *про* *их* *сказа́ли*.

Дательный и творительный падежи: *йа* *им* *ви́пла-тил*, *им* *зимо́й* *тру́дна* *даста́т*, *им* *не́куди* *м'од* *класт*; *куда́* *им* *придо́тса*, *туда́* *и* *улет'а́*; *пара́с'ата* *шли* *за* *им* *за́ди*; *ма́ленький* *мал'чуга́н* *бу́л* *с* *им*.

Предложный падеж: *при* *и́м* *раздели́ли* *зе́мли*, *при* *и́м* *бу́ла* *неплóха*.

Для местоимения 3-го лица множественного числа можно вывести следующую парадигму:

Р. В. — *их*
Д. Т. П. — *им*

В заключение можно отметить некоторые особенности в словоизменении личных местоимений в говоре Ийзаку, а также остановиться на некоторых явлениях, имеющих место в основе местоимений 3-го лица.

Парадигмы изменения личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, а также возвратного местоимения *себя* в говоре Ийзаку почти совпадают с соответствующими парадигмами в русском литературном языке. (Отличие составляет наличие одинаковой формы в дательном, творительном и предложном падежах для личных местоимений множественного числа (*с нам, с вам, им, при им, за им, при нам, при вам*). Местоимения 3-го лица единственного и множественного числа отличаются некоторыми своеобразными явлениями. В рассматриваемом говоре (как и во многих других — как южных, так и северных²⁴) под влиянием косвенных падежей появляется *й* в начале формы именительного падежа единственного и множественного числа: *йон умёл говорит, йанá зáмуж вйшедиши за им, йанй не л'уб'а*.

Впрочем, наряду с формами с *й* возможны в том же падеже и формы без *й* (*анá, анó, анй*), но встречаются они редко. Другой же особенностью, общей для местоимений 3-го лица единственного и множественного числа, надо отметить отсутствие вставного *н* в косвенных падежах в сочетании с предлогами: *в йавó и реч_та б́ула, в йоо (у него) галавá л'б́ка, к йаму́ прихадйли, йанá за им зáмужъм, в йой мнóга рабóти, у йой два сйна, чáста к йой хадйла, с йой б́ула саглáсна, в их другóй раз такá сйла, йанй шли за йм зáди*.

Продуктивной по употреблению в городе Ийзаку является единая форма местоимения 3-го лица мужского рода *им* для дательного, творительного и предложного падежей и женского рода *йой* для родительного, винительного, творительного и предложного падежей. Она зафиксирована как более частый вариант форм в косвенных падежах. Наличие *о* в основе местоимения 3-го лица *она* в косвенных падежах, вместо литературного *е* (*йой*), наблюдается во многих говорах, как северных, так и южных.²⁵ Объясняется оно, по-видимому, как результат влияния

²⁴ П. С. Кузнецов, Русская диалектология, стр. 78; П. С. Кузнецов, Очерки морфологической системы Пильмасозерского говора. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II, М.-Л., 1949, стр. 102.

²⁵ П. С. Кузнецов, Русская диалектология, стр. 79; его же, Очерки морфологической системы Пильмасозерского говора, стр. 100.

склонения указательного местоимения твердой разновидности типа *той* на мягкую разновидность указательного местоимения *йа*²⁶, косвенные падежи которого легли в основу склонения местоимения 3-го лица ж. р. *она*. В говоре Ийзаку можно услышать и параллельную с *йой* форму *йей* (род., дат.) *йайо*, *йейо* (вин.) и *йей* (*йейу*) в творительном падеже, но встречаются они нечасто и непоследовательно. Формы с *е* могут объясняться и влиянием литературного языка. Такие же парадигмы склонения местоимений 3-го лица ед. числа *йон*, *йана* (*йаво*, *йаму*, *йаво син* ... *йой*, *йей* ...) отмечены и в псковских говорах.²⁷

Словоизменение неличных местоимений

Неличные местоимения (указательные, притяжательные, определительные, вопросительные, относительные, отрицательные) в говоре Ийзаку имеют следующее словоизменение.

Именительный (винительный) падеж: *та*, *ка-то́ра каро́в ходи карми́т*; *син этэ́т на маши́ни рабо́тайе*; *в э́та́т ден все на́нимали́с на рабо́ту*; *э́та бу́л хрест'я́нский пра́зник*; *э́та ал'н'ано́й мате́р* (материал); *йойни ате́ц и майа́ мат бу́ли брат и сестра́*; *йево́ни брат бу́л харо́шэ́й мужи́к*; *йейна мат в лесу́ жив'о*; *вес мир за вас ста́й*; *вс'о бу́а ви́шита*; *вс'о в свайо́ вре́м'а да́лжно бу́т у́брана*; *и л'он свой и ад'о́жа свайа́*; *како́й во́здух харо́ши*; *засо́хши тако́й, се́редни́кий тако́й бу́л*; *маладу́ха та́ка свер'о́за што син ма́г'о де́лат*, *када́ жо́нка та́ка*; *та́ка лучи́нка ви́резана*; *та*, *ка́тора но́си писмо́в'яа и прине́с'о де́н'ги*; *ка́ка бу́ла у́бка*, *та́ка и ко́фта*, *са́ла жгли́ како́йнибу́т*; *не зна́йу*, *бу́дут ани́ пэ́лукат*, *кто не рабо́тал*; *кто уби́л*, *тот сказа́л*.

Родительный (винительный) падеж: *гр'а́тки*, *ка́тори палу́чайутса по́сле таво́*, *как ско́сиш*, *прако́си*; *с таво́ вре́мени йа ви́бива́ла са́ма*; *с э́тава дн'а па́шли на сенако́с*; *зде́с бу́ла бо́льше э́тава*; *не зна́л э́тава мѣ́близиро́вки*; *ран'ше э́тава не́ бу́ла*; *с э́тава пл'а́ли ма́ти*; *ви про э́та слиха́ли*; *йа са́м се́бе ду́маю то*; *в то вре́м'а*, *пре́жде всево́ ста́ли хле́ба свайо́ва нама́ли́чат*; *в ка́во бу́ла са́ свайо́ва тка́на*, *в ка́во бу́ли тарго́ви*; *три дни ни́чо́ва не ви́дела*; *вс'о равно́ с че́во*, *с ри́би а́ли с ма́са*; *ни́ча́во не де́лаюу*; *де́д ни́ча́во не аста́вил им*; *йа ста́ра*, *йа бо́ли не зна́йу ни́ча́во*; *не́че́ва да́ста́т*, *ни́чо́ва в ле́се не́т*; *ни́чо́ва бо́льше не́ принима́е*; *тепе́р'а в ка́во забо́лэ́е*, *фа́ршел'а при-ве́д'а на ме́ста*; *там не́ бу́ла ни́ча́во*; *мно́га кой ча́во*; *ка́кова хо́ш*

²⁶ Подобная точка зрения выражена П. С. Кузнецовым в «Русской диалектологии», стр. 79, где дается объяснение диалектным формам *фс'ой*, *ус'ой*, *майой*, *твайой*, *свойой*; о том же см. П. С. Кузнецов, В. И. Борковский, Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 219; П. С. Кузнецов, Очерки морфологической системы Пильмасозерского говора, стр. 100.

²⁷ Л. И. Царева, Говоры юго-западной части Псковской области (Фонетика и морфология), ч. 2. Л., 1954.

цвѣта; чѣста вѣмийишса, што пѣта нет никакѡва; танц 'танцы'
бул да самѣва утрѣ; да самѣва-снѣга т'анѣли. В женском
роде: здес жѡлта травѣ бѣла пасѣяна; ѡанѣ с ѣтай дастѣли;
в майей баби атѣц тѡже пѣсни пѣйал харѡший; никакѡй пѡмоги
там нѣ була; нѣмец с свайѡй старани; ѣту лѡдку вѡлни не завѣл'у;
кадѣ вѣтер ѡжнѣй, ламѣет в нѣшу стѡрѣну л'од; вс'у жизн
работал; вс'у свайѡу жизн научилса; на вс'у жизн; какаѣа сет ѡе,
такѡйу и кладѡ; на вс'акѡйу работу пасилѣли; ѡупки бѣли на
самѡйу зен; какѡу жизн дѣли; и ѣту земл'у, катѡру ми разраба-
тивали, тѡже спустили.

Дательный падеж: тадѣ нѣшему палкѡу и бѣла бѡл'ше
давѣр'ѣа; ѡевѡнай атѣц бул майѣмѡу отцѡу д'ад'а.

Творительный падеж: ѡа палавѣки и адейѣла нѣкатѣ-
ри ѣтим стѣрайу; тепѣр ѡе плѣти, такѣ шѣроки, длѣни, ѣтим
пакрѣвайѣм; бал'шѡй ахлѣф в мен'ѣ сѡбственѣа самѣм пастрѡйѣ-
нѣй; нѣчем дѣтѣй кѣрмѣт.

Предложный падеж: на той недѣле с'амнѣѣт лет
спѡлнилѣс; ѡа на ѣтѣм мѣсти рѣн'ше не жѣл; на той недѣле;
приѣду в ѣтѣм мѣс'акѡу; в ѡѡнѣм дѡме магазѣн; на майѡм тѣле
нет ни аднавѡ укѡла; в нѣшей рѡти; пад нѣшим грунѣу нѣ була
лѣса.

Множественное число. Именительный падеж:
хѡ багѣти, те и недѣл'у прѣзнѡйу; те бѣли крѣпни, цвѣтнѣ; те,
кѡ блѣже; май радѣтели нѣ були рѣсѣийе; май глѣзи; всѣ бѣси-
кѡм хадѣли, переработани всѣ май жѣли; в дѣда бѣла п'ат сѣна-
вѣй, катѡри аѣа ни слѡшѣли; тапѣр такѣ дѡски ѡе; сѣми ткѣли
на стѣтѣве; сѣми свайѡу работу дѣлайу.

Родительный (винительный) падеж: с ѣтих ѡеш
и пей; ѣтих дѣтѣй кѣжнѣй ден радѣтса; падѡмал, пачѣмѡ ѡа ѣтих
хрѣст'ѣан зр'ѣ ѡр'ѣан (быть рабѡм); а тапѣр наш полк стал
вѣган'ѣт тех, хѡ к нам не присѣѣдинѣлса; землѣ сто дѣсѣт хѣк-
тарѣв бѣла на всѣх; пайдѡу, пасмѡтр'у свѣих; три кр'ѣстѣ и аблѣ-
живѣли са всѣх старѡн крѣгѣм; бѡл'ше всѣх, свѣих сѣмѣй нет;
какѣх пѡѡлѣф мнѡга; ѡа такѣх не видѣла; тепѣр нет такѣх кар-
зѣй, вс'ѡ самѣх бѣла сдѣлана.

Дательный падеж: на ѣтим мѣтам хадѣли; всѣм вѣдаду
мѣдѣли да кр'ѣстѣ; а майѡкѡ самѣм ухадѣла.

Творительный падеж: в вѣс тѡже такѣ ѡе, с такѣм
рубѣѣм.

Предложный падеж: на всѣх вс'ѡ бѣлѣѣе, бѣлѣй плѣ-
тѡк, перѣдники; в свѣих рѡкѣх.

Рассмотренные нами примеры склонения неличных место-
имений в говѡре ѡйзѣку указывѣют на многѣе сходные моменты
с литературным языком. Почти нет различѣй в парадѣгмах скло-
нения указѣтельных, прѣтяжѣтельных, а также других разрѣдов
местѡимений. Одинаковѣми с литературным языком явѣются
формѣ указѣтельных местѡимений ѣтѡт (ѣта, ѣтѡ, ѣти), тѡт (та,

то, те), в косвенных падежах единственного и множественного числа: *э́тава, тава́, э́таму, э́тэт, тот, э́тим, в э́тѣм; эта, та, э́тай, той, эту, ту; э́ти, те, э́тих, тех, э́тим, тем*. Следует однако отметить, что более продуктивным по употреблению оказывается местоимение *э́тот*. Поэтому, видимо, нами не зафиксированы примеры употребления местоимения *тот* в творительном и предложном падежах единственного числа и в дательном, творительном и предложном падежах во множественном числе.

Склонение притяжательных местоимений *мой, майо́, свой, свайо́, твой, твайо́* почти совпадает со склонением этих местоимений в литературном языке: характеризуется оно различием четырех падежных форм с одинаковой флексией в творительном и предложном падежах:

И. (В) — мой, майо́
Р. (В.) — майево́
Д. — майему́
Т. — майм
П. — на майм

Склонение местоимений *майа́, свайа́, твайа́* характеризуется противопоставлением трех падежных форм:

И. — майа́
В. — майу́
Р. Д. Т. П. — майей (майой).

Во множественном числе отличительной чертой является наличие единой формы для дательного и творительного падежей:

И. (В.) — маи Р. (В.) П. — маих Д. Т. — маим.

Как отклонение от литературного языка можно отметить произношение *о* на месте *е* в окончании некоторых местоимений. *о* зафиксировано под ударением в падежных формах местоимений *свой, свайа́*:

И. (В.) — свой	И. — свайа́
Р. (В.) — свайова́	В. — свайу́
Т. П. — свайм	Р. Д. Т. П. — свайой
Д. — свайому́	

Можно предположить, что *о* в приведенных словах обусловлено воздействием окончания *о* после твердого согласного типа *мой*.

Местоимения как притяжательные, так и других разрядов склоняются как полные прилагательные. Особенностью рассматриваемого говора представляется наличие стяженных форм в им. и вин. п. ед. ч. местоимений женского рода типа *кака́ (какáйя)*.

такá (такáйя). Например: какá бу́ла йу́бка, такá и ко́фта; мала-
ду́ха такá свер'бза; вазмí какú хош (хочешь). Такие же стяжен-
ные формы местоимений можно встретить в им. (вин.) п. мн. ч.:
такí дбски, катóри раслí.

Кроме того, в рассматриваемом говоре имеются отсутствующие в литературном языке местоимения. Широко используются склоняемые формы от притяжательных местоимений 3-го лица: *йевонъй, йевона (йа), йевонъйе, йевони, йойнъй (йейнъй), йойна (йа), йойни, йхнъй, йхн'а (йа), йхни: йевонъй брат, йевонáй атéц бул áдам, йевонáй атéц бул майемú ацú д'áд'а; йойни атéц, йейна мат, в йойнъм дбме магазин; йхни ацí тóже здес жили, с им д'ат'áм па-эстонски гаварíл; йа хачú па йхнему вéру рассказáт, йхну вéру запрестí никто не мóже.*

Определительное местоимение *весь* во флексиях множественного числа имеет и: *вси, всих, всим*. Подобные формы с *и* широко известны в новгородских,²⁸ псковских²⁹ и граничащих с этими территориями³⁰ говорах.

В заключение отметим, что, несмотря на наличие многих сходных с литературным языком моментов, в словоизменении местоимений в говоре Йизаку сохраняется все же целый ряд своеобразных форм, утративших свое значение в русском литературном языке и встречающихся редко в соседних русских говорах. С другой стороны, область местоимений оказалась непригодной для усвоения форм эстонского языка.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Для говора Йизаку характерны те же разряды имен прилагательных, что и для русского литературного языка: 1) качественные, 2) относительные и 3) притяжательные с суффиксами -ин, -ов (-ев), -ск. Качественные прилагательные бывают полные и краткие. Полные формы имеют в основном прилагательные мужского рода, а также женского и среднего рода в косвенных падежах. В именительном и винительном падежах слов женского и среднего рода, а также в именительном (винительном) падеже множественного числа доминируют стяженные формы. Краткие формы изменяются по родам и числам, но не склоняются; в предложении они выступают в функции предиката. Относительные прилагательные так же как и в литературном языке не имеют кратких форм, остальные синтаксические и морфологические функции те же, что и у качественных прилагательных. Более широко, по сравнению с литературным языком, употребляются фор-

²⁸ А. Ф. Марецкая, указ. соч., см. раздел «Местоимение».

²⁹ Л. И. Царева, указ. соч., см. раздел «Местоимение».

³⁰ М. А. Новгородов, Говор старожильского населения Дагдского района Латвийской ССР, к/д, Даугавпилс, 1958, стр. 66—71.

мы притяжательных прилагательных: *мáсѣина малакó, курíнѣе* и *гусíнѣе м'áса, ацóв уча́стак, ива́нѣв ден, пакрóв ден, карóв'ѣе са́ла, синóвни син, мужи́цкѣе дéла, ба́бска дéла, никала́йѣв за́йѣта, бра́тна, жо́нка, ацóва мат, палкóвнич'ѣа шинéл', д'áдина дачкá, внѣ́чкини дéти, л'агѣ́ш'ѣи нóги.*

В зависимости от качества конечного согласного основы твердый или мягкий (полумягкий), прилагательные могут быть твердой или мягкой разновидностей (преобладает твердая). Окончания же прилагательных могут оказаться как в сильном, так и в слабом положении, в зависимости от ударения, чем определяется и их фонемный состав.

Прилагательные в говоре Ийзаку имеют следующее словоизменение.

Для мужского и среднего рода:

Именительный (винительный) падеж: *уча́стак бул бал'шóй; йон бал'нóй чела́век; сил'нóй рой, ста́ртѣй наро́д; дѣ́кай наро́д; папрóбуйу, гру́знѣй ли сунду́к; ста́ртѣй дом в нас разбо́рнѣй; он ста́ртѣ тожѣн у́жé; муж бул харóшѣй, ста́ртѣй дере́вишка как ста́ра ба́ба ста́й в агарóди; нѣ́жна тарго́ва пѣ́ва; ѣ́если харóша сéна, тада́ до́лга со́хне; че́рез чо́рна мо́ре; ѣ́ехали в кра́сна с'алó; а по сича́шний ден ни хо́жѣна.*

Родительный (винительный) падеж: *бал'шóва лóс'а уви́дела, в бал'нóва чела́века не спра́шивай; сла́дкѣва сѣ́на и не зна́ли; са све́жѣва то́же саб'йóм; мат с гѣ́с'ѣева нака́лén'ѣа; мен'á перев'а́ли по́сли нóвава го́да ва вта́рѣ атделéнийу; хо́и сла́дкава хлéба; вада́ принес'óна с друго́ва калóдца, све́жѣва ма́сла свертéла; лéтам кѣ́слава майа́ка (кислого молока) хатѣ́м.*

Дательный падеж: *к кажѣ́нѣм(у) чела́веку ѣ́ест кл'уч; нас тудá, к зѣ́мнѣму двари́цѣ; дараго́му чела́веку на́да дат, к гла́з-нóм врачѣ́ хадѣ́л.*

Творительный падеж: *ма́тка бал'ша́, длі́на, други́м цвѣ́тѣм; проше́дшим го́дѣм бу́ла пасéяна; пра́вим ѣ́хам не сли́шу; сéна мо́крим дéлала; чо́рним мо́рем пайéхали;*

Предложный падеж: *на́да в друго́м савхо́зе купѣ́т; што́ ѣ́а ни пражи́вши на свайóм ве́ке; при харóшим све́те ма́гѣ и чита́т; на пере́ним эта́жé хара́шо ви́на, в симбо́йрскѣм у́ѣезде там ви́грузили с ваго́нѣв вон; йон ѣ́де на бѣ́лѣм канé; ф про́шлѣм годѣ́; на пѣ́рвѣм го́лѣсу бул; в два́дцатѣм га́дѣ; то́л'ка ми́лава ѣ́а ви́жу в то́мнѣм ноч и сла́дкѣм снѣ; в про́шлим го́ди гавари́ли; начевáли на чо́рним мо́ри; э́та бу́ла при э́сто́нскѣм вре́м'а; йон в бѣ́лѣм да́мѣ́ жив'ó.*

В сильном положении (под ударением) склонение прилагательных мужского и среднего рода твердой разновидности характеризуется различением максимального количества падежей и может быть представлено следующей парадигмой:

И. (В.)	-ой (-о́йе)	—	друго́й, друго́йе
Р. (В.)	-ова	—	друго́ва
Д.	-ом(у)	—	друго́м(у)
Т.	-им	—	други́м
П.	-ом	—	друго́м

Когда ударение находится на основе, прилагательные мужского и среднего рода как твердой, так и мягкой разновидности, характеризуюсь различием четырех падежей, имеют следующие формы с безударными падежными флексиями:

И.	(В)	'-ъй, '-ай	—	бе́лъй
Р.	(В.)	'-ъва, '-ава	—	бе́лъва
Д.		'-ъему, '-аму	—	бе́лъму
Т.		'-им	—	бе́лим ³¹
П.		'-им, '-ъм	—	бе́лъм

Мягкие основы имеют соответственно следующие парадигмы склонения:

И.	(В.)	'-ий	—	зи́мний
Р.	(В.)	'-ева	—	зи́мнева
Д.		'-ему	—	зи́мнему
Т.		'-им	—	зи́мним
П.		'-им	—	зи́мним

Слова среднего рода в именительном и винительном падежах единственного числа с ударением на основе имеют обычно стяженную форму на -а: *че́рез чо́рна мо́ре; й́ехали в кра́сна с'ало́*.

2. Для склонения прилагательных женского рода характерно наличие стяженных форм в именительном и винительном падежах. Например: *же́лѣзна плуга́ пайави́лас, л'у́теранска ве́ра, жо́лта трава́, кра́сна а́рмийа, ста́ра ма́тка, аржа́на мука́, жи́тна ка́ша, пе́рва мирава́ вайна́, ка́дринска тепли́на* (оттепель в Катеринин день), *ма́ртинска тепли́на* (оттепель в мартынов день), *у́зка ло́дка мо́жет за́лѣтся, ле́ва рука́ бали́, бага́та де́вушка, хоро́ша мука́, пе́рва мирава́ вайна́ в ча́тирна́дцатѣм нача́лѣс; бу́де дабраво́лна ме́стна рабо́та; та́ка кра́сна бли́ца* (гриб); *а́тпрати́ли в пѣлка́ву канце́ла́рийу; ка́шу чечеви́чн'у на п'ат че́лаве́к да́ли; учи́ли ста́ру и но́ву ве́ру; а чи́час све́жѣу ри́бу не ло́ват; но́ву шко́лу па́строили; ста́ра разва́ли́лѣс'а; в ка́пу́стну па́сѣду не́л'з'а а́гури́ов кла́ст; мо́же на но́ву хва́рте́ру пайдо́у; каме́ни́сту з'амл'у́ йа́ни хат'а́; на до́лгнѣу же́рд сди́нули; за но́ву не ти́тали, па́сѣду дере́в'анну де́лайу; на це́лу неде́л'у йѣздили;*

³¹ В связи с тем, что в говоре Ййзаку твердость — мягкость перед и не различается, а фонсма и выступает в своем основном виде, в творительном падеже имеется одна флексия как для твердой, так и для мягкой разновидности.

прин'асла чорну дасочку; в петрапавлѣвскуюу крѣпѣст; гнут ка-
жѣнуу доску; кажѣну нощ приѣжѣѣ.

В других косвенных падежах зафиксировано следующее сло-
воизменение:

Родительный падеж: *ид'о народ с петраградскѣй ста-
ранѣ, ми с ѣзскѣй волѣсти.*

Дательный падеж: *нада итѣт блѣже к раѣйскѣй гра-
ници, старѣй та матке нада рѣн'ше вѣтит вон; он перешѣл к дру-
гой брѣтнѣй жѣнки.*

Творительный падеж: *взми чѣйнѣй лѣжкѣй ма-
ленкѣй; рой с малѣдѣй маткѣй вѣшла; стара матка натер'алѣс'а
тепѣр с малѣдѣй маткай вѣлет'а; зарабѣтывала дѣн'ги рѣбнѣй лѣв-
лей и леснѣй работѣй.*

Предложный падеж: *жанилса на другѣй; в наѣшей рѣти
тока двенадцѣт винтовѣк; ѣа бул вс'агда ва втарѣй шерѣнги, та-
варѣй вѣд асталса в другѣй шерѣнги; на фабрѣйнѣй ѣѣвке
мин'ѣѣ ѣон на прадѣкти; судѣк л'ѣбит на мѣтнѣй вадѣ; ѣта в
стѣйѣчѣй вадѣ; ѣон в ѣапѣнскѣй вѣйнѣ бул; керѣнскѣй уб'ѣгши в
жѣнскѣй адѣжде; на бѣбушкѣйнѣй кравѣти волк.*

Таким образом, прилагательные женского рода твердой и
мягкой разновидности в говоре Ийзаку имеют систему падежных
противопоставлений из трех форм:

а) для твердой разновидности:

I	II
И. -а — лесавѣ	И. '-а — малѣда
Р. Д. Т. П -ѣй — лесавѣй	Р. Д. Т. П '-ѣй — малѣдѣй
В. -ѣ — лесавѣ	В. '-ѣ — малѣду

б) для мягкой разновидности:

И. '-а — лѣтн'а
Р. Д. Т. П '-ѣй — лѣтнѣй
В. '-ѣ — лѣтн'ѣ

Такая же система падежных форм имеется в русском лите-
ратурном языке. Отличительной чертой говора Ийзаку является
широкое употребление стяженных форм в именительном и вини-
тельном падежах женского, а также среднего рода и в имени-
тельном (винительном) падеже множественного числа. Указан-
ное явление характерно для большинства средне-русских гово-
ров и говоров северного наречия.³²

³² Русская диалектология, стр. 120; см. также Т. С. Коготкова, Стя-
жение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологи-
ческим категориям. Материалы и исследования по русской диалектологии,
вып. II, М., 1961, стр. 79, 87.

Во множественном числе различаются три падежные формы:

В именительном и винительном падежах: *вси здарови расли; нѣжни ѱѣбки вс'о в палѣску; в нас бѣли п'атлицы; лѣжки бѣли дерев'ѣни; а св'ѣкру табѣшны кѣшел'кѣ рѣзны; свекрови дѣй'ѣни чулки; ви малѣди л'ѣди, вам ничевѣ; вѣрх'ны бѣли аѣѣва цвѣта; г'ѣмны свѣтли, рѣзны бѣли; рѣн'ше цигѣны багѣты бѣли; брѣшны бѣли баѣшны, крѣгѣны, сѣр'гы дѣй'ѣны и красѣвы бѣли, бѣсы и цепѣчки металич'ескѣи; малѣди тепѣр не признаѣю; там бѣли и зѣлатѣ слава и на рѣсскѣи и на эстѣнскѣи, тапѣр кап'рѣн'ѣвы сѣты; дѣд и прѣдѣд зѣѣшны; блицы такѣ крѣпки, черв'ѣвы; прѣстинѣ бѣлаи, бѣлы; рѣгы такѣ бал'ѣшны, стрѣшны; битѣны малѣшны, блицы грѣзны, ѣадавы; жѣлты петунѣи назывѣйутся; мѣбли-завѣлы нас бѣлы; вѣл'ѣсы бѣлы курчѣвы и красѣвы; стѣры ѣмерлы, малѣди в гѣрад ѣѣѣхали; ѣа прѣжѣвыи дѣлгы гѣды; ѣанѣ корны лесавѣ, саснѣвы ѣад'ѣт.*

В родительном (винительном) и предложном падежах: *прикѣз бал'ѣшны мужикѣв; ѣѣѣца мнѣга бѣл'ѣны курѣнны; внѣчкѣнны дѣтѣи ѣвидѣшны; тапѣр лесавѣх свѣнѣи мнѣга; пѣблы с вс'ѣка рѣзны цвѣтѣв сабѣраѣю, малѣдны нет ны ѣднѣи дѣвушкѣи; лѣтѣм в пѣле хадѣл в хаз'ѣѣѣвах чужѣх; падѣл'ше в бал'ѣшны лесѣх; вс'ѣ бѣла на мѣкрны зѣмл'ѣх не ѣбрана.*

В дательном и творительном падежах: *раднѣи с'ѣбстрѣ делѣт, на чужѣи крайѣм, нел'з'ѣ грѣзныи рукѣм трѣгат, с внѣчкѣнныи д'ѣт'ѣм, бал'ѣшныи вѣлам насѣт сѣна нел'з'ѣ.*

Парадигма склонения прилагательных во множественном числе имеет следующий вид:

И. (В.) -ѣ, '-и — лесавѣ, малѣды

Р. (В.) П. -ѣх, '-ѣх — лесавѣх, малѣдны

Д. Т. -ѣм, '-ѣм — лесавѣм, малѣдым

Краткие прилагательные

Краткие прилагательные в рассматриваемом говоре, как и в русском языке в целом, сохранили лишь несклоняемую форму именительного падежа с изменением по родам в единственном числе, а во множественном — без такого изменения. Употребляются они лишь в функции сказуемого (предикативный член составного сказуемого). Например: *маѣѣ невѣстка малѣда, да ны мѣжет; тѣл'ка бѣла хѣденкаѣа шѣѣнка; тапѣр ѣа сѣѣба на ѣта дѣла; гвѣрдѣѣа бал'ѣшѣ бѣла; сталѣѣва длѣна; другѣ дачкѣ ѣанѣ бѣла бѣдна; лѣс'ѣ бѣла висѣка; ѣа в пѣпы, мѣмы жѣла хѣдинка; нѣне лѣта халѣдна, жѣрка; ѣа кадѣ здарѣѣва, кадѣ и плѣха; нѣнешну веснѣ гаварѣла, шѣо сѣрдѣѣѣ бѣлна.*

Притяжательные прилагательные, как и в русском литературном языке, склоняются как полные прилагательные, частично со-

храня краткие формы (прилагательные на **-ин, -ов (-ев)**): *к пакраву́ дн'у́; ран'ше свѣчи с каров'йева са́ла дѣлали; синов'йему сину́ в йанварі́ мѣс'аку́ бу́де два го́да; внучкиныхъ дете́й уви́дим; в шинѣли палков'ничей бу́л.*

Интерес представляет сохранившаяся в говоре Ийзаку древняя форма притяжательного прилагательного **иванден** < **иванъ день** (Иванов день). Это слово может употребляться двояко в косвенных падежах. При сохранении целостности этого слова в именительном падеже с ударением на первой части, в косвенных падежах может изменяться лишь вторая часть: *накану́не ива́ндена; ран'ше ива́ндена нача́ли каси́т; с ива́ндена.* Также возможны от этого сочетания косвенные падежи с сохранением старой склоняемой формы краткого прилагательного, например: *пѣред ива́нѣм дн'а.*

В говоре встречаются и параллельные формы этого же прилагательного с суффиксом **-ов**: *в ива́нѣв ден танц* (танцы) *бу́л до са́мѣва у́тра; по́сли ива́нѣва дни в пакос́ шли; до ива́нѣва дн'а ли́л дош.*

Сравнительная степень

Наиболее продуктивными по употреблению являются формы сравнительной степени с суффиксом **-ей**: *св'атле́й, пасв'атле́й, патемне́й, пабедне́й, пѣт'ажеле́й, зимой пѣтемне́й, а лѣтѣм пѣсветле́й, злей, сил'не́й.*

Встречаются также формы с суффиксом **-ейе**: *густе́йе (вада́ ста́не густе́йе, ва́ли бол'ше), тепле́йе.*

С суффиксом **-е** образуется сравнительная степень с основой на шипящий, который чередуется с задненебным или зубным согласным в основе положительной степени. Например: *зимой па́бол'ше аде́неш, а лѣтом па́лѣхше; пави́ше паста́в'а, тада́ видат бол'ше; хто пабага́че, лашад'ам убира́ли; паху́же, кароче; па́лѣхше ~ лѣкче ~ лѣкше ~ па́лѣхше; памало́же; пажи́же; патв'орже, ре́же (а у мер'о́жи йа́чи, ди́рки йе́то ре́же); ма́йоже (два го́да ма́йоже мен'а); впе́радѣ па́лучше, вездѣ лу́чши впе́редѣ; гара́з лу́чше; тада́ на́шему палку́ и бу́ла бол'ше даве́р'я.*

С суффиксом **-ше** образуются формы сравнительной степени у прилагательных *то́нше, да́л'ше, ме́н'ше.*

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные в говоре Ийзаку, как и в русском литературном языке, характеризуются рядом морфологических и синтаксических особенностей, среди которых встречаются некоторые специфические, свойственные рассматриваемому говору, черты.

Из морфологических особенностей, общих с русским литературным языком, можно отметить отсутствие форм числа и рода.

Примеры: *три мѣс'аца, поўтарá гóда, сем штук, три недѣли, две-на́дцѣт рублѣй, сѣм душ, вóсем хлѣбѣв* (8 буханок хлеба), *ча-ти́ре палкá, три дн'а, два́дцѣт пчол, адíнацѣт рам, сем детѣй* и т. п. В отношении рода отклонение составляют лишь некоторые числительные, как *адíн (аднá, аднó), два (две)*.

Числительное *один* обладает признаками имени прилагательного, изменяясь по родам (*один, одна, одно*) и падежам: *этат пайдўчи на аднóва; адíн братíшка йе; адíн ден; аднá дарбга, аднá маладўха, аднó пал'тó; ни аднóва не видáл; йой аднóй не спрáвитса, пал'убíла аднóва; дáли уча́стак, так што двум варóнам мáла, аднóй мнóга*.

Числительное *один* в косвенных падежах, как и некоторые притяжательные местоимения типа *мой, свой* изменяются, сохраняя ударение на основе: И. — *адíн*, Р. В. — *аднóва*, Д. *аднóму*.

Числительное *два* имеет категорию рода: *два йагн'óнка, два э́ктара, два рáза, два рубл'á, два йан'óнка, два стари́кá, два рóга, два бóртва, две недѣли, две карóви, две дóчки, две свин'ий, две маладўхи, две ча́сти*.

Из синтаксических особенностей количественных числительных отметим следующие.

Числительный *один (одна, одно)* согласуется с существительным в роде, числе и падеже: *адíн ден; ни аднóва квѣту нѣ була; ни аднóва укóла нет на мойóм тѣле; ни аднóва дн'а в шкóле нѣ бул; вп'атерóм с а́йбóй кўчи и йеш; сóрак адíн руб два́йат адíн год; аднў част вадí; пад аднóм грун́тў бўла*.

Числительные *два, три, четыре*, как и в литературном языке, в именительном падеже управляют формой родительного падежа единственного числа, в винительном падеже управляют неодушевленными существительными в форме родительного падежа единственного числа и согласуются с одушевленными существительными в форме родительного падежа множественного числа: *две карóви, две ча́сти сáхара, три э́ктара пахáли, четíре палкá, нá три дн'а, нá три мѣс'аца; тр'ох детѣй вíрастила; змей мнóга, трѣт'эвни тр'ох змей убíл*.

В остальных падежах эти числительные согласуются с существительными во множественном числе: *нáша дивíзи́йá сѣстáй-áла из чатир'óх палкóв, двум дѣт'ам нѣкуда бўла итíт*.

Числительные, начиная с *пяти* и далее, в именительном — винительном падеже управляют существительными в форме родительного падежа множественного числа, в остальных падежах сочетаются с существительными по способу согласования (во множественном числе по типу склонения *два — четыре*). Например: *п'ат диг'óнкѣв, шест атделѣний, п'ат кóпен, сóрак капѣ́йек, п'атна́дцат рублѣй, вóсем хлѣбѣв, сем штук, дѣс'ат мужикóв; с п'атí часóв, тóл'ка разгáр; дес'атíх нѣ була; с дес'атíх часóв ид'óш гра́бит; ужé с дес'атíх год нáда бўла готóвит сун-дўк; с адíна́дцатих лет рабóтайу; с дев'атíх да шасна́дцатих лет*

хаді́ли в шко́лу; с двена́дцатих лет ста́й дро́йа пилі́т; бо́льше двадца́тих лет; к шесті́м пайд'о́ на рабо́ту; в сем лет как в поле хаді́ли; в три часа́ сгра́бл'у, к тр'ом рубл'а́м, нет пат'і́х рубл'ей, к паті́ рубл'а́м, с паті́м рубл'а́м; с десаті́м рубл'а́м; с двум рубл'а́м; с тридцаті́м рубл'а́м; с саракі́м рубл'а́м.

В приведенной системе синтаксической связи в говоре Ийзаку встречаются некоторые отклонения. Любопытным представляется частое употребление старых форм родительного падежа множественного числа нескольких существительных в сочетании с числительными. Особенно широко известным в этом смысле оказывается слово *год*, которое употребляется даже при числительных 2, 3, 4. Примеры: *мно́га год наза́д; п'ат год праи́шл'а́лса с мешко́м; йа́мў́ бу́ла у́же во́семдес'ат шест год; йой двадца́т шест год; йа́ стал во́семна́дцати год* (мне исполнилось 18 лет); *на во́сем год; три́дцат два год; сем год винто́вку насі́л; шест год малóже мен'а́; год де́с'ат наза́д; четі́рнадцат год бу́ла; во́семдесат шест али сем год ста́ра бу́ла; йа́ бу́л во́сем год ста́рэй; када́ мат ў́мерла, брат бу́л дев'аті́ год; се́стра бу́ла трина́дцат год; ско́л'ки год; с с'амі́ год пашо́л в по́ле; ма́тери на́да бу́ла у́же с де́с'аті́х год гато́вит сунду́к; четі́ри раз бу́ла к до́хтеру сашо́дши; четі́ри год; два раз ви́дел; сто кі́лометр; сто крон.*

Также можно найти примеры, в которых числительные 2—4 сочетаются с существительными во множественном числе: *два́ ё́ктарэ́в; 4 кіламе́трэ́в.*

Словоизменение количественных числительных.

Числительное *один* (*одна, одно*) склоняется как указательное местоимение *этот* (*эта, это*). Падежные формы числительных *один* и *одно* отличаются только неподвижным ударением, падающим на первый гласный окончаний *-о́ва, -о́му*:

И. аді́н, адно́	В. как И. или Р.
Р. адно́ва	Т. адні́м
Д. адно́му	П. адно́м.

Все простые количественные числительные *два — четыре, пять — двадцать*, включая также числительные *сорок* и *сто*, составляют один общий тип склонения. Парадигма склонения этих числительных имеет следующий вид:

И. — два	три	четыре
Р. — двух (дв'ох)	тр'ох	четир'о́х
Д. — двум (дв'ом)	тр'ом	четир'о́м
В. — два или двух (дв'ох)	три или тр'ох	четыре или четир'о́х
Т. — двум (дв'ом)	тр'ом	четир'о́м

И. — п'ат	сóрак рублёй
Р. — п'атіх	саракіх рублёй
Д. — п'атім	саракім рубл'ам
В. — п'ат или п'атіх	сóрак или саракіх рублёй
Т. — п'атім	саракім рубл'ам

Относительно склонения сложных и составных числительных следует отметить, что по зафиксированным нами примерам эта группа числительных характеризуется полной неизменностью. Например: *йемў бўла бóльше сёмдес'ат лет; сáжын равн'аитса адін метр сёмдес'ат п'ат сантиметър.*

Числительное *оба* в говоре Ийзаку не имеет родовых различий: в именительном падеже употребляется одна форма *абёи* как для существительных мужского, так и женского рода. Например: *абёи брата ўмерши давно́, абёи дóчки дамо́й на óтдих прійéхали; стáли абёи дóчки в шкóлу хадіт.*

В косвенных падежах: *абёих не видал; свáдбу в абёх местáх держáли — в женихá и неvéсти.*

Встречается также один пример на *оба*, но без родового согласования: *оба* внучки.

Менее широк круг употребления собирательных числительных: употребление их ограничивается главным образом именительным — винительным падежом. В косвенных же падежах формы собирательных числительных встречаются редко. Например: *дво́йе сýтгък; нас чéтвера бўла; дво́йе срáзу ўмерли; в йзаки трóйе кўзниц бўла; п'áтера живі; трайх синавёй víрастила, абéд видавáли на п'атеріх.*

В сочетаниях с существительным *дети* чаще употребляются количественные числительные: *три дит'óнка, п'ат дит'óнкъв, сем детéй.*

Некоторые выводы

Рассматривая именное словоизменение русского говора Ийзаку, можно указать на некоторые особенности, отличающие изучаемый говор от литературного языка и других говоров.

1. Для словоизменения всех имен характерно выравнивание падежных различий, сближение типов склонения. Такое упрощение падежной системы последовательно наблюдается как в словоизменении существительных, так и местоимений, прилагательных и числительных. Так, личные местоимения всех трех лиц множественного числа имеют одну флексию для дательного, творительного и предложного падежей (*нам, вам, им, с нам, с вам, с им, при нáм, при вáм, при йм*), для местоимения третьего лица единственного числа мужского рода характерно совпадение творительного и предложного падежей (*при им, за им*), а для местоимения третьего лица единственного числа женского рода совпадение всех косвенных падежей в одной форме *йой*

(йей). Все простые количественные числительные склоняются по типу *два — четыре*: п'ат п'ати́х, п'ати́м
 со́рак, сараки́х, сараки́м
 де́с'ат, дес'ати́х, дес'ати́м

Неизменными являются сложные и составные числительные.

Выравниванием падежных противопоставлений в парадигмах тех или других имен можно объяснить также отсутствие предложного падежа (т. е. предложных конструкций с предлогом *о, об*) для всех имен. Для говора Ийзаку характерно наличие только местного падежа в сочетании с пространственными предлогами, а иногда с предлогом *при*: *при ац'у, при мне, при им, при йой*.

2. Кроме того, в говоре Ийзаку наблюдаются некоторые особенности — новообразования, а также некоторые архаизмы, известные и в других русских говорах, в частности северных (северо-западных) территорий. К числу новообразований подобного характера можно отнести широко распространенные стяженные формы прилагательных и местоимений в именительном — винительном падеже единственного и множественного числа женского и среднего рода, образование притяжательных местоимений от формы третьего лица: *йевонъй, йойни*. Своего рода архаизм представляет сохранившаяся до сих пор местоименная форма *вси* с соответствующими флексиями в косвенных падежах: *вси, всих, всим*, употребление древней формы притяжательного прилагательного *ивáнден* < *ивань дьнь*. До сих пор можно услышать старые склоняемые формы краткого прилагательного, например, в творительном падеже: *пéред ива́нѣм дн'а*. В сочетании с числительным часто встречаются старые формы родительного падежа множественного числа нескольких существительных: *два, три, н'ат, де́с'ат год, три раз, сто кílъметр*.

Кроме вышеуказанных различий в именном словоизменении, объясняемых замкнутостью функционирования этого говора, а также незначительной ролью нормирующего влияния русского литературного языка, в русском говоре Ийзаку мы сталкиваемся с некоторыми случаями употребления эстонских словоизменительных элементов. Это наблюдается в основном в заимствованных из эстонского языка словах, а также в эстонских топонимических названиях. Эстонские слова могут заимствоваться вообще двумя путями: а) путем преобразования по структурной модели слов русского языка и б) путем перенесения с эстонскими грамматическими элементами. При первом способе заимствования к эстонским корням присоединяются не только русские окончания, а также и суффиксы (*-уша, -ия, -ка*). Например: *залажү в кйбуши 'в пучки'* (эст. *kubi*, русск. *пучок*); *т'анй за н'орушу* (эст. *põõr*, русск. *веревка*); *работайе на мýлликах* (эст. *mullikas*, русск. *телка*), *на вокуши пр'аст знайу* (эст. *vokk*, русск. *прялка*);

вагуша (эст. *vaagi*, русск. *борозда*), *принесла пурьчку* (эст. *riik*, русск. *банка*); *пакушка* (эст. *pakk*, русск. *колода*); *логуша* (эст. *loog*, русск. *скошенная трава*); *трэпийа* (эст. *trepp*, русск. *лестница*); *сайка* (эст. *saï*, русск. *булка*); *на вс'а́ким разним му́стерам* ('узорам') *тка́ли*; *вур'эм* (центрифугой для меда) *бүдеш ган'ат*; *град ма́азикам* (мн. ч. *землянике*) *мётки сдёлал*; *к'оменá* (мн. ч. эст. *kõõten*, русск. *тмин*) *кла́ли*; *малóбли в сёпики* (эст. *serik*, русск. *пшеничный хлеб*); *што ти бүдеш с н'орушей дёлал* (с веревкой); *в йой пól'тэв и клéйтэв* (эст. *kleit*, русск. *платье*) *мнóга*.

Чаще мы можем быть свидетелем второго явления, при котором эстонские слова, в особенности в местном значении, употребляются с эстонскими флексиями. Например: *увели на парандуст'оэле* 'на исправительные работы', *айяндузес* 'в садоводческой бригаде' *харóбиш дён'ги палукáли*; *ли́вак'улас* 'в деревне Лийва' *жи́ли*; *дру́гой áхтмес* 'в г. Ахтме' *под земл'ой лу́кусеп* 'слесарь'; *мат уйёхала к дачкй кйвиылиз* 'в г. Кивиили'; *уйёхал ли́вак'уласе* 'в деревню Лийва'; *в йой ли́вак'улас земл'а* 'в деревне Лийва'; *сестра да́лече жив'о* — *пүрус* 'в Пуру — г. Кохтла-Ярве'; *в йёугал* 'в деревне Йёуга' *жив'о*; *йёхви́з* 'в г. Йыхви' *на ринку прадава́л*; *йон уйёхал тудй-ка йёгевале* 'в г. Йёгева'; *йанй из мёхикоормаст* 'из села Мехикоорма'; *йон ро́отсиз* 'он в Швеции, эст. *Rootsis*' *али где жив'о*; *бал'ница там рийа т'анавал* 'на улице Рийа' *нахо́дится*; *он ушо́л ко́дув'аймехекс* 'был принят в дом в зятя'; *кла́азид* 'стекла' *на те́ла пастáвили*; *н'арвид* 'нервы' *перерёжем*; *памирайу в'ахисурма* 'от смерти рака'; *кйн-гад* 'туфли' *на́да пачи́стит*; *пйпарт* 'перца' *пастáвит на́да*; *вёре-кооки* 'блины из муки и крови' *дёлали*; *кй́нстк'арге* 'искусственную вошину' *даста́неш с йёхви* 'г. Йыхви'; *ра́н'ше кй́шали сй́лку* 'салаку'; *сáййа не́ була* 'булки не было'; *во́рстизид* 'колбас' *не́ була*; *му́ракад* 'мн. ч. *морошка*' *ва мху расту́*; *ра́ниш сунду́кй* — *кй́рстуд були*.

Часто эстонские слова заимствуются в форме генитива в сочетании с русскими предложениями: *с лённуки* 'с самолета' *дайу по́моги*; *в ко́ппели* 'на выгоне' *скати́на хадй́ла*; *плүси* 'блузку' *на́да ви́стират*; *на камзо́ни* 'на свитер, вязанку' *дам шёрсти*; *та́тра гречи́ха цвет'о*; *ста́рик на́кйнул тудй-ка в кёлдери* 'в погреб'; *ви́пусти из кёлдери* 'из погреба' *вон*; *йа́йи́ки али ка́сти бу́ли*; *рушников* 'полотенцев' *на́да бу́ла бут то́зина* 'дюжина'; *на во́ки, на пр'áлке спр'аду́*; *адну́ сáл'ми* 'стишок' *расска́жу*.

Таким образом, несмотря на наличие в русском говоре Ийзаку некоторых элементов словоизменения, заимствованных из эстонского языка, нам не приходится говорить об употреблении эстонских формальных элементов при образовании падежных форм от русских корней. Обычным является механическое перенесение эстонского слова, а также эстонских названий местности вместе с эстонскими аффиксами.

На примере именного словоизменения говора Ййзаку можно заключить, что заимствование морфем словоизменения — это явление исключительно редкое, так как каждый язык выражает отношения по внутренним законам своей грамматики.³³ Поэтому в именном словоизменении изучаемого говора нет грамматической интерференции, обусловленной заменой грамматических дифференциальных признаков русского языка чуждой системой эстонского языка. Система именного словоизменения имеет свой исконно русский характер, представляя собой часть структурного целого — русского диалектного языка.

³³ А. А. Реформатский, Введение в языковедение. М., 1960, стр. 394.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

Предложения, выражающие временные отношения, имеют широкое распространение в языке исследуемых памятников¹. Они весьма различны как по синтаксическим средствам связи, так и по своей внутренней структуре. В качестве служебных слов обычно выступают *егда*, *Еко*, *доньдеже*, *прѣжде* даже, *отъне-лиже*, *когда*.

1. Временные предложения со служебным словом *егда*

Предложения со словом *егда* являются наиболее многочисленным типом сложных предложений со значением времени (свыше 50%). Аналогичная картина наблюдается также в памятниках древнерусской письменности². По своей структуре предложения с *егда* весьма разнообразны.

Предложения с препозицией зависимой части

В подавляющем большинстве случаев в предложениях со значением времени зависимая часть предшествует господствующей. Как известно, расположение обстоятельственного придаточного предложения вообще впереди главного обычно объясняется его происхождением из вопросительного, которое логически пред-

¹ Нами проанализированы следующие памятники старославянского языка: Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича, СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, издал А. Х. Востоков, СПб., 1843.

² См., напр., А. Н. Стеценко, Конструкции временных предложений в древнерусском языке. Уч. зап. Томского пед. института, т. XIV, 1955, стр. 294; О. Н. Барварова, Придаточные предложения времени в древнерусском языке. Канд. дисс., Днепрпетровск, 1952, стр. 21.

шествовало предложению, содержащему ответ. Кроме того, по выражению В. З. Санникова, порядок размещения частей предложения в древнерусских памятниках XI—XIV вв. имел и грамматическое значение: препозиция или постпозиция придаточного уточняла временные взаимоотношения между действиями³.

По нашему мнению, чтобы решить вопрос относительно происхождения временных предложений со словом **егда**, необходимо учитывать не только положение зависимой части по отношению к господствующей, но и возникновение и употребление самого служебного слова **егда**. Бросается в глаза тот факт, что в вопросительных конструкциях с временным значением выступает только наречие времени **когда**. Например:

вопросишА же и глЮштю. оучителю. **когда** оубо си бУдУть (Мар. 293).

В сложных предложениях вместо наречия **когда** употребляется **егда**. Наречие **когда** в подобных предложениях засвидетельствовано лишь в пяти случаях. Такую закономерность в употреблении **егда** вместо **когда** во временных предложениях трудно объяснить исходя из теории вопросо-ответной формы как исходного момента в происхождении обстоятельственных предложений.

В слове **егда** (**егьда**) можно выделить указательное местоимение **е**, функция которого заключалась в указании на уже упомянутые ранее предмет, лицо и т. д. **Егда** образуется от местоимения **е** и суффиксального элемента **гда** (ср. **всегда**, **иногда**, **тыгда**). Это говорит о первоначальном наречном значении **егда**.

Нам представляется, что можно провести параллель в значении наречия **егда** и относительного местоимения **еже** при их употреблении в сложных предложениях. В наречии **егда** также можно отметить совмещение значений соотносительного и союзного слова. Во многих предложениях **егда** соответствует примерно **тогда**, **когда**. Например:

егда захождаше слъньце. приношаахУ къ немуу въсА недУжь-ныЯ и бЕсьныЯ (Мар. 118).

Это предложение можно перевести так:

(Тогда) **когда** заходило солнце, приносили к нему всех больных и бесноватых.

Не все виды сложных предложений со служебным словом **егда** имеют одинаковый способ выражения, «так как различные типы подчинительных связей формируются не одновременно и в дальнейшем при общих чертах сохраняют своеобразие в про-

³ См. В. З. Санников, Порядок размещения частей сложноподчиненного предложения в древнерусском языке (на материале памятников XI—XIV вв.). Сб. «Историческая грамматика и лексикология русского языка», изд. АН СССР, М., 1962, стр. 96.

цессе своего развития»⁴. 1) В исследуемом материале встречается такая структура сложного предложения с временным значением, в которой наречие времени **егда** выступает совместно с сочинительным союзом. Эти конструкции сочетают в себе формальные показатели сочинительного и подчинительного строя предложений и в лингвистической литературе получили название переходных от сочинения к подчинению. Они как бы совмещают в себе «разные периоды в структурном оформлении временных предложений: самый ранний — соединение предложений при помощи цепного однородного союзного нанизывания, и более поздний — включение подчинительного союза в зависимое предложение»⁵. Аналогичную точку зрения мы находим также в работе А. Н. Стеценко. Он считает, что переходные конструкции «свидетельствуют о той поре жизни языка, когда в предложениях, не имеющих специальных синтаксических средств для выражения временных отношений, включается уже специальный подчинительный союз, который уточняет смысловые отношения между составными частями сложного предложения и указывает на подчиненность первой части второй. Но обе части предложения пока еще сохраняют свою относительную самостоятельность, поэтому они по-прежнему нуждаются для объединения в сочинительном союзе»⁶.

В рассматриваемых памятниках старославянского языка подобный тип временных предложений занимает незначительное место. В работе приводятся все встретившиеся примеры этого типа.

І приде дхмь въ цркви. І егда вѣвѣсте родителѣ отроча ѿса. сѣтворити има по обычаю законѣоумоу о немь. І тѣ приять е на рѣукоу своею. І блгсви ба и рече (Мар. 199, Остр. 264).

Предложение

І егда исплѣниша сѧ осмь дѣнии да и обрѣжѹтъ. І нарѣша имѧ емоу ись (Мар. 188) отличается от приведенного нами тем, что господствующая часть оторвана от зависимой другим предложением «да и обрѣжѹтъ». Интересно отметить, что в Остромировом евангелии (стр. 256) в данной конструкции союз **и** перед господствующей частью отсутствует. Возможно, это также свидетельствует о развитии подчинительных отношений в рассматриваемый период.

Перед **егда** сочинительный союз может отсутствовать, однако между частями предложения он сохраняется.

⁴ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, Л.—М., 1964, стр. 8.

⁵ О. Н. Варварова, Придаточные предложения времени в древнерусском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1952, стр. 11.

⁶ А. Н. Стеценко, Конструкции временных предложений в древнерусском языке, стр. 290.

егда пАть хлЕбъ прЕломихъ въ пАть тысУщъ. І колико кошъ оукроухъ приЯсте (Мар. 145).

В другой конструкции егда выступает в сочетании с частицей **же**.

егда же обрАщете и възвЕстите ми (Мар. 4, Остр. 252).

В нескольких случаях егда предшествует глагольная форма **бысть** в сочетании с союзом и или без него. Например:

І **бысть** егда въниде исъ въ домъ единого кѣнАза фарисЕиска въ соботУ хлЕба естъ. и ти назираЮште и (Мар. 263).

В Остромировом евангелии (стр. 109) вместо сочетания **бысть** егда стоит обстоятельство времени «въ врЕМА оно».

В приведенном выше предложении можно выделить три части: 1) **бысть** (и было, и случилось), 2) егда въниде исъ въ домъ единого кѣнАза фарисЕиска въ соботУ хлЕба естъ, 3) ти назираЮште и. Первые две части до сочинительного союза и составляют сложное предложение с временным значением. Аорист **бысть** употребляется в качестве самостоятельного глагола в функции сказуемого, он не имеет при себе подлежащего. Содержание логического субъекта, к которому относится **бысть**, раскрывается третьей частью конструкции. Эта последняя часть присоединяется к зависимой части по типу сочинения. Почти тождественен этому и следующий пример:

І **бысть** егда молЕаше сА единъ. съ нимъ бЕахУ оученици его.

І въпроси Я глА (Мар. 235).

В отличие от предыдущей конструкции, здесь между зависимой и последней частью, начинающейся союзом и, вставляется предложение «съ нимъ бЕахУ оученици его» также на правах грамматического сочинения. Однако логическая связь этих двух предложений с временным не однородна. Предложение «І въпроси Я глА» является господствующей частью по отношению к зависимой, в то время как «съ нимъ бЕахУ оученици его» является своего рода вставкой, необходимой для понимания дополнения Я, находящегося в господствующей части.

Перед глагольной формой **бысть** сочинительный союз может и не стоять. Например:

Бысть же егда съконъчаваахУ сА дньне въсхождениу его. І ть оутврѣди лице свое въ имъ ити (Мар. 239, Остр. 103).

Здесь вместо союза и после **бысть** находится усилительная частица **же**, близкая по функции к и.

Иногда сочинительный союз и, стоящий между частями предложения, сопровождается частицей **се**.

І **бысть** егда **бысть** въ единомъ отъ градъ. І **се** мУжъ испльнь прокажениЕ. І видЕвъ isa падъ ниць моли сА емоу (Мар. 211, Остр. 90).

Сочетание союза и с частицей се как бы вносит значение неожиданности, внезапности.

Употребление союза и между частями сложного предложения, а также рассмотренная нами трехчленная конструкция свидетельствует о том, что данные предложения представляют собой одну из начальных ступеней в формировании гипотактического временного предложения. Однако в исследуемых памятниках они представлены незначительным количеством примеров.

2. Значительно преобладают конструкции, в которых перед господствующей частью отсутствует сочинительный союз и. Это говорит об усилении гипотактичности, о более тесном единстве частей сложного предложения.

Однако нередко союз и предшествует наречию времени егда, указывая в большинстве случаев на связь данного предложения с предыдущим. «При этом, — отмечает Э. И. Коротаева, — наличие сочинительного союза при подчинительном связано с положением придаточного предложения. Исторически придаточное препозитивное было более самостоятельным, и сочинительная связь его с главным сохраняется дольше»⁷.

Союз и, стоящий перед егда, может указывать на связь с предшествующим текстом, выступающим в форме самостоятельного предложения. Например:

ВЕдЕахУ же съ исмъ и ина дѣва зѣлодЕЕ съ нимъ оубитъ. І егда придУ на мЕсто нарицаемое краниево. тоу пропА сА и І зѣлодЕа ового оубо о деснУЮ. а другааго о шУЮУ (Мар. 305, Остр. 191).

І биЕхУ и трѣстьЮ по главЕ. и плываахУ на нь. І прЕгыбаЮште колЕна кланЕахУ сА емоу. и егда порУгашА сА емоу. съвлЕшА съ него прапрУдъ. І облЕшА и въ ризы своя І извлЕсА. І да пропънУть І (Мар. 180, Остр. 188).

І глсѣ бысть из облака глА. съ естъ снѣ мои възлюблены. того слоушаите. І егда бысть гласъ. обрЕте сА исъ единъ (Мар. 237, Остр. 284).

І хождаашете родителЕ его по вьсЕ лета въ имѣ. въ праздникъ пасхы І егда бысть дѣвою на десАте лЕтоу. вьшедъшемъ имъ въ имѣ. по обычаЮ праздника. І коньчавъшемъ дѣни възраштаЮштемъ сА имъ. оста отрокъ исъ въ имЕ (Мар. 200, Остр. 256).

І овьца гласъ его слышАть. І своя овьца глашаатъ по имени. І изгонить Я. І егда своя овьца ижденеть прЕдъ ними ходить (Мар. 356, Остр. 35).

Союз и, стоящий перед егда, связывает две временные конструкции между собой:

⁷ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 16.

егда пАть хлЕбъ прЕломихъ въ пАть тысУщъ. і колико кошъ оукроухъ приЯсте. глашА емоу дѣва на десАте. і егда седмъ въ четырі тысУштА колико кошъницъ исплѣнениЕ оукроухъ възАсте (Мар. 145—146).

Перед егда может стоять сочинительный союз и в сочетании с глагольной формой **бысть**.

І **бысть** егда съконъча исъ. въЕ слова си. рече оученикомъ своимъ (Мар. 97, Остр. 152).

ВсЕкъ оубо иже слышитъ слова моЕ и творитъ Е. оуподоблю и мУжу мУдроу... і **бы** егда съконъча исъ въЕ слова си. дивлЕхУ сА народи о оучении его (Мар. 21, Остр. 61).

исъ же рече имъ... І **бысть** егда съконъча исъ притѣчА сЯ. прЕиде отъ тУдЕ. і пришедъ въ отъѣзствие свое оучаше Я на сѣньмиштихъ ихъ (Мар. 47, Остр. 227).

В приведенных примерах связь временного предложения с предыдущим выступает еще более отчетливо. На это нередко указывает повторение в зависимой части глагола, находящегося в предшествующем предложении.

Се изиде сЕЯи сЕать. І **бысть** егда сЕаше. ова падУ на пути. і придУ птица и позобашА Е (Мар. 127, Остр. 94).

Бысть же по словесехъ сихъ Еко дѣнии осмъ. і поемъ петра и иоана и иЕкова. възиде на горУ помолитъ сА. і **бысть** егда мо-лЕаше сА. видЕниЕ лица его ино. і одЕние его блисцаЯ сА (Мар. 236, Остр. 283).

Изведе же Я вонъ до витаниЯ. и въздвигъ рУцЕ свои благо-слови Я. і **бысть** егда благословлЕшА Я. отъстУпи отъ нихъ. і възношааше сА на небо (Мар. 312, Остр. 45).

После **бысть** может стоять частица **же**.

бысть же егда възврати сА исъ приЯты — и народъ. бЕахУ бо вси чаЮште его (Мар. 231, Остр. 99).

Бысть же егда глааше се. въздвигъши гласъ едина жена отъ народа рече емоу (Мар. 248—249, Остр. 218).

Бысть же егда приближи сА исъ въ ерихУ. слѣпецъ етеръ сЕдЕаше при пути просА (Мар. 282, Остр. 112).

3. Встречается такой тип сложного предложения со значением времени, в котором егда выступает в сочетании с частицей **же**. По своему значению **же** может приближаться к союзу и и указывать на связь с предыдущим изложением. Кроме того, она усиливает временное значение.

ВънемлЕте же отъ члвкъ. прЕдадАтъ бо вы на сонъмы. и на сѣньмишнихъ вашихъ оубиЮтъ вы... Егда же прЕдаЮтъ вы. не щЕте сА како ли что възглаголете дасть бо сА вамъ въ тѣ часъ. что глте (Мар. 31, Остр. 271).

отъ града же того мнози вЕровашА въ него. отъ самарЕнѣ. за слово женЕ съвЕдЕтельствоуЮшти. Еко рече ми всЕ елико сътвори хъ. егда же придУ самарЕне къ нему. молЕахУ и да би прЕбыль оу нихъ (Мар. 328, Остр. 32).

отъвЕшташА емоу иудеи. мы законъ имамъ и по закону на- шемоу длѣженъ естъ оумьрЕти. Еко снѣ бжїи творить сА. Егда же слыша пилать се слово. паче оубоЕ сА (Мар. 392, Остр. 183).

гла емоу исъ. измѣвены не трЕбоуоуть тѣмо нозЕ оумыти. естъ бо весь чистъ І вы чисти есте нѣ не вси ... егда же оумы нозЕ ихъ. приЯтъ ризы своя и възлеже пакы (Мар. 372, Остр. 154).

і будете ненавидимы всЕми ... Егда же гонАтъ вы въ градѣ. семь. бЕгаите въ другы (Мар. 31, Остр. 271).

О близости частицы **же** к союзу и могут свидетельствовать такие случаи, когда в Марииинском евангелии стоит **же**, а в Остромировом в том же примере союз **и**. Ср.:

Мар.: ... егда же видЕшА народи Еко іса не бысть тоу ни оуче- никъ его. вълЕзУ сами въ кораблА. и придУ въ каперьнаоумъ. іскуште іса (стр. 337).

Остр.: ... и егда видЕшА народи. яко іса не бысть тоу. ни оуче- никъ его. вълЕзошА сами въ кораблА (стр. 16—17).

Частица **же** во временных предложениях встречается также в значении, близком к противительному союзу **а**⁸. Этот оттенок противительности чувствовался уже и в некоторых приведенных выше примерах.

онъ же отъвЕщавъ рече отъцю своему. се толико лЕтъ ра- ботаЮ тебЕ. І николиже заповЕди твоеЯ не прЕстУпихъ. мнЕ николиже не далъ еси козлАте... егда же снѣ свои съ ізЕды свое имЕние съ любодЕицами приде. закла емоу телець питомы (Мар. 270, Остр. 119).

амин. аминъ. глЮ тебЕ. Егда бЕ юнѣ. поЕсаше сА самъ. І хождЕаше Еможе хотЕаше. егда же състарЕши сА. въездеждеши рУцЕ твои. і инъ тА поЕшетъ і водеть. Еможе не хоштеши (Мар. 402, Остр. 53).

жена егда рождаетъ печаль имаать Еко приде годъ еЯ егда же родить отрочА къ томоу не помьнить скръби за радость. Еко роди сА члвкъ (Остр. 172, Мар. 383).

4. Во всех рассмотренных выше конструкциях **егда** (**егда же**) начинается зависимую часть. Однако имеются примеры, в которых

⁸ Ср. также следующее высказывание А. Мейе: «Безударная частица **же**, которая всегда используется как служебное слово и помещается после самостоятельного слова, либо подчеркивает это слово, либо придает ему оттенок некоторого противопоставления» (А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 388).

егда стоит не в начале, а внутри препозитивной зависимой части (обычно после подлежащего).

нъ сего вЕмь отъ кУдУ естѣ. а хъ егда придетъ никтоже не вЕсть. отъ кУдУ бУдетъ (Мар. 344, Остр. 27).

ты же егда молиши сА. вѣниди въ клЕтъ твоЮ и затвори двѣри твоЯ и моли сА оцоу твоемоу въ тайне (Остр. 123, Мар. 15).

Марта же егда оуслыша Еко ис гРАдетъ. сърете и (Мар. 362, Остр. 137).

Воини же егда пропАсА иса приЯ сА (ри)зы его. І сътворишА чѣтыри чѣ. комоуждо воиноу чАсть. и хитонъ (Мар. 394, Остр. 220).

дЕлателе же егда оузырЕшА снѣ. рЕшА въ себЕ. съ естѣ нас-лЕдъникъ (Мар. 77, Остр. 79).

отъ народа же мнози вЕровашА во нъ. і глаахУ. Еко хъ егда придетъ. еда больша знамениЕ сътворитъ. Еже съ естѣ сътворилъ (Мар. 344, Остр. 27).

и еже аще прииждевеши азъ егда възвращУ сА. въздамъ ти (Остр. 103, Мар. 244).

Предложения с постпозицией зависимой части

Сложные предложения с постпозицией зависимой части, вводимой наречием **егда**, не имеют широкого распространения в анализируемых памятниках. Их характерной особенностью является отсутствие сочинительного союза и или частицы **же**. Например:

Тома же единъ отъ обою на десАте нарицаемы близнецъ. не бЕ тоу съ ними егда приде ис (Мар. 399, Остр. 11).

і глааше иусви помАни мА ги. егда придеши въ црствии твоємъ (Остр. 192, Мар. 306).

си же рече исаия. егда видЕ славУ его и гла о немъ (Остр. 43, Мар. 370).

и рЕста къ себЕ не сѣрдьце ли наю горА бЕ въ наю. егда глааше къ нама на пУти (Остр. 5, Мар. 310).

въ истинУ же глЮ вамъ. многы вѣдовица бЕшА. въ дѣни илиины въ ли. егда заклепе сА небо. три лЕта и шесть мсѣ. Еко бысть гладъ по всей земли (Мар. 208, Остр. 276).

і отъвЕштавъ исъ рече къ нимъ. ни ли сего есте чѣли еже съвори двѣ. егда възалка сА самъ. и иже съ нимъ бЕахУ, (Мар. 215, Остр. 93).

иже бо аште постыдить сА мене и моихъ словесъ. въ родЕ
семь. прЕлюбодЕимъ и грЕшнЕемъ. і снѣ члвчскъ постыдить сА
его. егда придетъ въ славЕ отца своего. съ англы стыми (Мар.
147—148, Остр. 132).

почто оученици твои прЕстУпаЮтъ прЕданиЕ старецъ. не
омываЮтъ бо рУкъ своихъ егда хлЕбъ ЕдАтъ (Мар. 51).

Некоторые предложения с постпозицией зависимой части
имеют условно-временной оттенок значения.

Блажени есте егда поносАт сА вами и ижденУтъ вы и рЕкутъ
всЕкъ зълъ глѣ на вы лъжущи мене ради (Мар. 10, Остр. 212).

блажени бУдете егда възненавидАтъ вы члвци. і егда разлУ-
чАтъ вы и поносАтъ. і пронесУтъ имА ваше Еко зъла сна
члвческааго ради (Мар. 217, Остр. 233).

Отмечен лишь единственный случай, когда егда в постпози-
тивной зависимой части стоит с частицей тѣкмо.

сходаШтемъ же имъ съ горы. запрЕти имъ да никомоуже не
повЕдАтъ Еже видЕшА. тѣкмо егда снѣ члвчскыи възкрѣснеть из
мрѣтвыхъ (Мар. 149).

Сочетание «тѣкмо егда» выступает в значении «пока» и при-
дает конструкции оттенок ограничения (только когда).

Предложения с интерпозицией зависимой части

Случаи с интерпозицией зависимой части, вводимой егда,
представлены немногочисленными примерами. Наличие сочини-
тельного союза при егда также не наблюдается, так как при
включении зависимой части во внутрь господствующей подчине-
ние достигает наивысшей степени своей зависимости и «скреп-
ление сложного предложения при таком порядке частей сложного
целого достигается средствами одного только подчинительного
союза»⁹.

БЕахУ же и жены издалече зърАштА. въ нихъ же бЕ и мариЕ
магдалини. і мариЕ иЕкова малаеаго. і мати иосиова. саломи. Яже
егда бЕ въ галилеи по немъ хождаахУ и слоужаахУ емоу (Мар.
182).

такo и вы (егда оузь)рите всЕ си. вЕ(дите Еко близъ естѣ
при двѣрехъ (Мар. 90, Остр. 146).

Иногда зависимая часть с егда, находясь в интерпозиции, сле-
дует за обстоятельством времени.

Но потомъ егда възкрѣснУ варЮ вы въ галилеи (Мар. 174,
Остр. 159).

⁹ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном
языке XVII века, стр. 16. Ср. также: А. А. Потемня, Из записок по русской
грамматике, т. III, стр. 343; Э. И. Коротаева, указ. соч., стр. 66.

поздЕ же бывъшю. егда захождаше слънце. приношаахУ къ нему вьСА недУжныЯ и бЕсьныЯ (Мар. 118).

В ряде примеров перед егда стоит частица да, употребляющаяся в значении «пусть».

І азъ вамъ глЮ сътворите себЕ другы отъ мамонины неправды. да егда оскудЕате примУть вы въ вЕчныЯ кровы (Мар. 272, Остр. 111).

разоумЕЮ что сътворЮ. да егда оставлень бУДУ отъ строениЕ домоу примУть мА въ дома своя (Мар. 271).

В следующем предложении да вводит прямую речь и по своему значению приближается к частице вот.

нъ се глахъ вамъ. да егда придетъ година. поминанте си. Еко азъ рЕхъ вамъ (Мар. 381, Остр. 48).

Употребление да в значении пусть, вот придает экспрессивный, эмоциональный характер речи.

Выражение временных отношений между действиями господствующей и зависимой частями

Как известно, временные предложения указывают на сопоставляемость действий, явлений во времени. Они могут выражать одновременное или последовательное протекание каких-либо действий или событий. Характер временной связи определяется на основании соотношения видовременных форм глагола-сказуемого в зависимой и господствующей части¹⁰. Эти формы, как отмечает И. А. Каламина, «играли роль уточнителей смысловых отношений и их оттенков»¹¹.

1. Сложные предложения с егда нередко выражают одновременно происходящие действия. При этом форма времени у глаголов господствующей и зависимой частей может быть одинаковой и различной.

а) Предложения с формами имперфекта в господствующей и зависимой частях.

В конструкциях с подобным соотношением глагольных форм действие зависимой части всегда происходит одновременно с действием господствующей части, например:

егда захождаше слънце. приношаахУ къ нему вьСА недУжныЯ и бЕсьныЯ (Мар. 118).

Егда же глааше молЕаше и фарисЕи единъ да обЕдоуоутъ оу него (Мар. 250).

¹⁰ Указание на роль временных глагольных форм как одного из элементов структуры сложного предложения с временным придаточным встречаем еще у В. А. Богородицкого. См. его «Общий курс русской грамматики», 1935, стр. 232.

¹¹ И. А. К а л а м и н а, Сложноподчиненное предложение с временными союзами в русском литературном языке (в историческом плане). Автореферат канд. дисс., Горький, 1955, стр. 4.

егда же идЕаше народи оугиЕтаахУ и (Остр. 100, Мар. 231).

и егда на нь глаахУ архiereи и старьци. ничесоже не отъвЕщавааше (Остр. 196, Мар. 106).

егда бЕ юнъ поясааше сА самъ и хождааше яможе хотАаше (Остр. 53, Мар. 402).

І егда видЕахУ и дси нечистии припадаахУ къ нему. І вьлиЕхУ глиште (Мар. 124).

БЕахУ же и жены издалече зърАшта ... Яже егда бЕ въ галилеи по немъ хождаахУ и слоужаахУ емоу (Мар. 150, Остр. 182).

Известно, что некоторые ученые определяют имперфект как длительное или повторяющееся действие и отождествляют его со значением несовершенного вида. Например, А. Мейе писал, что старославянский имперфект «обозначает действие, развивающееся в прошлом; принадлежа почти всегда к несовершенному виду, он соответствует по значению греческому имперфекту»¹². Однако в последнее время многие лингвисты¹³ выступают против такого понимания старославянского имперфекта, так как он может быть образован от глаголов как несовершенного, так и совершенного вида. Кроме того, определенная группа старославянских глаголов, по словам Р. Ружички, не была еще охвачена категорией вида¹⁴.

б) Предложения с формой аориста в господствующей и имперфекта в зависимой части.

В таких конструкциях формой имперфекта обозначается прошедшее действие, за период течения которого совершилось действие господствующей части, выраженное формой аориста.

егда благословляаше Я. отъстУпи отъ нихъ (Остр. 45, Мар. 312).

І бысть егда молЕаше сА единъ ... въпроси Я гла (Мар. 235).

егда глааше си въздвигъши нЕкая жена гласъ отъ народа рече емоу (Остр. 217, Мар. 248—249).

І бысть егда разлУчаашете сА отъ него. рече петръ къ исви (Мар. 236, Остр. 284):

и егда сЕяше ово паде при пУти и попьрано бысть (Остр. 94, Мар. 226).

При этом следует заметить, что аорист рече, образованный от двувидового глагола рещи, выступает в значении формы совершенного вида.

¹² А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 219. Ср. также: А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, пер. с французского, М., 1959, стр. 379.

¹³ См. напр.: Б. Гавранек, Вид и время глагола в старославянском языке. Сб.: «Вопросы глагольного вида», под ред. проф. Ю. С. Маслова, М., 1962, стр. 176; И. К. Бунина, Система времен старославянского глагола, изд. АН СССР, М., 1959, стр. 87.

¹⁴ См. Р. Ружичка, Глагольный вид в «Повести временных лет». Сб. «Вопросы глагольного вида», под ред. Ю. С. Маслова, М., 1962, стр. 312.

в) Предложения с формами аориста в господствующей и зависимой частях.

Аорист зависимой части обычно образуется от двувидовых глаголов, но из контекста видно, что он употребляется в значении совершенного вида.

Егда же и видЕшА архиереи и слугы. възънишА... (Мар. 392, Остр. 183).

егда же видЕшА народи Еко иса не бысть тоу ни оученикъ его. вылЕзУ сами въ кораблА (Мар. 337, Остр. 17).

Егда же слыша пилать се слово. паче оубоЕ сА и въниде въ проторъ паки (Мар. 392, Остр. 183).

В редких случаях отмечены конструкции, в которых аорист как господствующей, так и зависимой частей образуется от двувидовых глаголов.

си же рече исаия егда видЕ славУ его и гла о немъ (Остр. 43, Мар. 370).

В зависимой части может стоять аорист от глагола быти:

І егда бысть година възлеже и оба на десАте апостла съ нимъ (Мар. 297).

І егда бысть день пригласи оученики своя (Мар. 216, Остр. 282).

І егда бысть гласъ. обрЕте сА ись единъ (Мар. 237, Остр. 284).

Бысть же егда бысте тоу. ІспльнишА дньние родити еи (Мар. 196, Остр. 249).

В подобных конструкциях, по мнению И. Каламиной, выражается не простая одновременность действия главного и придаточного, а время действия придаточного является ориентиром для указания времени действия главного¹⁵.

г) Предложения с формой настоящего времени в господствующей и зависимой частях.

Конструкции с данным соотношением глагольных форм имеют значение одновременности совершающихся действий обеих частей предложения. При этом значение одновременности может быть осложнено оттенком повторяемости или постоянства действия, так как основное значение формы настоящего времени — обозначение действия вне ограниченности его пределом, значение вневременности действия¹⁶.

жена егда рождаетъ печаль имаать. Еко приде годъ еЯ (Остр. 173, Мар. 383).

¹⁵ См. И. А. Каламина, Сложноподчиненное предложение с временными союзами в русском литературном языке (в историческом плане). Канд. дисс., Горький, 1956, стр. 119.

¹⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 570—571.

егда крЕпкы оуорУжъ сА хранить свои дворъ. въ мирЕ сУть имЕниЕ его (Мар. 248).

Перевод: когда сильный с оружием охраняет свой двор, в безопасности имение его.

егда глѣть лъжУ отъ своихъ глѣть. Еко лъжь естъ и отцъ его (Мар. 351, Остр. 33).

егда же въ мирЕ есмь свЕть есмь мироу (Остр. 38, Мар. 353).

д) При обозначении одновременности действия сказуемое за-висимой части может быть выражено настоящим временем изъявительного наклонения, а сказуемое господствующей — повели-тельным наклонением.

егда оубо твориши милостынЮ. не вѣстрУби прЕдъ собою. Еко покрити творАть въ снѣмиштихъ и въ стѣгнахъ. да про-славАть сА отъ члвкъ (Мар. 14, Остр. 122).

нъ егда твориши пиръ. зови ништАЯ маломошти. хромыЯ слЕпыЯ (Мар. 264).

Егда бо грАдeши съ сУпремъ твоимъ къ кнАзюу. на пУти даждь дЕлание избыти отъ него (Мар. 258).

егда же постите сА не бУдЕте Еко ѿ упокрити просмражда-Ють бо лица своЕ. да б(У) сА явили члвко(мъ) постАще (Мар. 16, Остр. 124).

и егда молиши сА не бУди яко лицемЕри (Остр. 123, Мар. 15).

и егда стоите молАще сА отъпоущайте аще чѣто имате на кого (Мар. 161, Остр. 285).

В отдельных случаях формы настоящего времени используют-ся для обозначения будущего.

Егда же гонАтъ вы въ градЕ семь. бЕгаите въ друугы (Мар. 31, Остр. 271).

Перевод: когда же будут гнать вас в этом городе, бегите в другой.

Егда же водАтъ вы прЕдаЮште не пыЕте сА прЕжде чѣто възглаголите (Мар. 168).

Перевод: когда же поведут предавать вас, не заботьтесь за-ранее, чѣто скажете.

Егда же прЕдаЮть вы. не пыЕте сА како ли чѣто възглаго-лете (Мар. 31, Остр. 271).

Перевод: когда будут предавать вас, не заботьтесь, как или чѣто скажете.

Некоторые ученые считают, что значение будущего времени в старославянском языке обычно выражается настоящим време-нем совершенного вида¹⁸. Однако существует и другая точка зре-

¹⁸ См., напр.: Б. Гавранек, Вид и время глагола в старославянском языке, стр. 181; А. Достал, Из книги «Исследование о видовой системе старославянского языка». Сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 301.

ния. Так, Р. Ружичка пишет: «Неверно, что формы настоящего времени, которые обозначают будущее, должны быть совершенными»¹⁹. По мнению И. К. Буниной, чисто внешнее совпадение форм настоящего времени от глаголов совершенного вида с формой будущего простого также «не может служить поводом для отождествления значения этих форм и утверждения невозможности для форм настоящего времени совершенного вида выражать «действительное настоящее»²⁰.

Таким образом, для обозначения одновременно происходящих действий господствующей и зависимой части в сложных предложениях со служебным словом **егда** чаще всего встречается следующее соотношение временных глагольных форм: а) формы имперфекта в обеих частях, б) формы аориста в господствующей и зависимой частях, в) аорист в господствующей и имперфект в зависимой, г) формы настоящего времени в обеих частях, д) формы повелительного наклонения в господствующей и настоящее время в зависимой.

II. Сложные предложения с **егда**, в которых действие зависимой части предшествует действию господствующей.

Служебное слово **егда** встречается также в предложениях, в которых выражаются последовательно происходящие действия господствующей и зависимой частей. Эта временная последовательность чаще всего выражается в употреблении глаголов-сказуемых одного времени.

а) Сказуемое обеих частей выражается глаголом в форме аориста.

егда съконьча вьСА глы сиЯ. вь слоухы людемъ. **въниде** вь капернаоумъ (Мар. 220, Остр. 95).

егда же приде вь галилЕЮ. **приЯ** сА и галилЕане (Мар. 329, Остр. 18).

егда приде(вь) вь цркъв. **пристУпишА** къ нему оучАщю. архиереи и старци людстии глше (Мар. 75).

марта же **егда оуслыша** Еко ис грАдетъ. **сърЕте** и (Мар. 362, Остр. 137).

б) Сказуемое господствующей и зависимой частей выражено глаголом в форме будущего времени.

егда ть придетъ. възвЕститъ намъ вьСА (Остр. 31, Мар. 327).

егда же оубо придетъ гнь винограда. чьто **сътворитъ** дЕлательмъ тЕмъ (Мар. 77, Остр. 79).

егда же придетъ онъ дхъ истиньныи **наставитъ** вы на вьСАку истинУ (Остр. 50, Мар. 382).

¹⁹ Р. Ружичка, Глагольный вид в «Повести временных лет», стр. 315.

²⁰ И. К. Бунина, Система времен старославянского глагола, стр. 157.

Господствующая часть может начинаться наречием **абие**, которое придает оттенок быстрого следования действия господствующей части за действием зависимой.

егда же созрЕать плодъ. **абие** посылетъ сръпъ. Еко настоитъ жАтва (Мар. 129).

егда слышАть **абие** придетъ сотона. І отъиметъ слово сЕное въ сръдцихъ ихъ (Мар. 128).

иже **егда** слышАть слово. **абие** съ радостиЮ приемлЮтъ е (Мар. 128).

Глааше же и народомъ. **егда** оузырите облакъ въсходАщъ отъ западъ. **абие** глете Е(к)ко тУча грАдетъ (Мар. 258).

в) Нередко употребляются предложения с имперфектом в главной и аористом в зависимой части. При этом имперфект может быть образован и от глаголов совершенного вида.

І **егда** въниде въ домъ отъ народа. въпрашаахУ и оученици его о притьчи (Мар. 142).

егда же придУ самарЕне къ нему. молЕахУ и да би прЕбыль оу нихъ (Мар. 328, Остр. 32).

І бысть **егда** съкончыа **и**сѣ вса словеса си. дивляахУ сА народи о оучении его (Остр. 61, Мар. 21).

І бысть **егда** въниде **и**сѣ въ домъ единого кѣнАза фарисЕиска въ соботУ хлЕба есть. и ти бЕахУ назираЮште и (Мар. 263).

Таким образом, предшествование действия зависимой части действию господствующей создается следующим соотношением временных форм глагола-сказуемого: а) аорист в обеих частях, б) будущее время в обеих частях, в) имперфект в господствующей, аорист в зависимой.

В целом временные предложения с **егда**, в которых выражается последовательность действий господствующей и зависимой частей, менее употребительны, чем предложения с одновременностью действия.

Употребление соотносительных слов во временных предложениях с *егда*

Случаи употребления соотносительных слов в конструкциях с наречием времени **егда** немногочисленны. Значительно преобладают предложения без соотносительных слов, что является свидетельством более позднего этапа развития этих конструкций, когда синтаксическим средством подчинения одной части другой становится подчинительный союз²¹.

В качестве соотносительного слова во временных предложениях с **егда** выступает наречие **тогда** (тъгда), которое обычно

²¹ См. А. Н. Стеценко, Конструкции временных предложений в древнерусском языке, стр. 296.

начинает господствующую часть, следующую за зависимой. По словам Н. И. Скосыревой, соотносительное слово **тогда** сохраняет значение наречия времени, которое поддерживается тем, что в сочетании с временным союзом оно выражает именно временную связь между явлениями²².

Соотносительное слово **тогда** отмечено в конструкциях, в которых выражается последовательность действий господствующей и зависимой частей. В пяти случаях сказуемое обеих частей сложного предложения выступает в форме аориста. Соотносительное слово **тогда** обозначает момент времени, наступивший после того, когда совершилось действие, о котором говорится в господствующей части.

І егда приближи сА въ ерслмѣ. І приде въ витфагиЮ къ горЕ елеоньсѣ. **тѣгда** іс посылѣ дѣва оученика своЕ. І гла има (Мар. 73, Остр. 140).

егда же възидУ братриЕ его въ праздынькѣ. **тѣгда** и самъ възиде не ЕвЕ. нѣ Еко таи (Мар. 343, Остр. 25).

егда же прозАбе трЕва и плодъ сѣтвори. **тѣгда** ави сА и плЕвелъ (Мар. 44, Остр. 241).

егда же оуслыша Еко болить. **тѣгда** же прЕбысть на немъ же бЕ мѣстЕ дѣва дѣни (Мар. 361, Остр. 137).

сихъ же не разоумЕшА оученици его прЕжде. нѣ егда прослави сА іс. **тѣгда** помАнушА. Еко си бЕшА о немъ писана І си сѣтворишА емоу (Мар. 367, Остр. 143).

Сказуемое господствующей и зависимой частей может быть выражено глаголом в форме будущего времени. В этих предложениях соотносительное слово **тогда** обозначает момент времени, наступающий после того, когда совершится действие зависимой части. Такое соотношение глагольных форм отмечено в пяти случаях.

рече же имъ иісѣ **егда** възнесете сына члвчѣскааго. **тогда** разоумЕете яко азъ есмь и о себЕ ничесоже не творЮ (Остр. 28, Мар. 349).

Егда придетъ снѣ члскы въ славЕ своеи. І вси(сти) ангели сѣ нимъ. **тѣгда** сАдетъ на прЕстолЕ славы своеЯ (Мар. 95, Остр. 120).

Егда же оузрите обстоимъ вои имъ. **тогда** разоумЕете Еко приближи сА запоустЕние емоу (Мар. 294).

егда же нечисты дхъ Ізидетъ отъ члвка. прЕходитъ сквозЕ бездѣнаа мѣста. ІштА покоЕ и не обрЕтаатъ. **тѣгда** речетъ... (Мар. 41).

²² См. Н. И. Скосырева, Сложноподчиненные предложения в произведениях И. А. Крылова. Уч. зап. Томского пед. института, т. XIV, 1955, стр. 311.

нъ егда зъванъ бУдеши. шъдъ сАди на послЕдъннимъ мЕстЕ. да егда придетъ зъваый тА. речеть ти друже посади выше. тѣгда бУдетъ ти слава прЕдъ сЕдАштимъ съ тобою (Мар. 264, Остр. 110).

В последнем примере зависимая часть имеет условный оттенок значения.

Следующая конструкция отличается от предыдущих тем, что глагол в форме будущего времени употреблен только в зависимой части, а в господствующей он пропущен, но ясен из контекста.

въсЕкъ члвкъ прЕжде доброе вино полагаать. I егда оупиють сА тогда тачЕе (Мар. 320, Остр. 12).

Одним случаем представлена конструкция, в которой сказуемое зависимой части выражено глаголом в форме будущего времени, а сказуемое господствующей — аналитической формой повелительного наклонения (да + настоящее время спрягаемого глагола).

Егда же оузыритѣ мръзость запоустЕниЕ. реченУЮ данииломъ пркмъ. стояштУ на мЕстЕ. I же чытеть да разоумЕваать. тѣгда сУштей въ Юдеи да бЕгаЮтъ на горы (Мар. 88, Остр. 144).

Соотносительное слово **тѣгда** в рассмотренных конструкциях способствует более четкому выражению временных отношений, а также более тесной связи составных частей сложного предложения.

II. Временные предложения со служебным словом *яко* (*Еко*)

В исследуемых памятниках союз **яко** выступает в разнообразных значениях, в том числе и временном. «Многозначимость подчинительных союзов, — пишет Л. П. Якубинский, — свидетельствует о малой еще разработанности сложноподчиненного предложения»²³. А. Вайан указывает, что временный союз **яко** употребляется в старославянских памятниках в значении «как, когда»²⁴. Однако в словаре И. И. Срезневского мы находим еще такие значения, как «лишь только, как только».

По степени употребительности конструкции с **яко** занимают третье место (после **егда** и **доньдеже**). Но в работе они рассматриваются после временных предложений с служебным словом **егда**, так как имеют с ними много общего.

²³ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 267.

²⁴ См. А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, стр. 407.

Временные предложения с **яко** «указывают на соотнесенность действий, событий во времени в широком значении»²⁵. По своей структуре они весьма разнообразны. Но в подавляющем большинстве случаев зависимая часть находится перед господствующей.

Предложения с препозицией зависимой части

1. Среди временных конструкций с **яко** встречаются такие, в которых господствующей и зависимой части предшествует сочинительный союз **и**²⁶. Л. П. Якубинский отмечает, что такая конструкция совмещает в себе и сочинение, и подчинение. «В самом деле, выбросив союз **яко**, имеющий в данном случае временное значение, получим типичную сочинительную конструкцию, в которой второе предложение присоединено к первому союзом **и**, типичным сочинительным союзом». И далее он продолжает: «Развитие сложноподчиненной конструкции на основе сложносочиненной состояло в том, что в одно из сочиненных предложений вводился союз, в данном случае **яко**»²⁷.

Однако подобный тип конструкций в нашем материале представлен немногочисленными случаями.

І бысть Еко отидУ отъ нихъ англи ннбо. и члвци пастыри рЕША другъ къ другоу (Мар. 197, Остр. 250).

В этом предложении союз **Еко** следует за глагольной формой **бысть**, перед которой стоит сочинительный союз **и**.

В следующей конструкции **Еко** выступает в сочетании с частицей **же**, по своему значению приближающейся к союзу **и**.

І бысть въ прочии. ІдЕаше ись въ градъ нарицаемыи наинъ І съ нимъ идЕахУ оученици его. І народъ многъ. Еко же приближи сА къ вратомъ града. І се изношаахУ оумеръшь снъ иночаДъ матери своен (Мар. 221, Остр. 93).

и отъшдьши скоро отъ гроба. съ страхъмъ и радостиЮ великоЮ текосте възвЕститъ оученикомъ его яко же идяста възвЕститъ оученикомъ его. и се иІс. сърЕте и глѧ радоуите сА (Остр. 203).

Частица **же** в этих примерах указывает на связь временной конструкции с предыдущим изложением. Кроме того, во втором предложении подчинительные отношения поддерживаются также

²⁵ А. Н. Стеценко, Конструкции временных предложений в древнерусском языке, стр. 294.

²⁶ Аналогичное явление Е. С. Истрина отмечает и в древнерусском языке. (Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синодального списка 1-ой Новгородской летописи, Пг., 1923, стр. 185 и сл.).

²⁷ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, стр. 268.

употреблением в господствующей и зависимой части одного и того же глагола **възвЕстить**. Кстати, в Мариинском евангелии зависимая часть со словом **яко** вообще отсутствует (стр. 112).

Приведем еще пример, в котором между частями предложения находится союз **и**.

и гла имъ. почръпЕте нынЕ и принесЕте архитриклинови. **І** принЕсА. **яко же** въкоуси архитриклинь вина бывъшааго отъ воды и не вЕдЕше отъ кУдУ есть. а слоугы вЕдяху почърпышен водУ и възгласи жениха архитриклинь. и гла емоу (Остр. 12, Мар. 320).

Здесь союз **и** выступает без сочетания с частицей **се**, которая в приведенных ранее примерах придавала господствующей части оттенок внезапности. Кроме того, господствующая часть «възгласи жениха архитриклинь» оторвана от зависимой другими предложениями.

Таким образом, наличие союза **и** в начале господствующей части свидетельствует о том, что тесного единства между частями сложной конструкции в приведенных примерах еще нет.

2. Гораздо шире представлены сложные предложения со служебным словом **яко**, в которых отсутствует союз **и** перед господствующей частью. Однако нередки случаи, когда **и** предшествует служебному слову **яко**, указывая на связь с предыдущим текстом.

оузърЕвъ же народъ мьногъ. възиде на горУ **и** **яко** сЕде при-
стУпишА къ нему оученици его (Остр. 211, Мар. 10).

и прЕди техъ възлЕзе на скумориЮ. да видить **І**. Еко тУдЕ хотЕаше минУти. **І** **Е(ко)** приде на мЕсто. възърЕвъ ис видЕ и. **І** рече къ нему (Мар. 283, Остр. 113).

приятъ же хлЕбъ ис и хвалУ въздавъ. подасть оученикомъ а оученици възлежаштимъ... **І** Еко насытишА сА. гла оученикомъ своимъ (Мар. 336, Остр. 35).

бЕ же снь его старЕи на селЕ. **І** **яко** гРАды приближи сА къ домоу. слыша пЕния и ликы (Мар. 270, Остр. 119).

В значении, близком к присоединительному союзу **и**, встретился союз **да**.

гла имъ ис. азъ есмъ. стоЕаше же иуда иже и прЕдааше съ ними. **да** Еко рече имъ азъ есмъ. идУ възпАть. и падУ на земли (Мар. 388, Остр. 177).

Служебное слово **Еко** может следовать за сочетанием **І** **бысть**, которое также указывает на связь с предыдущим предложением. О конструкциях подобного типа уже говорилось при рассмотрении предложений с **егда**.

І се рекъ идЕаше прЕди вѣсходА въ имѣ. І бысть Еко приближи сА въ витѣфагиЮ и витаниЮ. къ горЕ нарицаемЕи елеонъ. посъла дѣва оученикъ своихъ глА (Мар. 286).

І въниде въ домъ захариинъ. І цѣлова елисаветъ. І бысть Еко оуслыша елисаветъ цѣлование мариино възигра сА младыицѣ въ чрЕвЕ еЯ (Мар. 193, Остр. 216).

І нѹждаашете и глЮшта. облАзи съ нама Еко при вечерЕ естъ. І прЕклонилъ сА естъ юже день. І въниде съ нима облещтъ. І бысть Еко възлеже съ нима. приемъ хлЕбъ блгви (Мар. 310, Остр. 5).

І бысть сУштоу емоу на мЕстЕ единомъ молащю сА. Еко прЕста рече единъ оученикъ его къ нему (Мар. 245, Остр. 274).

Перевод: и случилось (и было), когда он в одном месте молился и когда перестал, сказал один из его учеников ему...

Здесь зависимая часть Еко прЕста оторвана от сочетания І бысть дательным самостоятельным оборотом.

3. В тех случаях, когда перед **яко** отсутствует сочинительный союз и или сочетание и **бысть**, то **яко** чаще всего употребляется вместе с частицей **же**. При этом значение частицы **же** в большинстве случаев также состоит в связи данного предложения с предыдущим.

МариЕ же стоЕше оу гроба вънЕ плачУшти сА. Еко же плакааше сА. приниче въ гробъ. І видЕ дѣва англа въ бѣлахъ сЕдашта (Мар. 397, Остр. 208).

І сЕдъ оучаше ис кораблЕ народы. Еко же прЕста глА. рече къ симону възЕди (въ) глУбинУ. І въметЕте мрЕЖА вашА въ ловитвУ (Мар. 210, Остр. 89).

се же рЕшА искоушаЮште и... Еко же прилежаахУ въпрашаЮште и. въсклони сА и рече имъ (Мар. 347).

а друзии оученици корабицьмъ придУ. не бЕшА бо далече отъ землА. нъ Еко дѣвЕ съТЕ лактъ. влЕкУште мрЕЖУ рыбъ. Еко же излЕЗУ на землЮ. видЕшА огонь лежАщъ и р(ъ)ибу на немъ лежАштУ и хлЕ(б)ъ (Мар. 401).

Показательно, что в последнем примере в Остромировом евангелии перед **яко** стоит союз и, а частица **же** отсутствует. Это свидетельствует о близости их функций в данных предложениях. Ср. «а друзии оученици корабицемъ... и **яко** излезошА на землЮ. видЕшА огонь лежАщъ» (Остр. 210).

4. Несколькими случаями представлены конструкции, в которых **Еко** находится не в начале зависимой части, а внутри ее.

Мария же. **яко** приде идеже бЕ иІс. видЕвъши и паде емоу на ногоу (Остр. 139, Мар. 363).

она же **яко** оуслыша вѣста скоро и иде къ нему (Остр. 138, Мар. 368).

Ис же Еко видЕ Ю плачУштУ сА. запрЕти дхоу. и възмУти сА самъ и рече кѣде положисте и (Мар. 363, Остр. 139).

Следует заметить, что данные примеры по внешнему виду напоминают предложения с интерпозицией зависимой части.

Предложения с постпозицией зависимой части

Конструкции с постпозицией зависимой части с **яко** представлены всего несколькими примерами. В двух из них **яко** выступает в сочетании с частицей **же**:

І отпоуштыше народъ. поЯса и Екоже бЕ въ ладии (Мар. 130).

а Екоже встаЮть мрътви. и мосии съказа при кУпинЕ. Екоже глеть. га ба аврамЛЕ. и ба исакова. и ба иЕковЛЕ (Мар. 291).

Перевод: А что мертвые встают, Моисей сказал при купине, когда назвал господа богом Авраама и богом Исаака и богом Иакова.

Находясь после служебного слова **Еко** в постпозитивной зависимой части, частица **же**, по всей вероятности, служит только для усиления временного значения **Еко**.

В постпозитивной зависимой части **Еко** встречается и без сочетания с частицей **же**.

что сътворЮ Еко гъ мои отъемлетъ строение домоу отъ мене (Мар. 271).

І рЕсте къ себЕ. не срѣде ли наю горА бЕ въ наю. егда глааше къ нама на пУти. І Еко съказаше нама кънигы (Мар. 310, Остр. 5).

Особенностью последней конструкции является то, что к господствующей части относятся два соподчиненных придаточных временных предложения, первое из которых присоединяется с помощью союза **егда**, второе — **Еко**. Между собою придаточные временные соединены сочинительным союзом **и**.

Предложения с интерпозицией зависимой части

Случаи включения зависимой части с **Еко** в середину господствующей единичны. Показателем временных отношений служит служебное слово **Еко**, выступающее без частицы **же**. Зависимая часть, находясь внутри господствующей, носит менее самостоятельный характер, например:

на isa же пришедъше Еко видЕшА и юже оумьрьть не прЕбишА емоу голЕнию (Мар. 395, Остр. 193).

В сложных предложениях с **Еко** может выражаться как последовательность действий частей предложения, так и их одно-

временность. Однако чаще посредством **Еко** выражается действие более раннее или пришедшее к концу ранее действия господствующей части ²⁸.

Последовательность действий чаще всего создается употреблением глаголов-сказуемых в обеих частях предложения в форме аориста.

І **яко съконьчашА сА** вьсА по закону гнѹ. **възвратишА сА** въ галилеЮ (Остр. 265, Мар. 200).

и **яко насытишА сА** гла оученикомъ своимъ (Остр. 35).

І **бысть яко испльнишА сА** дньне слоужьбы его. **иде** въ домъ свои (Остр. 279, Мар. 191).

и **яко граДы приближи сА** къ домоу. **слыша** пѣния и ликы (Остр. 119, Мар. 270).

І **Еко приближи сА** видЕвъ градъ. **плака сА** о немъ (Мар. 287).

и **яко излЕзошА** на землЮ **видЕшА** огонь лежащъ (Остр. 210, Мар. 401).

Одновременность действий господствующей и зависимой части может создаваться употреблением аориста от глагола **быти** в зависимой и аориста другого глагола в господствующей части. При таком соотношении глагольных форм действие господствующей части совершается в один из моментов действия зависимой.

и **яко поздЕ бысть. сънидошА** оученици его на море (Остр. 35, Мар. 336).

І **Еко бысть днь събърашА сА** старьци людьсии І архиереи и кнѣзьници. І **вЕсА** на сьмъ свои (Мар. 302, Остр. 294).

В таких конструкциях в господствующей части встречается также имперфект.

І **Еко поздЕе бысть. исхождааше** вонъ из града (Мар. 16).

Действие зависимой части может происходить одновременно с действием господствующей, когда в зависимой находится имперфект, а в господствующей — аорист.

яко же плакааше сА **приниче** въ гробъ (Остр. 208, Мар. 397).

Одновременность действия частей предложения выражается также в следующей конструкции:

І **Еко** и **повЕсА** емъше симона единого квринЕа **граДУшта** отъ села. **задЕшА** емоу крстъ **нести** по **исЕ** (Мар. 305).

III. Временные предложения с служебным словом *доньдеже*

Доньдеже занимал видное место среди других служебных слов со значением времени. В количественном отношении сложных предложений с **доньдеже** намного меньше, чем с **егда**, но они преобладают над временными конструкциями со словом **яко**.

²⁸ Этот факт был отмечен еще В. Вондраком в работе «Древнецерковнославянский синтаксис», Казань, 1915, стр. 57.

В словаре И. И. Срезневского указано два временных значения **доньдеже**: «пока, пока не» и «когда». В исследуемом материале чаще встречается **доньдеже** с первым значением.

Рассматриваемые конструкции обычно указывают на длительность действия, т. е. действие господствующей части совершается до тех пор, пока оно не будет приостановлено другим действием, указанным в зависимой. Само слово **доньдеже** служило для грамматического оформления такой связи между явлениями, событиями по времени, когда определяется конечная граница действия господствующей части. Для данных конструкций характерен также более постоянный порядок размещения частей сложного предложения. В преобладающем большинстве случаев зависимая часть стоит после господствующей. Лишь в двух случаях она находится в препозиции.

Рече гь. къ пришѣдъшимъ къ немоу иоудеомъ **доньдеже** свЕть имаате. вЕроуите въ свЕть (Остр. 43, Мар. 369).

аминъ глЮ вамъ. доондеже прЕидеть нбо и земля. игета едина или чръта не прЕидеть от закона дондеже всЕ си бУдУть (Остр. 213, Мар. 11).

Во втором примере мы имеем две зависимых части с **доньдеже**. Первая из них находится в препозиции, а вторая — в постпозиции.

Единственным примером представлена конструкция с интерпозицией зависимой части.

онъ же рече къ нимъ. еда можете сны брачныЯ **доньдеже** женихъ естъ съ ними сътворити постити сА (Мар. 214).

В конструкциях с **доньдеже** выражается два вида временных отношений между действиями господствующей и зависимой части.

1. В первом случае действие господствующей части длится до тех пор, пока совершается действие зависимой, т. е. для таких предложений характерно значение ограничения длительности действия господствующей части длительностью действия зависимой.

а) При таком соотношении сказуемое господствующей и зависимой части может выступать в форме глагола настоящего времени.

рече же имъ иИсъ еще мало врЕмА свЕть въ васъ естъ ходите. **доньдеже** свЕть имаате (Остр. 43, Мар. 369).

Перевод: сказал Иисус им: «Еще мало времени свет есть с вами; ходите, пока свет имеет».

б) Сказуемое господствующей части выражается глаголом в форме повелительного наклонения, а сказуемое зависимой — формой настоящего времени.

Буди оувЕщаЯ сА съ сУпьремъ своимъ скоро. **доньдеже** еси на пУти съ нимъ (Мар. 12, Остр. 213).

Перевод: Мирись с соперником своим скорее, пока ты еще на пути с ним.

нъ не речеть ли емоу. оу(го)товаи чъто вечерЕЮ. I прЕ-поЕсавъ сА слоужи ми. дондеже Емь и пиЮ (Мар. 275, Остр. 113).

в) В господствующей части — сложное сказуемое, в зависимости — глагол настоящего времени.

рече имъ исъ. еда могУть све брачънии плакати сА. дондеже съ ними естъ женихъ (Мар. 26, Остр. 67).

мънЕ подобаеъ дЕлати дЕла посылавъшааго мА дондеже днь естъ (Остр. 38, Мар. 353).

2. Более употребительны в исследуемом материале временные конструкции с дондеже, в которых выражается ограничение длительности действия господствующей части наступлением действия зависимой. Поэтому и дондеже выступает чаще всего в значении «до того времени как».

а) Сказуемое господствующей части выражено формой сложного будущего времени, сказуемое зависимой — формой будущего простого.

гЛЮ тебЕ не имаша изити отъ тоудЕ. дондеже и послЕдънии тръхътъ въздаси (Мар. 258).

аминь гЛЮ вамъ. Еко сУть едини отъ съде стояштинихъ. Іже не имУть въкоусити съмръти. дондеже видАтъ църствие бжие пришедъше (дыше)е въ силЕ (Мар. 148, Остр. 132).

гЛЮ бо вамъ не имате видЕти мене. дондеже речете. блгнь гРАды въ ІмА гне (Мар. 86, Остр. 216).

гЛЮ бо вам(а). отъселЕ не имамъ пити отъ плода лозънаго. дондеже църствие бжие придетъ (Мар. 298).

аминь гЛЮ вамъ Еко не имать прЕити родось. дондеже въсЕ будУть (Мар. 296, Остр. 120).

аминь бо гЛЮ вамъ. Еко не имате исконьчати градъ издрлвъ. дондеже придетъ снь чвчскы (Мар. 31, Остр. 233).

гЛЮ бо вамъ. Еко отъ селЕ не имамъ Ести отъ него. дондеже коньчаатъ сА въ църствии бжи (Мар. 297).

Во всех приведенных примерах действие господствующей части наступает только после окончания действия зависимой.

б) В господствующей и зависимой части используются формы будущего простого.

аминь амин гЛЮ тебЕ. не възгласить кокотъ дондеже въздаси послЕдънии кодрант (Мар. 12, Остр. 213).

Въ нъже колиждо градъ ли въ весь внидете. Испытайте кто въ немъ достоинъ естъ. І тоу **прЕБУдете дондеже изидете** (Мар. 30).

кръщение же имамъ крѣстити сА. І како **одръжУ сА дондеже коньчаатъ сА** (Мар. 257):

трѣсти съкроушены не прЕломить. І прѣта вънемъша сА **на оугаситъ дондеже възведетъ на побЕДУ сУдъ** (Мар. 38, Остр. 246).

аминъ глЮ вамъ Еко не им(моиде(тъ ро(досъ). дондеже **вьСЕ (си) бУДУтъ** (Мар. 90, Остр. 83).

в) Сказуемое господствующей части выступает в форме настоящего времени, а сказуемое зависимой — в форме будущего простого.

ли каЕ жена имУшти десАтъ драгмъ. аште погоубитъ драгмУ единУ... І **иштеть прилежно дондеже обрАштеть** (Мар. 268, Остр. 117).

гла емоу ис. аште хоштУ да ть **прЕбываетъ. дондеже придУ. чьто е тебЕ** (Мар. 403, Остр. 272).

г) В господствующей части форма будущего времени от глагола **быти** в сочетании со страдательным причастием настоящего времени, сказуемое зависимой части выражено глаголом будущего времени.

І ерслмъ **бУдетъ** понираемъ Язкъ. дондеже **сък(о)оньчаЮтъ сА врЕмена Язкъ** (Мар. 295).

д) Нередки конструкции, в которых сказуемое господствующей части употребляется в форме повелительного наклонения, а сказуемое зависимой — в форме будущего простого.

въстани поими **отрочА** и матере его и **бЕжи** въ егупеть. и **бУди** тоу дондеже **ти рекУ** (Мар. 5, Остр. 252).

І гла оученикомъ **сЕдЕте** тоу. дондеже **шедъ помолЮ сА** тамо (Мар. 100, Остр. 159).

рече гъ гви моемоу. **сАди** о деснУЮ мене. дондеже **положУ** врагы твоЯ. подъножие ногама твоима (Мар. 44, Остр. 83).

І реке къ нимъ. коуплЮ **дЕите** дондеже **придУ** (Мар. 284, Остр. 114).

І се азъ **послЮ** обЕтование отца моего на вы. вы же **сЕдЕте** въ градЕ иероусалимъсЕ дондеже **облЕчете сА** силоЮ съ выше (Мар. 312).

никомуже не повЕдите видЕниЕ. дондеже **снъ члвчкы из мрътвыхъ възкръснетъ** (Мар. 58, Остр. 285).

І глаше имъ идеже колиждо внидете въ домъ. тоу **прЕбывайте дондеже изидете** отъ тУдЕ (Мар. 135, Остр. 290).

е) Конструкции с формами аориста в господствующей и зависимой части.

не ЯсА же вЕры иудей о немъ. Еко бЕ слЕпъ и прозърЕ. доньдеже призывашА родителЕ того прозърЕвъшааго. и въпросишА Е глЮште (Мар. 354, Остр. 39).

подобно есть црствие небское квасоу. Иже въземъши жена ськры въ муЦЕ три сать доньдеже вскрысЕ всЕ (Мар. 45, Остр. 108).

Еко бо бЕхУ въ дньи прЕжде потопа... I не ощутишА доньдеже приде вода и възАть всЕ. тако бУдетъ и пришествие сна члвчскааго (Мар. 90, Остр. 83).

ж) Сказуемое господствующей части может быть выражено глаголом в форме имперфекта, а сказуемое зависимой — формой аориста.

и се звЕзда. Юже видЕшА на вьстоцЕ. идЕаше прЕдъ ними доньдеже пришъдъши ста върхоу идеже бЕ отрочА (Остр. 252, Мар. 4).

I въставъ иОсифъ от сьна. створи яко же повеле емоу аггль гнъ. и приЯ женУ своЮ. и не знааше еЯ. доньдеже роди(тъ) снъ свои пръвЕнецъ (Мар. 3, Остр. 247).

з) Несколькоими случаями представлены конструкции, в которых сказуемое господствующей части выражено глаголом в форме аориста, а сказуемое зависимой формой будущего времени.

онъ же не хотЕаше. нъ ведъ въсади и въ темьницУ. доньдеже въздасть емоу весь длгъ (Мар. 64—65, Остр. 75).

I прогнЕвавъ сА гъ его. прЕда(сть) I мУчителемъ. доньдеже въздасть всь длгъ свои (Мар. 65, Остр. 76).

I абие оубеди исъ оученикы вьлЕсти въ корабъ. I варити и на ономъ полоу. доньдеже отъпуститъ народы (Мар. 50, Остр. 70).

В последнем примере сказуемое господствующей части выражено аористом оубеди в сочетании с инфинитивами вьлЕсти и варити.

Таким образом, в сложных предложениях с доньдеже в подавляющем большинстве случаев действие господствующей части длится до наступления действия зависимой. Наиболее распространенной глагольной формой в зависимой части является будущее простое, реже прошедшее время (аорист). Выражение сказуемого в господствующей части более разнообразно: а) простое будущее, б) сложное будущее, в) настоящее время, г) прошедшее (аорист или имперфект), д) повелительное наклонение.

IV. Временные предложения с прЕжде даже

Временные предложения с прЕжде даже (-прежде чем) выражают действие, «перед наступлением или прошествием которого происходит или приходит к концу действие главного предложе-

ния»²⁹. В памятниках старославянского языка такой тип предложений не имеет широкого распространения. Нами зафиксировано всего 11 примеров. Зависимая часть, вводимая **прЕжде даже**, может занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение.

Предложения с препозицией зависимой части

а) В предложениях с препозицией зависимой части сказуемое обеих частей может быть выражено аористом, образованным как от основ совершенного, так и несовершенного вида.

Исхво рожъство сице бЕ. обрУченЕи бывши матери его мари́и иосифоу. **прЕжде даже не сънидоста сА. обрЕте сА** имУщии въ чрЕвЕ бЕ от дха ста (Мар. 2, Остр. 247).

отъвЕшта исъ и рече емоу. **прЕжде даже не възгласи тебе** филиппъ сУшта подъ смоковъницеЮ **видЕхъ тА** (Мар. 318, Остр. 128).

б) Сказуемое зависимой части выражено аористом от глагола **быти**, а сказуемое господствующей — формой настоящего времени этого же глагола.

рече имъ ис. аминъ амн глЮ вамъ. **прЕжде даже не бысть** аврамъ азъ **есмъ** (Мар. 352, Остр. 34).

в) Сказуемое обеих частей — глагол в форме будущего простого.

І помЕнУ петръ глъ иже рече емоу исъ. **прЕжде даже кокотъ не възгласить** дъва кратно. **отъврѣжеши сА** мене три кратно (Мар. 178, Остр. 294).

г) В господствующей части стоит глагол настоящего времени, в зависимой — глагол будущего времени от **быти**.

І нынЕ рЕхъ вамъ. **прЕжде даже не бУдегъ**. да егда бУдетъ вЕрУ имете (Мар. 377, Остр. 167).

Предложения с постпозицией зависимой части

Сказуемое господствующей части выражено глаголом в форме повелительного наклонения, а сказуемое зависимой — формой аориста.

гла къ немуу цсръ мУжъ. ги съниди **прЕжде даже не оумъ- реть** отрочА мое (Мар. 329, Остр. 18).

и нынЕ **прослави мА** оче оу тебе самого славою. Юже имЕхъ **прЕжде даже не бысть** миръ оу тебе (Остр. 47, Мар. 385).

²⁹ В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 58.

В зависимой части стоит аорист, в господствующей — страдательное причастие в сочетании с аористом **бысть**.

наречено бысть имА емоу и҃с. нареченое отъ ангела прЕжде **даже не зачАть сА** въ чрЕвЕ (Остр. 256, Мар. 198).

В зависимой части — глагол в форме будущего времени, в господствующей — страдательное причастие в сочетании с глагольной формой **бЕ**.

и **бЕ** емоу отъвЕщано дхѣмь стѣимь. **не видЕти** съмърти прЕжде **даже видить** хА гнѣ (Остр. 264, Мар. 199).

Таким образом, выражение сказуемого в господствующей и зависимой части в конструкциях с **прЕжде даже** отличается разнообразием, несмотря на то, что они представлены незначительным количеством случаев.

V. Временные предложения с **отгнели** (же)

Для указания на начальный момент, с которого начинается действие господствующей части, используется **отгнелиже**, имеющее значение «с тех пор как». И. И. Срезневский, кроме того, отмечает еще значение «когда», а А. Х. Востоков — «с которого времени». В исследуемом материале **отгнелиже** встречается только в первом значении. Всего нами отмечено только четыре конструкции с **отгнелиже**. В двух из них зависимая часть стоит в постпозиции.

Сказуемое господствующей части выражено глаголом в форме настоящего времени, а сказуемое зависимой — формой аориста.

І надъ всѣми сими третии се день **имать** дньсь. **отгнелиже** си **бышА** (Мар. 309, Остр. 5).

В другом предложении засвидетельствовано **одгнелиже**.

въпроси и҃сѣ отца его колико **лЕть есть** **одгнелиже** се **бысть** емоу (Мар. 150, Остр. 133).

Двумя примерами представлены также предложения с препозицией зависимой части. В первом из них сказуемое обеих частей выражено аористом.

лобзання ми не дасть си **отгнелиже** **вънидохъ** не прЕста-
облобызаЮщи нозЕ мои (Остр. 223, Мар. 225).

В Мариинском евангелии частица **же** находится перед **отгнели** (ср.: ... **же отгнели** **вънидъ**. не прЕста облобызаЮшти ногоу моею).

Во втором предложении сказуемое зависимой части выступает в форме простого будущего, а сказуемое господствующей — в форме сложного будущего времени.

огънелиже оубо въстанеть гь домоу. и затворить двѣри. и начьнете вынЕ стоЕти и тлЕшти въ двѣри глЮще... (Мар. 261, Остр. 109).

Отличие этой конструкции от предыдущей заключается в том, что между частями предложения стоит сочинительный союз **и**, в какой-то мере ослабляющий их связь.

VI. Временные предложения с *когда*

Наречие времени **когда** во временных предложениях используется очень редко. У В. Вондрака наречие **когда** во временных предложениях вообще не отмечено. В засвидетельствованном нами единственном примере зависимая часть, начинающаяся наречием времени **когда**, стоит в препозиции. Сказуемое обеих частей выражено глаголом в форме будущего времени. При таком соотношении глагольных форм действие зависимой части предшествует действию господствующей.

БУДУ (ДУ) чрЕсла ваша прЕпоЕсана, и свЕтильници горАште I вы подобьни члвкомъ чаЮштемъ га своего. **когда** възвратить сА отъ бракъ. да пришедъшию и тлѣкнУвъшию **аби**е отврѣзУть сА емоу (Мар. 256, Остр. 106).

При этом наречие **аби**, стоящее в начале господствующей части, указывает на быстрое следование одного действия за другим.

VII. Использование других служебных слов во временных предложениях

В значении, близком к временному, но с условным оттенком встретился причиной союз **понеже**. На возможность использования **понеже** во временных придаточных предложениях указывает и В. Вондрак¹⁰.

егда крЕпъкы оуорУжъ сА хранить свои дворъ. въ мирЕ сУть имЕниЕ его. а **понеже** крЕплеи его нашедъ побЕдить i и всЕ орУжиЕ его отъметъ на нЕже оупъвааше (Мар. 248).

Перевод: когда сильный с оружием охраняет свой двор, в мире (в безопасности) имение его; а когда сильнейший его, найдя, нападает и победит его, и возьмет все оружие, на которое тот надеялся.

Наличие сочинительного союза **и** перед второй господствующей частью свидетельствует о недостаточно развитой подчинительной связи.

¹⁰ В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 57.

Выводы

1. Предложения со значением времени занимают значительное место в исследуемом материале. Для связи частей предложения используются различные служебные слова, которые во многих случаях сохраняют свое лексическое значение. Самым употребительным является наречие времени **егда**, за ним следуют **доньдеже**, **Еко**, **прЕжде** даже, **отънелиже** и **когда**.

Наречие времени **егда** в памятниках старославянского языка употребляется не просто в значении «когда», а видимо, оно обозначает «тогда, когда». Таким образом **егда** еще не союз, а наречие, имеющее особое лексическое значение.

2. Временные предложения различаются как по своей структуре, так и по степени зависимости своих частей.

В предложениях со служебными словами **егда** и **Еко** встречается структура, переходная от сочинения к подчинению. Для нее характерно употребление сочинительного союза совместно со служебным словом. В одних предложениях союз и находится как перед зависимой частью, так и перед господствующей, в других — только перед господствующей. Одновременное использование служебного слова и сочинительного союза свидетельствует о большей архаичности временных конструкций, недостаточной разграниченности сочинения и подчинения и менее тесной взаимозависимости частей предложения.

Однако такая структура предложений не имеет широкого распространения в анализируемом материале.

3. Значительно шире используется структура предложения, в которой связь зависимой и господствующей частей представляется более тесной. В таких предложениях сочинительный союз и нередко предшествует зависимой части. Роль его в большинстве случаев сводится к установлению связи временного предложения с предыдущим изложением. На данную связь может указывать также частица **же**, стоящая после **егда** и **Еко**.

4. Соотносительные слова, являющиеся важным структурным элементом сложного временного предложения, отмечены только в конструкциях с **егда**. В качестве соотносительного слова выступает наречие **тогда**, в редких случаях частица **да**. Соотносительное слово **тогда** способствует более тесной связи зависимой и господствующей частей предложения.

5. В понятие структуры сложного предложения входит и порядок следования его составных частей. В предложениях с **егда** и **Еко** преобладает препозиция зависимой части. Зависимая часть, вводимая посредством **доньдеже**, в большинстве случаев стоит после господствующей. Одинаковым количеством примеров представлена препозиция и постпозиция зависимой части с **прЕжде** даже и **отънелиже**. В предложениях времени с **когда**, зафикси-

рованных только в одном случае, зависимая часть находится в препозиции.

6. Во временных предложениях выражаются отношения одновременности и последовательности действия зависимой и господствующей частей, которые осознаются в зависимости от видовременных форм глаголов-сказуемых, отличающихся большим разнообразием.

В предложениях с **егда** чаще встречается одновременность действия господствующей и зависимой частей, реже последовательность.

В большинстве предложений с **Еко** выражается предшествование действия зависимой части действию господствующей.

Для предложений с **доньдеже** характерно значение ограничения длительности действия господствующей части длительностью действия зависимой или ограничение длительности действия господствующей наступлением действия зависимой части. В исследуемом материале шире представлены предложения со вторым значением.

В предложениях с **прЕжде** даже выражается предшествование действия господствующей части действию зависимой.

Для указания на начальный момент, с которого начинается действие господствующей части, служит **отънелиже**.

7. Таким образом, предложения со значением времени в памятниках старославянского языка представлены довольно широко и разнообразно.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ УСЛОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

В условных конструкциях обычно выражаются такие смысловые отношения, при которых одно действие ставится в зависимость от другого, а именно: в зависимой части дается действие — условие, а в господствующей — действие — следствие, вытекающее из этого условия.

Условные предложения в исследуемом материале¹ имеют широкое распространение. Самым употребительным союзом в них является **аште**. Как отмечал Б. В. Лавров, союз **аште** был «почти единственным способом выражения условных и уступительных предложений и др.-ц.-сл. языке»². По его мнению, **аште** возник из союза **а** и сокращенной глагольной формы **хощет**³. Однако такое объяснение Я. Бауэр считает неубедительным, поскольку «существование подобного сокращения глагола **хотѣти** в старославянском языке вообще не засвидетельствовано, между тем как союз **аште** (**аше**) выступает совершенно в готовом виде, без малейшего следа такого сложения»⁴.

В памятниках старославянского языка условный союз **аште** употребляется с различными частицами, которые придают ему дополнительные оттенки значения. Однако при употреблении **аште** и без частиц его значение неодинаково, так как характер условных связей выражается также соотношением форм глаголов-сказуемых в господствующей и зависимой частях сложного предложения. Э. И. Коротаева подчеркивает, что формы глагола

¹ Нами проанализированы следующие памятники старославянского языка: Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича. СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, издал А. Х. Востоков. СПб., 1843.

² Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, Л., 1941, стр. 52.

³ Там же, стр. 57—64.

⁴ Я. Бауэр, К вопросу о происхождении союзов. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, ročn. IX A8, 1960, стр. 8.

имеют большое значение в построении условного предложения⁵. Они помогают выразить смысловые отношения и их оттенки в условных конструкциях, являются одним из морфологических средств выражения синтаксической связи и синтаксических отношений между главной и придаточной частями. Не менее важным средством для выражения подчинительных отношений является также порядок размещения частей условного предложения. По мнению Э. И. Коротаевой, «в пору формирования подчинительных конструкций порядок размещения частей сложного целого имеет значение преимущественно грамматическое, потому что в зависимости от места придаточного увеличивается степень его подчиненности — наибольшую самостоятельность оно сохраняло в положении препозитивном, наибольшую степень зависимости оно получало при интерпозиции»⁶.

В исследуемых памятниках зависимая часть в условных предложениях в подавляющем большинстве случаев занимает препозитивное положение по отношению к господствующей. Предложения, в которых зависимая часть стоит после господствующей или внутри ее, немногочисленны. Это объясняется тем, что «на ранней ступени развития условных конструкций порядок следования частей в условном периоде, по-видимому, соответствовал хронологическому порядку событий, изображаемых в сложном предложении: раньше совершалось действие, выражающее условие, а затем действие, содержащее следствие»⁷. Таким образом, «место зависимой части было обусловлено логической последовательностью высказывания, отражающей объективную последовательность явлений»⁸. Это высказывание вполне справедливо, хотя, очевидно, основной причиной препозитивности зависимой части является образование условных предложений из вопросительных конструкций.

Условные предложения с препозицией зависимой части

Предложения, в которых зависимая часть соединяется с господствующей с помощью условного союза *аште*, по своей структуре неоднородны.

1. Среди них, в первую очередь, можно выделить такой тип предложений, в котором перед господствующей частью нахо-

⁵ См. Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, Л.—М., 1964, стр. 181.

⁶ Там же, стр. 84.

⁷ А. Н. Стеценко, Из истории сложноподчиненного предложения в русском языке. Условные конструкции сложных предложений в памятниках русской письменности XVI—XVII вв. Ученые записки Томского пед. института, т. XIV, 1955, стр. 299.

⁸ Там же.

дится сочинительный союз **и**. Данные конструкции представляют собой одну из ранних ступеней в формировании гипотактического условного предложения. По мнению некоторых исследователей⁹, при употреблении союза **и** к значению условия присоединяется и значение связи действий во времени. Поэтому условное значение предложения выступает менее ясно. Приведем все встретившиеся конструкции данного типа.

аще мА бысте знали **и** оца моего знали бысте (Остр. 165, Мар. 375).

аште бѣ прослави сА о немъ **и** бѣ прославиты — **и** въ себЕ (Остр. 164, Мар. 373).

аште оубо азъ оумыхъ ваши нозЕ гъ **и** оучитель. **и** вы длѣжнии есте другъ другоу оумывати ноSE (Мар. 372, Остр. 155).

аште прЕбУдете въ мѣнЕ **и** глѣ мои въ васъ прЕбУдУть (Остр. 214, Мар. 378).

аште оубо двѣ га нарицаеть **и** како емоу естъ снѣ (Мар. 82, Остр. 83).

аще мА бысте вЕдЕли. **и** оца моего бысте вЕдЕли (Остр. 28, Мар. 348).

аще мене изгнаша **и** вы ижденУть. **аще** мое съблюдоша **и** ваше съблюдУть (Остр. 22, Мар. 380).

Между зависимой и господствующей частью, начинающейся союзом **и**, может вставляться другое предложение, что еще больше ослабляет связь частей.

аще оны нарече богы. къ нимъ же бысть слово бжие **и** не моУть сА разорити кѣнигы (Остр. 37, Мар. 360).

2. В старославянских памятниках распространены условные предложения с препозицией зависимой части, в которых сочинительный союз **и** стоит не перед господствующей частью, а непосредственно предшествует союзу **аште**. Связь господствующей и зависимой части в таких предложениях более тесная.

Роль сочинительного союза **и**, находящегося перед подчинительным союзом, не всегда одинакова. В большинстве случаев **и** указывает на логическую связь между предшествующим и последующим текстом, т. е. играет роль связующего элемента при подчинении. И. А. Попова, говоря о значении и функциях союза **и** в древнерусском языке, отмечает, что **и** «в начале нового предложения или группы предложений является союзом начинательным, выделяющим начало нового текстового целого, или союзом начинательно-повествовательным, продолжателем повествова-

⁹ См. В. Н. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, изд. АН СССР, М., 1963, стр. 486.

няя, связывающим изложение данных событий с изложением им предшествующим»¹⁰.

Примеры с союзом **и**, предшествующим **аште**, многочисленны. милъ ми естѣ народосѣ. Еко юже три дѣни присЕдАтъ мѣНЕ. **и** не имУтъ чесо Ести. **и аште** отъпоущУ Я не ЕдѣшА дома своя. ослабЕЮтъ на пУти. друзѣни бо ихъ издалуче сУтъ пришѣли (Мар. 144).

и не познасте его азъ же вЕмъ **и**. **и аште** рекУ Еко не вЕмъ его. бУДУ подобенъ вамъ лѣжъ (Мар. 352, Остр. 33).

рекль быхъ вамъ. идУ оуготовати мЕсто вамъ. **и аще** идУ оуготоваяЮ мЕсто вамъ. пакы придУ вы къ себЕ (Остр. 165, Мар. 374).

ставъ же закѣхен рече къ ги. се полъ имЕниЕ моего ги дамъ ништимъ. **и аште** есмь кого чимъ обидЕль. възвращУ четверицеЮ (Мар. 384, Остр. 114).

и събѣрашА сА старѣци. съвЕтъ же сътворише. сѣребро много дашА воиномъ. глЮште. рѣцЕте Еко оученици его ношѣЮ. пришедѣше оукрадУ и намъ съпАштемъ. **и аште** се оуслышано бУдетъ оу игемона. мы оутолимы-и. **и** вы безъ печали сътворимъ (Мар. 113, Остр. 203—204).

Нередко союз **и** связывает две условные конструкции между собой.

аште бо любите любАщАЯ вы. кУЮ мѣздУ имате. **и аще** цЕлоуйте другъ ваша. токѣмо что лихо творите (Мар. 140, Остр. 59).

аште бУдетъ етероу члѣкоу. р. овецъ. **и** заблУдитъ едина отъ нихъ. не оставитъ ли девАти десАтъ и девАти на горахъ. и шедѣишѣтъ заблуждѣшАя. **и аще** обрАщѣтъ Ю. аминъ глЮ вамъ. Еко радуетъ сА о ней паче. неже о девАти десАтъ и девАти не заблУждѣшихъ. (Мар. 62, Остр. 55).

аште оубо въ неправеднЕемъ жити не бѣсте вЕрѣни. въ истиннЕмъ кѣто вамъ вЕрУ имѣтъ. **и аште** въ тоуждемъ вЕрѣни не бѣсте. ваше кѣто вамъ дастъ (Мар. 272, Остр. 111).

аште же съгрЕшитъ тебЕ братѣ твои запрЕти емоу. **и аште** покаатъ сА отъпоусти емоу. **и аште** седморицеЮ днѣмъ съгрЕшитъ въ тА. и седморицеЮ днѣмъ обратитъ сА глА каЮ сА. отъпоусти емоу (Мар. 274, Остр. 112).

В последнем примере имеем три условных конструкции, при этом союз **и** отсутствует только перед первой из них.

Если рядом находятся две или три условных конструкции и первая из них связана с предшествующим изложением, то сочинительный союз **и** может стоять перед всеми предложениями.

¹⁰ И. А. Попова, Значение и функции союза «и» в древнерусском языке. Научная сессия ЛГУ 16—30 ноября 1945 года. Тезисы докладов на секции филологических наук, изд. ЛГУ. 1945, стр. 49—50.

ВЕды же мыслѣ ихъ рече имъ. въсЕко цЕсрство раздЕль сА на сА. запоустЕеть і въсЕкъ градъ ли домъ раздЕль сА на сА. станеть. и **аще** сотона сотонУ изгонитъ. на сА раздЕлили сА естъ како оубо станеть. цсрвие его. і **аште** азъ о вельзЕволЕ изгонЮ бЕсы. снве ваши о комъ изгонАтъ (Мар. 39).

і призывавъ Я въ притѣчахъ глаше къ нимъ. како можетъ сотона сотонУ изгонити. і **аште** цесарство на сА раздЕлитъ сА. не можетъ стати цЕсарство то. і **аште** домъ на сА раздЕлитъ сА. не можетъ стати домоу. і **аште** сотона вѣста самъ на сА и раздЕли сА. не можетъ стати. нъ коньчинУ имать (Мар. 125).

Союз и может играть роль усиления, хотя этот оттенок в какой-то мере проявляется и в предыдущих предложениях.

довѣлеть оученикоу да бУдетъ Екоже оучитель его. и рабоу Еко гъ его. і **аште** господина домоу вельзЕвола нарекошА. кольми паче домаштънАЯ его (Мар. 31, Остр. 233).

въси бо прѣци и законъ до иоана прорЕкошА. і **аще** хотите приЯти. тѣ естъ илиЕ хотАи прити (Мар. 35, Остр. 267).

3. Предложения, в которых союз **аште** употребляется в сочетании с различными частицами, занимают значительное место в рассматриваемых памятниках.

а) Чаше всего в сочетании с **аще** встречается частица **ли**. Как писал Е. Ф. Карский, «при допущении условия допускается и следствие и наоборот; при этом чувствуется некоторый раздельный характер в мыслях, что внешним образом выражается присутствием частицы **ли**...»¹¹.

Аште ли рУка твоЕ ли нога твоЕ съблажнЕеть тА отъсЕци и и отъврѣзи отъ себе (Мар. 61, Остр. 72).

онъ же рече емоу. что мА глѣши блага. никтоже благъ тѣкмо единъ бѣ. **аште** ли хоштеши въ животъ вѣнити. съблуди запоВЕди (Мар. 67, Остр. 77).

вы по плѣти сУдите азъ не сУждУ никомоуже. **аще** ли сУждУ азъ. сУдъ мои истиннъ естъ (Остр. 27, Мар. 348).

ГлЮ вамъ. Еко цркве і болен естъ съде. **аще** ли бисте вЕДЕ-ли. чѣто естъ милости хоштУ а не жрътвЕ. николижѣ оубо бисте осУдили неповинныхъ (Мар. 37).

і егда стоите молАште сА. отъпоуштаите **аште** что имате на кого... **аште** ли вы не отъпоустите. ни отецъ вашъ иже въ небсхъ отъпоуститъ прЕгрЕшении вашихъ (Мар. 161, Остр. 285).

къто отъ васъ обличаатъ мА о грЕсЕ. **аште** ли истинУ глЮ. почѣто вы не емлете вЕры мнѣ (Мар. 351, Остр. 33).

¹¹ Е. Ф. Карский, Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Известия ОРЯС, т. 2, 1927, стр. 74.

Если имеем две условных конструкции, то частица **ли** обычно стоит во второй из них. Например:

Отвѣшта емоу **ис. аште** зълѣ глахъ съвѣдѣтельствуи о зълѣ. **аште ли** добрѣ чѣто ма биеши (Мар. 390, Остр. 178).

В данном случае частица **ли** по своему значению близка к противительному союзу **а**, поэтому вторая условная конструкция как бы противопоставлена по смыслу первой. По замечанию Б. В. Лаврова, при необходимости «выразить двумя условными предложениями разные возможности при союзе **аше** во втором предложении дается союз **ли**»¹². Действительно, этот оттенок противопоставления чувствуется в некоторых вышеприведенных примерах¹³. Однако отчетливо он выступает, когда рядом находятся две условные конструкции. Случаи многочисленны.

Рече гъ. свѣтильникъ тѣлоу естъ око **аше** оубо бѹдетъ око твое просто. вьсе тѣло твое бѹдетъ свѣтъло. **аше ли** око твое лукаво бѹдетъ вьсе тѣло твое тъмно бѹдетъ (Остр. 61—62, Мар. 16—17).

нъ азъ истинѹ глѹю вамъ. оуне естъ вамъ да азъ идѹ. **аше** бо не идѹ азъ параклитъ не придетъ къ вамъ. **аше ли** и идѹ посълѹю и къ вамъ (Остр. 171, Мар. 381)¹⁴.

аше не творю дѣлъ оца моего не имете ми вѣры. **аше ли** творю. **аше** и мѣнѣ вѣры не емлете. дѣломъ моимъ вѣрѹ имете (Остр. 37—38, Мар. 360).

аше тебе послушаать приобращеши братръ твои. **аше ли** тебе не послушаать. поими пакы съ собою единого ли два... (Мар. 63, Остр. 56).

Аше оубо отъпущаете члвкмъ съгрѣшениЕ ихъ отъпоуститъ и вамъ отцъ вашъ небескы. **аште ли** не отъпущаете члвкомъ съгрѣшении вашихъ... (Мар. 16, Остр. 123).

аште бо бисте вѣрѹ имали мосеови. вѣрѹ бисте Яли и мьнѣ... **аше ли** того кнѣгамъ вѣры не емлете. како моимъ глмъ вѣрѹ еимете (Мар. 335, Остр. 15).

аште кто ходитъ въ днѣе потъкнетъ сА. Еко свѣтъ мира сего видить. **аште ли** кто ходитъ ноштиЮ. потъкнетъ сА. Еко нѣсть свѣта о немъ (Мар. 361, Остр. 137).

б) К сочетанию **аште ли** может присоединяться частица **же**, вносящая усилительно-противительный оттенок.

¹² Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 53. Ср. также: А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 388.

¹³ А. Мейе замечает, что после союза **аше** частица **ли** служит для указания на противопоставление. См. А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 388.

¹⁴ В Маринском евангелии в этом примере после **аше ли** стоит еще частица **же**.

добро есть соль. Аште ли же соль не слана будетъ чимъ осолите (Мар. 153).

Блажен рабъ ты егоже пришедъ гъ его. обрАштеть творАща тако. въ истину ГЛЮ вамъ. надъ всЕмъ имЕниемъ своимъ поставитъ **и. аште ли же** речеть рабъ тъ въ срдци своемъ. къснить гъ мой прити. и начынетъ бити рабы и рабына... придетъ господинъ раба того. въ нъже день не чаать. **и** въ годинУ въ нЮже не вЕсть. **и** протешеть **и** (Мар. 257).

ГЛЮ же вамъ Еко ни солмонъ. во всей славЕ своей облЕче сА Еко единъ отъ сихъ. **аште ли же** трЕвУ дньесь на селЕ сущУ. и оутрЕ въ пещть въметаемоу бъ тако-дЕать. колыми паче васъ маловЕри (Мар. 255).

аште же азъ о вельСЕвоулЕ изгонЮ бЕсы. снве ваши о комъ изгонАть. сего ради ти будутъ вамъ сУдиЯ. **аше ли же** о пръстЕ бжи азъ изгонЮ бЕсы. оубо постиже на васъ цЕсарествие бжне (Мар. 248, Остр. 117).

В отрицательных конструкциях к сочетанию аште ли же прибавляется частица **не**.

ВъходАште же въ домъ цЕлоуйте и. **и** аште оубо бУдетъ домъ достоинъ. придетъ миръ вашъ на нъ. **аше ли же не** бУдетъ достоинъ. миръ вашъ къ вамъ възвратитъ сА (Мар. 30).

в) С союзом аште употребляется также частица **же**, близкая по значению к **ли**. Внося усилительно-противительный оттенок в условную конструкцию, частица **же** может свидетельствовать и о логической связи с предшествующим текстом.

Вы есте соль земли. **аше же** соль обоуаетъ чимъ осолит сА (Мар. 10, Остр. 212).

азъ же ГЛЮ вамъ. Еко всЕкъ иже възъритъ на женУ съ похотиЮ. юже любы сътвори съ неЮ въ срдци своемъ. **аше же** око твое десное съблажнаать тА. изъми е и врзи отъ тебе (Мар. 12).

такое нЕсть волЕ. прЕдъ отъцемъ вашимъ нбскимъ. да погыбнетъ единъ отъ малыхъ сихъ. **аше же** съгрЕшитъ къ тебЕ братръ твои. иди обличи и междю собою и тЕмъ единЕмъ (Мар. 63, Остр. 56).

После **аше же** может стоять еще союз **и**.

онъ же вЕды ихъ помышлениЕ. рече имъ всЕко црствие раздЕль сА само въ себЕ запоустЕать. **и** домъ на домъ падаать. **аште же и** сотона самъ въ себЕ раздЕли сА. како станет црсво его. Еко глте о вельСЕвоулЕ изгонАщъ мА бЕсы. аште же азъ о вельСЕвоулЕ изгонЮ бЕсы. снве ваши о комъ изгонАть (Мар. 248).

В другом месте Мариинского евангелия (стр. 39) вместо сочетания **аште же** в обоих случаях употреблено и **аште**. Это свидетельствует о том, что частица **же** в данных конструкциях по своему значению близка к союзу и.

Сочетание **аште же** и может придавать конструкции уступительный оттенок значения.

рече же имъ. аште вамъ рекУ не имате вЕры. аште же и въпрошУ вы не отъвЕштаате ми. ни поустите (Мар. 302).

г) Если сложное предложение, противоположное по смыслу предшествующему предложению, имеет тот же самый глагол, который в зависимой части уже не повторяется, то встречаем сочетание **аште ли же ни**¹⁵.

вЕрУ имЕте мьнЕ Еко азъ въ отъци и отъць въ мьнЕ. аще ли же ни за та дЕла вЕрУ емлете ми (Мар. 375, Остр. 46).

въ домоу отца моего обитЕли мьногы сУть. аште ли же ни рекль бимъ вамъ. Еко идУ оуготовати мЕсто вамъ (Мар. 374, Остр. 165).

онъ же отъвЕштавъ рече емоу. ги остави Ю и се лЕто дондеже Ю околаЮ окрьсть. и осыплЮ гноемъ. и аште оубо сътворитъ плодъ. аще ли же ни. въ грАдУштее врЕмА посечещи Ю (Мар. 259, Остр. 289).

ли кьи цсръ иды къ иномоу цсрю. сънити сА на брань. не сЕдъ ли прЕжде. съвЕштаваатъ аште силенъ естъ. съ десАтиЮ тысУштъ сьрЕсти грАдУштааго. съ дьвЕма десАтьма (тъ) тысУштама на нь. аште ли же ни еште далече емоу сУшту. молитвУ посылавъ молитъ сА о мирЕ (Мар. 266).

Сочетание **аще ли же ни** встречается также и после отрицательных предложений.

ни въливаЮтъ вина нова. въ мЕхы ветъхы. аще ли же ни просАдАтъ сА мЕсти (Мар. 27, Остр. 66).

никтоже приставлениЕ плата не белена. не приставлЕать ризЕ ветъсЕ. аште ли же ни възьметъ конецъ отъ неЯ новое. отъ ветъхааго. і горыши дира бУдетъ (Мар. 122, Остр. 131).

вънемлЕте милостынЯ вашеЯ. не творити прЕдъ члкъ да видими бУдете ими. аще ли же ни мьзды не имаате отъ оца вашего (Остр. 122, Мар. 14).

В аналогичных конструкциях встретилось также сочетание **аште ли ни**.

и аште бУдетъ тоу снъ мира. починетъ на немъ миръ нашъ. аште ли ни къ вамъ възвратитъ сА (Мар. 241).

д) Нередко в сочетании с **аще** употребляется усилительная частица **бо**.

¹⁵ На этот факт обратил внимание еще В. Вондрак. См. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис, Казань, 1915, стр. 60.

не мьните Еко азъ на вы рекУ къ отъцоу, естъ иже на вы глтъ моси. на негоже вы оупъвасте. **аште бо** бисте вЕрУ имали мосеови. вЕрУ бисте Яли и мьнЕ. о мьнЕ бо ть писа (Мар. 335, Остр. 15).

азъ же глЮ вамъ. любите врагы вашА благслвите клънУш-
ТАЯ вы... **аше бо** любите любАЩАЯ вы. кУЮ мьздУ имате (Мар. 14, Остр. 48).

рЕхъ оубо вамъ... **аште бо** вЕры не емлете Еко азъ есмъ. оумьрете въ грЕСЕхъ вашихъ (Мар. 349, Остр. 28).

аше бо сынъ высвободить. въистинУ свободъ бУдете (Остр. 29, Мар. 350).

В Мариинском евангелии в последнем примере вместо **бо** стоит **оубо**, что, несомненно, свидетельствует о их близости.

а) Союз **аште** в сочетании с частицей **оубо**, имеющей резуль-
тативное значение.

Аще оубо отъпоущаете члвкмъ съгрЕшениЕ ихъ отъпоустить и вамъ отцъ вашъ небескы... (Мар. 16, Остр. 123).

аше оубо принесеши даръ твой къ олтарю. и тоу помЕнеши яко братъ твой иматъ нЕч <...> то на тА остави тоу даръ твой прЕдъ олтареми (Мар. 11, Остр. 213).

СвЕтильникъ тЕлоу естъ око. **аше оубо** бУдетъ око твое про-
сто. въсе тЕло твое свЕтъло бУдетъ (Мар. 16—17, Остр. 61).

къто же отъ пеки сА можетъ приложити тЕлЕ своемъ лакоть едины. **аште оубо** ни мала чесо можете чъто о прочихъ печете сА (Мар. 255, Остр. 106).

ВЕРьны въ малЕ и въ мьноСЕ вЕренъ естъ. 1 неправдъны въ малЕ и въ мьнозЕ неправденъ естъ. **аште оубо** въ неправдънЕемъ жити не бысте вЕрьни. въ истиньнЕмъ къто вамъ вЕрУ иметъ (Мар. 272, Остр. 111).

ж) Отмечен единственный случай сочетания союза **аше** с частицей **токмо**, придающей конструкции усилительно-ограничительное значение.

1 се жена кръвоточива. дъвЕ на десАте лЕтЕ имУшти. пристУплыши съзаци. прикоснУ сА вскрылии ризы его. глаше бо въ себе. **аше токмо** прикоснУ сА ризы его спсна бУДУ (Мар. 27, Остр. 66).

Интересно, что в другом месте евангелия подобная конструкция выглядит следующим образом:

глаше.бо. Еко **аште** прикоснУ сА понЕ(нЕ) ризЕ(е) его. спсна бУДУ (Мар. 133, Остр. 243).

Отличие ее от предыдущей состоит, во-первых, в том, что перед **аште** находится **Еко**, вводящее прямую речь. Это **Еко** по своему значению приближается к междометию **вот** и придает эмоциональность речи. Во-вторых, в середину зависимой части вводит-

ся союз поне, выступающий в значении хоть и придающий конструкции уступительный оттенок.

Условные предложения с постпозицией и интерпозицией зависимой части

Данные конструкции в исследуемых памятниках занимают незначительное место. При этом условный союз обычно встречается без сочетания с частицами. Это объясняется тем, что зависимость частей предложения при постпозиции значительно усилилась, что потребовало более определенного, более конкретного значения подчинительного союза. Различные частицы в препозитивном предложении, как уже отмечалось, играли роль или связующего элемента условной конструкции с предшествующим текстом или указывали на противопоставление последующего предложения предыдущему и т. д. Теперь же условий, способствовавших употреблению всевозможных частиц при союзе аште, больше не существует, и он выступает один. Приведем все встретившиеся примеры с постпозицией зависимой части.

Вы друзѣ мои есте. аше творите. елико азъ заповѣдаю вамъ (Остр. 273, Мар. 379).

отвѣща иис не имашѣ власти на мнѣ никое^я же. аше не быти дано съвыше (Остр. 184, Мар. 393).

никѣто же не можетъ прити къ мнѣ. аше не отъѣдъ посылавы ма привлѣчетъ его (Остр. 20, Мар. 339).

и ре емоу. всѣ си тебѣ дамъ аше падъ поклониши ми сѧ (Мар. 8, Остр. 262).

отвѣща иоанъ и рече. не мо(же)тъ члкъ приимати ничесоже. аше н(е) бѹдетъ емоу дано снбсе (Мар. 324, Остр. 10).

и посылани бѣаху отъ фарисѣи. и въпросиша и и рѣша емоу. что оубо кршаеши. аште ты нѣси хъ. ни или^е ни пркъ (Мар. 316, Остр. 3).

никтоже бо не можетъ знаменни сихъ творити. Еже ты твориши. аште не бѹдетъ бѣ съ нимъ (Мар. 322, Остр. 7).

аминь амин глю вамъ. не можетъ снѣ о себѣ творити ничесоже. аште не еже видить отца тв(р)ораша (Мар. 332, Остр. 13).

добро би емоу было. аште не би родиль сѧ члвѣкотъ (Мар. 137).

и сто^еаху людие зрѧште. подрѣжааху же и и кнѧси глю—ще съ ними. ины естъ съсплѣ да спсѣтъ и сѧ. аште съ естъ хъ снѣ бжии избѣраны (Мар. 305—306, Остр. 191).

ли како можетъ кѣто вѣннѣти въ домъ крѣпкааго. и съсуды

его расхытити. **аще** не прѣвЕе съвАжетъ крЕпькааго (Мар. 9, Остр. 69).

Еще меньшим количеством примеров представлены конструкции с интерпозицией зависимой части. Э. И. Коротаева отмечает, что при включении придаточного во внутрь главного подчинение достигает наивысшей степени своей зависимости¹⁶.

Рече еи ис. азъ есмъ воскрЕшение и животъ. вЕроуЯи въ ма **аште** оумьреть оживеть (Мар. 362, Остр. 138).

фарисеи бо и вси иудеи. **аште** не оумыЮть рУкою търУште не ЕдАть (Мар. 140).

Екоже розга не можетъ плода творити о себЕ. **аште** не бУдетъ на лозЕ. тако и вы (Мар. 378, Остр. 49).

видЕвъ же фарисЕи възъавы его рече въ себЕ глА. съ **аште** би былъ пркъ вЕдЕль бы оубо кто и какова жена прикасаать сА емъ (Мар. 224, Остр. 222).

и азъ **аще** възнесенъ бУДУ отъ земля. всА привлЕку къ тебЕ (Остр. 42, Мар. 369).

Возможно, в последних двух примерах имеем препозицию зависимой части, поскольку союз **аште** находится не в начале предложения, а вставляется во внутрь его.

Соотношение форм глаголов-сказуемых господствующей и зависимой частей в предложениях со значением условия

Важное значение в процессе исторического развития условных конструкций имеет соотношение форм глаголов-сказуемых обеих частей сложного предложения. Различные способы выражения сказуемого нередко придают конструкции дополнительные смысловые оттенки¹⁷. Рассмотрим наиболее распространенное соотношение глагольных форм в предложениях с союзом **аще**.

1. В функции сказуемого условного предложения широко используются глаголы в сослагательном наклонении, придающие всей конструкции оттенок желательности или предположения.

рече имъ исъ **аще** бысте слЕпи были. не бысте имЕли грЕха (Остр. 35, Мар. 356).

аште не би отъ ба былъ съ. не моглъ би творити ничесоже (Мар. 356, Остр. 40).

Мария же... глЮщи емоу ги **аще** бы былъ съде. не би мои брать оумьрлъ (Остр. 139, Мар. 363).

¹⁶ См. Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 66.

¹⁷ См. Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 181.

аще бысте любили МА. въздрадовали СА бысте (Остр. 48, Мар. 377).

Горе тебе хоразинъ. горе тебЕ витьсаида Еко аще въ тоурЕ и сидонЕ бЕ силы были бывъшАЯ въ васъ. древле оубо въ врЕтищи и попелЕ покаали СА бУ (Мар. 35, Остр. 267).

В данных конструкциях передается обусловленность одного действия другим без указания на его реальное осуществление. Б. В. Лавров называет такие условные предложения гипотетическими, или ирреальными, выражающими «чистое предположение, где условие заведомо считается несостоявшимся»¹⁸.

2. Сказуемое зависимой и господствующей части может выражаться глаголом в изъявительном наклонении. При этом чаще всего в зависимой части стоит глагол в форме настоящего времени или будущего простого, для выражения которого может использоваться настоящее совершенное. В господствующей части также наиболее употребительны формы настоящего или будущего простого. В некоторых предложениях к условному значению присоединяется причинный оттенок.

аще цЕлоуете другы вашА. токѣмо что лихo творите (Мар. 14, Остр. 58).

отвЕшта емоу ис. аште не оумыЮ тебе. не имаши чАсти съ тѣноЮ (Мар. 371, Остр. 154).

рече же имъ ис... аште не сънЕсте плѣти сна члс(кааго) и пиете крѣве его. живота не имате въ себЕ (Мар. 340, Остр. 21).

аште не виждУ на рУкоу его Езвы гвоздеиныЯ... не имУ вЕры (Мар. 399).

аще заповЕди мои съблюдете. прЕбУдете въ любви моеи (Остр. 169, Мар. 379).

Останете ихъ. вожди сУть слЕпи слЕпѣцемъ. слЕпецъ же слЕпѣца аште водить. оба въ ЕМУ въпадете СА (Мар. 52).

В последнем случае условный союз находится не в начале зависимой части, а вставляется во внутрь ее. Однако, по замечанию Э. И. Коротаевой, союз аще и некоторые другие, «находясь и внутри предложения, обладают достаточной союзной силой»¹⁹. И если в структуре сложноподчиненного предложения нет соотносительных и ссылочных средств, то подчинительный союз в таких случаях «является единственной скрепой сложного предложения»²⁰.

¹⁸ Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 7. Ср. также высказывание В. Робинсон (Плотниковой) о том, что формы сослагательного наклонения «обязательно говорят о том, что условие может быть только желательным, но не реальным». (В. Робинсон/Плотникова, Из истории условных конструкций в русском языке. Канд. дисс., М., 1949, стр. 34—35).

¹⁹ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 27.

²⁰ Там же, стр. 29.

В зависимой части — глагол настоящего или будущего времени, а в господствующей — составное именное сказуемое. Напр.:

аште азъ съвЕдЕтельствоую о мнЕ. съвЕдЕтельство мое нЕсть истинно (Мар. 333, Остр. 14).

аше си вЕсте блажени естѣ (Мар. 372, Остр. 155).

аште вы прЕбУдете въ словеси моемъ. въ-истинУ оученици мои бУдете (Мар. 350, Остр. 222).

Реже сказуемое зависимой части выражается глаголом в форме прошедшего времени. По словам А. Н. Стеценко, такое сказуемое показывает, что действие уже осуществлено и его выполнение вызывает другое действие. Осуществленное условие становится как бы причиной для другого явления²¹.

рекоша же оученици его. ги аще оуспѣ спсень бУдеть (Остр. 137, Мар. 361).

аше мене изгънаша и вы ижденУть (Остр. 170, Мар. 380).

аше бѣ прослави са о немъ и бѣ прославить и въ себЕ (Остр. 164, Мар. 373).

аште земъна рЕхъ и не вЕроуоуте. как аште рекУ вамъ нѣска вЕроуоуте (Мар. 323, Остр. 8).

3. Сказуемое обеих частей предложения может выражаться различными наклонениями. Отмечены случаи, когда в господствующей части находится глагол в форме повелительного, а в зависимой — в форме изъявительного наклонения настоящего или будущего времени.

и ре емоу аще снѣ еси бжии врѣзи са долоу (Мар. 8, Остр. 261).

аште миръ васъ ненавиждѣ вЕдите Еко мене прЕжде васъ възненавидЕ (Мар. 379—380, Остр. 169).

Единъ же отъ обЕшеноую злодЕЮ хоулЕаше и глА. аште ти еси хъ спсА самъ и ны (Мар. 306, Остр. 192).

и пристУплъ искоуситель рече емоу аще снѣ еси божии. рыи да камене се хлЕби бУдУть (Остр. 261, Мар. 8).

Употребление других союзов в условных предложениях

В условных предложениях встречаются, кроме аште, и некоторые другие союзы. Так, условное значение может приобретать местоименное слово елико:

и елико не примУть васъ исходАше отъ града того. прахъ отъ ногъ вашихъ истрАсЕте въ съвЕдЕние на нЯ (Остр. 100).

²¹ См. А. Н. Стеценко, Из истории сложноподчиненного предложения в русском языке. Условные конструкции сложных предложений в памятниках русской письменности XVI—XVII вв., стр. 301.

В Марининском евангелии перед господствующей частью находится сочинительный союз **и**. Ср.:

въ нѣже домъ вѣидете тоу прЕбывайте. ꙗко отъ тоуду исходите. ꙗко елико не приемлютъ вась. исходаште отъ града того. ꙗко прахъ отъ ногъ вашихъ отътрАсЕте. въ съвЕдЕние на нА (Мар. 233).

Таким образом, сочинительный союз **и** мог стоять как перед зависимой, так и господствующей частью. Значение **и**, предшествующего условному союзу, состоит в связи данного предложения с предыдущим. Союз **и** перед господствующей частью характерен для переходных конструкций от сочинения к подчинению. Он свидетельствует о недостаточно развитой подчинительной связи.

В качестве условного союза выступает **егда**, а также **понеже** в одной и той же сложной конструкции.

СвЕтильникъ тЕлоу естъ око. **егда** оубо око твое просто бУдеть ꙗко все тЕло твое свЕтъло бУдеть. **а понеже** лУкаво бУдеть. ꙗко тЕло твое тъмно бУдеть (Мар. 249—250).

Любопытно, что в другом месте евангелия вместо **егда** и **понеже** употребляется союз **аще**, а перед господствующей частью отсутствует сочинительный союз **и**. Ср.:

СвЕтильникъ тЕлоу естъ око. **аще** оубо бУдеть око твое просто. все тЕло твое свЕтъло бУдеть. **аште ли** око твое лУкаво бУдеть. все тЕло твое тъмно бУдеть (Мар. 16—17, Остр. 62).

Кроме того, на противопоставление второй конструкции первой в предыдущем примере указывает союз **а**, а во втором — частица **ли**, стоящая после **аште**.

Нами отмечен только единственный случай использования **егда** в условных конструкциях. Но Б. В. Лавров считал, что **егда** вообще никогда не встречается в памятниках древнецерковнославянского языка в условном значении²².

В значении условного союза засвидетельствован союз **еда** в сочетании с **коли**. При этом **коли** придает конструкции временной оттенок (если когда).

еда коли и ти тА такожде възвУтъ. **и** бУдеть ти въздаание (Мар. 264).

Кроме того, структурной особенностью данной конструкции является то, что господствующей части предшествует сочинительный союз **и**. Связь частей предложения представляется менее тесной.

В ряде случаев условные предложения имеют оттенок уступительности, поскольку зависимая часть сообщает об обстоятельствах, вопреки которым совершается то, о чем говорится в господствующей части.

Для связей частей предложения может использоваться союз **аште** в сочетании с **и**. Например:

²² См. Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 102.

по сихъ же рече въ себѣ. **аще и ба** не боЮ сА. ни члвкъ срамлЕЮ сА. нъ зане творитъ ми троудъ въдовица си да мъщУ еЯ... (Остр. 114, Мар. 279).

Перевод: А после сказал сам себе: «Хотя я и бога не боюсь и людей не стыжусь, но, так как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее».

Здесь условные отношения между частями предложения осложняются уступительными, и **аще и** не может быть воспринят как чистый условный союз «если».

Совмещение условного и уступительного значений можно отметить и в таких конструкциях:

аще и съмрътно что испиЮтъ ничътоже ихъ не врЕдитъ (Мар. 185, Остр. 205).

ОтъвЕшавъ же исъ рече имъ... нъ **аште и** горЕ сеи речете двигни сА. и въръзи сА. въ море бУдетъ (Мар. 75).

и отъвЕшавъ рече имъ. глЮ вамъ. Еко **аще и** сии оумлѣчАтъ. 1. камене въпити иматъ (Мар. 287).

Более ярко уступительное значение проявляется, если в предложении имеется противительный союз **нъ**:

Петръ же рече емоу. и **аште** вси съблзнАтъ сА. **нъ** не азъ (Мар. 174, Остр. 159).

глЮ вамъ **аште и** не дасть емоу въставъ зане естъ дроугъ емоу. **нъ** за безочъство его въставъ дасть емоу елико трЕбоуоутъ (Мар. 246, Остр. 117).

Союз **нъ** в данном случае служит для усиления противопоставления господствующей и зависимой частей.

Кроме союза **аште**, уступительный оттенок значения имеет местоименное слово **елико** в следующем предложении:

еликоже имъ тъ заповЕдааше. они паче излиха проповЕдаахУ и прЕизлиха дивлЕахУ сА глЮште... (Мар. 143, Остр. 132).

Перевод: Но сколько он ни запрещал им, они еще более проповедовали и очень дивились, говоря...

В условных предложениях с уступительным оттенком значения отмечен союз **Еко**. Зависимая часть стоит в препозиции по отношению к господствующей.

сего ради моси дасть вамъ обрЕзание. **не Еко** отъ мосЕа естъ нъ отъ оцъ (Мар. 344, Остр. 26).

Перевод: Поэтому Моисей дал вам обрезание, хотя оно не от Моисея, а от отцов.

Вероятно, уступительное значение имеет союз **зане** в предложении:

азъ же **зане** истину глЮ. не емлете вЕры мънЕ (Мар. 351, Остр. 33).

Перевод: Хотя я истину говорю, вы не верите мне.

Однако эту конструкцию можно понимать и иначе: А когда я истину говорю, вы не верите мне.

Характерно, что союз **зане** стоит не в начале зависимой части, а внутри ее.

Особо следует отметить следующую конструкцию:

Егда же оувЕДЕ гъ Еко оуслышашА фарисЕи. Еко исъ множаишА оученики творить. и крьштаать неже иоанъ. **а исъ самъ не крьштааше нъ оученици его**, остави иудеЮ. и иде паки въ галилею (Мар. 325, Остр. 29).

Предложение «а исъ самъ не крьштааше нъ оученици его» можно перевести так: «хотя Иисус не крестил сам, но ученики его». Значит, союз **а** выступает в уступительном значении. С современной точки зрения, подчеркнутое предложение является как бы вводным, оно вставляется внутрь сложной конструкции.

Значение уступки, вероятно, присуще и следующему предложению:

иже пръвЕе вѣлажааше по възмУштении воды. съдравъ бывааше. **ЕцЕмъ же недУгомъ одръжимъ бывааше** (Мар. 330).

Предложение «ЕцЕмъ же недУгомъ одръжимъ бывааше» означает «каким бы ни был одержим недугом».

Таким образом, в условных предложениях с уступительным оттенком значения используется союз **аште** в сочетании с **и** и некоторые другие союзы. Но союз **аште**, являющийся характерным союзом для условных конструкций, даже если и придает уступительный оттенок значения, но яркой картины уступительности, как правило, не создает.

Употребление соотносительных слов в условных предложениях

Известно, что соотносительные слова являются важным структурным элементом в развитии сложного предложения, в том числе и условного. По мнению исследователей древнерусского синтаксиса, наличие соотносительных слов в условных конструкциях на раннем этапе их развития было обязательным. А. Н. Стеценко пишет: «Возникнув из вопросительных предложений, придаточное предложение обладало большей самостоятельностью, связь его с подчиняющей частью была недостаточной. Подчиняющая часть нуждалась в дополнительных синтаксических средствах связи с подчиненной ей частью, так как подчинительные отношения были вообще еще слабо выражены. Таким дополнительным, внешне скрепляющим средством связи частей сложно-подчиненного предложения были соотносительные слова»²³.

²³ А. Н. Стеценко, Из истории сложноподчиненного предложения в русском языке. Условные конструкции сложных предложений в памятниках русской письменности XVI—XVII в., стр. 297.

Э. И. Коротаева также указывает, что «в пору развития подчинительных конструкций во временных, условных, следственных и других предложениях корреляты **то, так, тогда** помогали союзу, не обладающему еще полной силой подчинения, объединять предложение в сложное синтаксическое целое»²⁴. И только с дальнейшим развитием подчинительных конструкций роль соотносительных слов ослабевает. Они употребляются для более четкого определения границы между частями сложного предложения. Специальные подчинительные условные союзы оказываются достаточным синтаксическим средством для выражения подчинения одного предложения другому и для выражения условных отношений. По мнению Б. В. Лаврова, «первым шагом на пути преобразования «чистого» паратаксиса было включение так называемого соотносительного союза в аподозис бессоюзного условного периода»²⁵. Высказывания Б. В. Лаврова о значении соотносительных слов в развитии сложного предложения, безусловно, ценны. Однако он, как это убедительно показала Э. И. Коротаева, преувеличивал роль соотносительных слов, так как считал, что логический характер предложения «в целом определялся уже этими соотносительными союзами еще до включения сюда подчинительного союза»²⁶. Как ни велика роль коррелятов, однако они, по справедливому замечанию Э. И. Коротаевой, «не могут дать дифференциации значений подчинительных конструкции»²⁷.

В анализируемых памятниках условные конструкции с соотносительными словами представлены незначительным количеством случаев. По всей вероятности, это свидетельствует о том, что подчинительные условные отношения в старославянском языке были уже достаточно развиты и для выражения подчинения зависимой части господствующей было достаточно одного условного союза.

В качестве соотносительного слова отмечено местоимение **то** (два примера). Его употребление характерно для более позднего этапа развития сложноподчиненного предложения с подчинительными союзами²⁸.

амнь аминъ глЮ вамъ. аште зръно пшеничъно не оумъреть
падъ въ земли. **то** едино прЕбываать (Мар. 368, Остр. 42).

²⁴ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 35.

²⁵ Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 17.

²⁶ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 171.

²⁷ Там же.

²⁸ См. А. Н. Стеценко, Из истории сложноподчиненного предложения в русском языке. Условные конструкции сложных предложений в памятниках русской письменности XVI—XVII вв., стр. 278.

аще оубо свЕтъ иже въ тебЕ тьма есть. то тьма кольми (Остр. 62).

В Мариинском евангелии вместо **то** встречается **тЕ**. Ср.:

аще оубо свЕтъ иже въ тебЕ. тьма есть **тЕ** тьма кольми (Мар. 17).

Соотносительное слово **то** служит для более четкого разграничения господствующей и зависимой частей, для более тесной их связи.

Единственным случаем представлена конструкция с соотносительным союзом **тогда**, перед которым стоит сочинительный союз **и**. В роли условного союза в зависимой части выступает **еда**.

еда кѣто чѣстьиЕи тебе бУдетъ зѣванныхъ. і пришедѣ зѣвавы тА и оногo речетъ ти. даждѣ сѣмоу мѣсто. **и тогда** начьнеши сѣстоудомъ послѣднее мѣсто дрѣжати (Мар. 264, Остр. 110).

Единичными примерами представлены условные конструкции с соотносительным словом **тогда** и в древних памятниках русской письменности²⁹.

Р. П. Рогожникова отмечает, что в условном предложении **тогда** утрачивает в некоторой степени свое значение времени и приобретает значение **в том случае, при этом условии**, т. е. условный оттенок слова **тогда** сказывается здесь особо подчеркнутым³⁰. Однако если перед соотносительным словом **тогда** стоит усиленная частица **и**, то на него падает сильное логическое ударение, и в таком случае усиливается собственно-наречное значение **тогда** и ослабевает его роль как соотносительного слова³¹. Действительно, и в приведенном примере роль **тогда**, как соотносительного слова, несколько ослаблена.

Встретился один пример, когда в качестве соотносительного слова выступает частица **оубо**, вносящая оттенок результативности.

аще ли о доусЕ бѣии. азъ изгонЮ бЕсы. **оубо** постиже на васъ цѣрствие бѣие (Мар. 39, Остр. 69).

(Перевод: А если я духом Божиим изгоню бесов, то постигло вас царствие божие).

Сравнительно редко в роли соотносительного слова выступает частица **да**, придающая оттенок побудительного волеизъявления. В словаре И. И. Срезневского среди многих значений **да** встречаем и такое: «то, тогда, в таком случае (начинает главное

²⁹ См. Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 53.

³⁰ См. Р. П. Рогожникова, К вопросу о структуре условного предложения. Сб. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956, стр. 177.

³¹ Там же, стр. 179.

предложение при *аще*, *оже*, *егда* и пр.)»³². Случаи употребления *да* в потенциально-условных предложениях отмечает и Б. В. Лавров в памятниках древнерусского языка³³.

Т. П. Ломтев полагает, что различными формы придаточных условия «обычно восходят к предложениям косвенного модального плана, главным образом вопросительным», а в позиции главных «закреплялись предложения повествовательного модального плана»³⁴. Но в отдельных случаях могли закрепляться и предложения повелительного модального плана³⁵.

Приведем все встретившиеся примеры с соотносительным словом *да*.

аще прѣ излєвъ єсть. *да* сѣлєзєть нынє сѣ крєста (Остр. 199, Мар. 108).

отѣвѣшавъ же петръ рече... *аще* хочєти *да* сѣтворимъ три кровы (Остр. 284, Мар. 58).

и прѣшѣдъ мало. паде ницѣ. мола сѣ и глѣ очє мои. *аще* възможно єсть. *да* мимоидєть отѣ мене чаша сѣ (Остр. 159, Мар. 100).

аще же и о црѣкви не родити начнєть. *да* бУдєть ти яко язычникъ и мытарь (Остр. 56, Мар. 63).

аще комоу братръ оумѣрєть имы женУ и тѣ бєштАдѣ оумѣрєть. *да* поймєть женУ єго братръ. и вѣскрЄситъ сємѣ братра своего (Мар. 290—291, Остр. 56).

Тѣгда и сѣ рече оученикомъ своимъ. *аще* кѣто хочєть по мнѣ ити *да* отѣврѣжєть сѣ себє і възмєть крєстъ свои. і вѣ слЄдъ мєнє грѣдєть (Мар. 57).

На основе анализа условных конструкций можно сделать следующие выводы:

1. В подавляющем большинстве случаев зависимая часть в условных конструкциях предшествует господствующей. Препозиция и интерпозиция зависимой части представлена незначительным количеством примеров.

2. Наиболее распространенным и почти единственным союзом в условных предложениях является *аште*. В единичных случаях в условном значении могут выступать также *егда*, *понеже*, *елико*.

3. Среди конструкций с препозитивной зависимой частью, вводимой союзом *аште*, встречаются предложения, представляю-

³² И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, стр. 622.

³³ См. Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 53.

³⁴ Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, изд. МГУ, 1956, стр. 539.

³⁵ Там же.

щие собой переходный тип от сочинения к подчинению. Для них характерно наличие сочинительного союза **и** между господствующей и зависимой частью. Однако такие конструкции не имеют широкого распространения в исследуемых памятниках.

4. Весьма употребительны условные предложения, в которых перед союзом **аште** стоит сочинительный союз **и**, указывающий обычно на связь с предыдущим предложением.

5. Широко используются условные предложения, в которых союз **аште** выступает в сочетании с различными частицами. Так, частица **ли** служит для указания на противопоставление условной конструкции предыдущей. Частица **же** может свидетельствовать о логической связи условного предложения с предшествующим. Сочетание союза **аште** одновременно с частицами **ли** и **же** (**аште ли же**) придает предложению усилительно-противительный оттенок значения. Нередко после условного союза стоит частица **бо**, которая вносит усилительный оттенок. Со значением результата употребляется частица **оубо**.

6. Соотносительные слова в условных конструкциях встречаются в единичных случаях. В этой функции выступает местоимение **то**, наречие **тогда**, а также частицы **оубо** и **да**.

7. Выражение глагольных форм господствующей и зависимой частей характеризуется большим разнообразием. В зависимой части чаще всего используются настоящее и будущее время, сослагательное наклонение, реже прошедшее время. Формы повелительного наклонения отмечены в основном в господствующей части.

8. В некоторых случаях условные предложения имеют уступительный оттенок значения. Для связи частей предложения употребляется союз **аште** в сочетании с **и** и некоторые другие союзы.

МЕТОДИКА ОБУЧАЮЩЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

А. А. Метца

Индивидуализация является одним из путей дальнейшего совершенствования процесса обучения, так как в рамках ее находит свое разрешение противоречие между единым темпом и содержанием обучения для учащихся одного класса и большими индивидуальными особенностями (мышления, памяти, интересов, подготовки) каждого отдельного ученика.

Основным путем индивидуализации обучения является максимальный учет и развитие учебных возможностей, способностей, интересов учащихся в условиях гетерогенного класса. Это в свою очередь способствует развитию специфических способностей и дальнейшей дифференциации обучения.

Конечная цель индивидуализации обучения — работа всех учащихся по принципу «от каждого по способностям».

Весьма рациональной представляется индивидуализация обучения в виде групповой работы на уроке:

- 1) групповая работа, основанная на учете учебных возможностей учащихся, создает условия для индивидуализации не только темпов, но и содержания обучения в пределах одной группы;
- 2) открываются возможности для соревнования равного с равным, что вселяет в учащихся уверенность в своих силах и способностях и является залогом активизации учебного процесса;
- 3) индивидуализация обучения в виде групповой работы создает сравнительно благоприятные условия для управления процессом обучения.

Групповая работа должна быть построена с учетом требований возрастающей трудности и направлена на повышение общего уровня учебно-воспитательного процесса в рамках данного класса.

В настоящей статье рассматривается методика обучающего эксперимента, проведенного в 1967/68 учебном году по индивидуализации обучения в трех школах города Тарту.

Основная рабочая гипотеза эксперимента состояла в следующем:

Индивидуализация обучения русскому языку, организованная в виде групповой работы с учетом учебных возможностей, стимулирует познавательную активность учащихся, на основе чего можно предположить формирование более прочных знаний, умений и навыков употребления падежных конструкций имен существительных.

Использование в рамках индивидуализации обучения заданий с элементами программирования и постоянный учет ошибок способствуют организации оперативной внутренней и внешней обратной связи, своевременному выявлению пробелов в знаниях учащихся и лучшему управлению процессом обучения.

Настоящая статья состоит из двух частей: в первой рассматривается методика составления экспериментальных упражнений, используемых в ходе обучающего эксперимента, во второй — методика проведения экспериментальных уроков.

Методика составления экспериментальных заданий

При составлении заданий мы старались учитывать основные принципы советской дидактики, ибо разрабатывая программированные материалы, надо руководствоваться не только логикой и спецификой предмета, но и опираться на ведущие дидактические принципы.

Так как каждый вид заданий имел конкретную цель, был предназначен для определенного контингента учащихся, мы не можем говорить о требованиях, предъявляемых к заданиям вообще, а можем говорить лишь о конкретных требованиях, которым должен отвечать тот или иной вид заданий.

Поскольку преобладающее большинство экспериментальных уроков было проведено на трех уровнях трудности, класс был разбит на группы, то и упражнения должны были составляться на разном уровне трудности.

Трудность заданий определялась их лексико-грамматическим содержанием, объемом грамматической информации, количеством кадров (рабочих операций) и характером выводов, которые должен был сделать ученик на основе выполненного задания.

Так как одной из целей нашего эксперимента было развитие учебных возможностей учащихся экспериментальных классов, задания составлялись по принципу возрастающей трудности с учетом учебных возможностей учащихся всех трех групп.

Ниже дается структура экспериментальных упражнений, применяемых нами на уроках русского языка в пятом классе эстонской школы.

Структура экспериментальных упражнений

	Одношаговые I	Многошаговые II
1 С перфокас- сой	Упражнения для перфокассеты без дополнительных заданий	Упражнения для перфокассеты с дополнительными заданиями, требующими выводов и содержащими работу по активизации данных в упражнении словосочетаний
2 Дидакт. разд. материал	Упражнения — карточки с ключом	
3 Задания к учебникам	Задания, состоящие из одной дозы учебного материала, требующего анализа и обобщения со стороны учащихся	Задания, состоящие из нескольких доз учебного материала, логически связанных между собой, способствующих активизации определенных падежных окончаний

В основу классификации упражнений легли следующие показатели:

- 1) количество кадров (рабочих операций) в задании и
- 2) основные средства, используемые при выполнении упражнения (перфокассета, учебник, карточка).

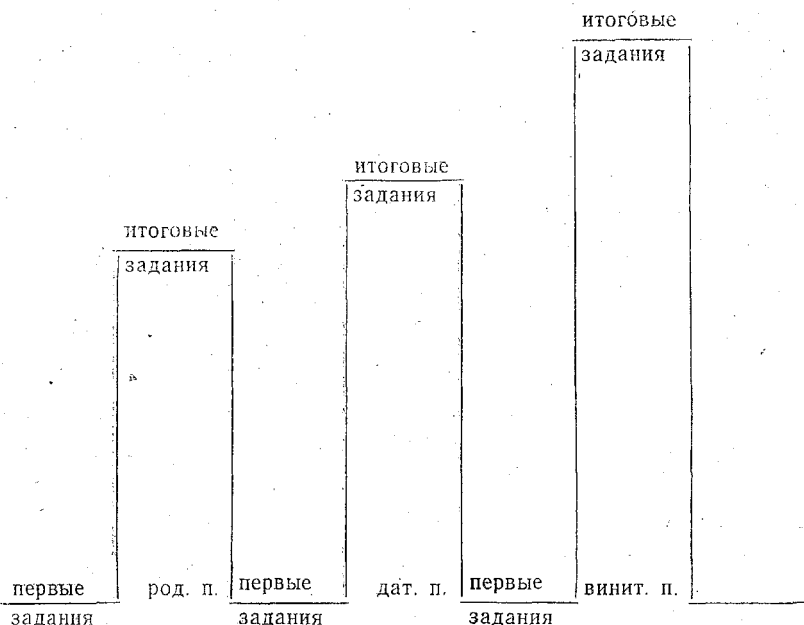
Классификация имеет несколько условный характер. Ее основная цель — раскрыть характер упражнений и помочь тем самым ориентироваться в нашем экспериментальном материале.

Упражнения типа I₁ (одношаговые с перфокассетой) использовались в рамках всего эксперимента, главным образом в группе слабых и средних учащихся, которые, с одной стороны, нуждались в большем количестве тренировочного материала, с другой стороны, предполагалось, что регулярная внутренняя обратная связь, обеспечиваемая перфокассетой, способствует активизации работы учащихся этих групп.

Этот тип заданий в ходе эксперимента прошел определенный путь развития от простых к более сложным. Степень сложности заданий типа I₁ определялась главным образом дозировкой содержащейся в нем новой грамматической информации. Если первые задания были посвящены закреплению и активизации лишь окончаний род. падежа единственного числа после отрицания, то последующие упражнения содержали в себе и предлоги, и чис-

лительные, требующие род. падежа единственного и множественного числа. Последние итоговые задания составлялись уже на повторение наиболее трудных окончаний ранее пройденных падежей.

Следует отметить, что нарастание трудности в заданиях имеет волнообразный характер. Наименьшую трудность содержат первые задания, посвященные закреплению нового падежа, наивысшую — последние, итоговые задания, содержащие элементы пройденных ранее падежей.

Как вытекает из графического изображения, наивысшую трудность содержат в себе итоговые задания на повторение последних падежей, имеющие целью закрепление наиболее трудных падежных окончаний. Графическое изображение динамики заданий свидетельствует и об основных принципах их составления, которые сводятся к следующему:

- 1) лексико-грамматическая преемственность;
- 2) постоянный учет ошибок, допущенных при выполнении заданий. Реализации первого требования способствует второе;
- 3) соблюдение принципа одной трудности. Осуществлению этого требования способствует строение перфокассеты (имеется в виду разная частотность проколов при разном коде).

Одношаговые задания были построены по принципу выборочного ответа. Ученик должен выбрать правильное падежное окончание, предлог, вопрос, определить падеж подчеркнутых существительных.

вительных и т. д. Предполагается, что при упражнениях с выборочным ответом мы имеем дело с усвоением знаний в основном на уровне умений.

Для правильного выполнения таких заданий учащийся должен сравнивать, противопоставлять и лишь после этого выбрать одно из предложенных падежных окончаний, предлогов и т. д.

В рамках нашего эксперимента использовались все типы заданий. Первые упражнения были составлены на выбор падежных окончаний. По мере накопления предлогов составлялись и упражнения типа «выбери правильный предлог, правильный падежный вопрос». Задания типа «определи падеж подчеркнутых существительных» давались как обобщающие после прохождения всех или большинства падежей.

По высказываниям самих учащихся, задания типа «выбери правильное окончание» самые трудные. Облегчающим моментом при этом является наличие падежного вопроса, который выступает в качестве сигнального слова. Падежный вопрос, однако, не всегда давался.

При составлении одношаговых упражнений самым ответственным и сложным является подбор выборочных ответов. Встает вопрос о том, нужно ли давать на выбор окончания, которые в силу влияния родного языка затрудняют работу учащегося. Так, например, в упражнении № 33 на выбор предлагаются окончания *-е, -ам, -у, -а, -ы*. Среди предложений есть и такое: *Я помогаю брат . . .* По аналогии с эстонским языком ученик может выбрать окончание *-а*, (помогать брата), но если бы окончания *-а* в упражнении № 33 не было? Можно ли полагать, что учащиеся сразу пришли бы к правильному ответу? А когда правильная форма лучше запоминается? Если ученик без особой мыслительной работы найдет ее или же, если он путем активного поиска правильного ответа, осознания ошибок, подойдет к правильному ответу? Наиболее правильным представляется второй путь, поэтому мы не избегали таких форм.

Трудности в усвоении падежных окончаний, связанные с интерференцией, учитывались при составлении одношаговых упражнений. Интерферентный глагол «*помогать*», после которого в эстонском языке стоит вопрос «*keda*» (кого?) включался в ряд упражнений (№№ 32, 33, 35 и др.). Предложный падеж, как правило, не представляет особых трудностей для эстонского учащегося, исключение составляют глаголы *остаться, оставить, забыть*. Было составлено специальное задание (№ 47) на трудные случаи употребления предл. и винит. падежей (глаголы *остаться, забыть, ходить* и др.).

Основным достоинством заданий типа I_1 можно считать то, что в течение сравнительно короткого времени прорабатывается значительное количество лексико-грамматической информации с получением оперативной внутренней обратной связи о результа-

тах работы. Благодаря последнему обстоятельству, повышается активность учащегося, на основе чего предполагалось и более прочное усвоение падежных окончаний имен существительных. В процессе экспериментального обучения были установлены большие индивидуальные различия в темпах работы учащихся, даже в пределах одной группы. На выполнение одношагового упражнения типа I_1 в начале эксперимента уходило от 5 до 20 минут, к концу эксперимента темпы работы в пределах одной группы выровнились. Часть учащихся I группы была склонна к поверхностному выполнению заданий на перфокассете. Во избежание этого мы в начале эксперимента не ставили оценку учащегося в зависимости от объема выполненной им работы. Создание для учащегося индивидуальных темпов работы можно считать вторым достоинством таких упражнений.

Недостатком заданий типа I_1 является то, что не всегда обеспечивается тематическая целостность, так как в первую очередь задание должно быть грамматически целенаправленным и поэтому нелегко нужные лексико-грамматические конструкции представить в тематически целостном рассказе.

Многошаговые задания для перфокассеты практиковались во всех группах экспериментальных классов. Такие задания представляют собой новое качество по сравнению с заданиями типа I_1 , так как выполнение их требует от учащегося более целенаправленной мыслительной работы. Многошаговые задания «выросли» из одношаговых в ходе нашего пробного эксперимента. А именно, представлялось целесообразным отдельным учащимся давать индивидуальные устные задания к перфоупражнениям, которые сосредоточивали бы внимание учеников на самом нужном и важном.

С этой целью учащимся давались поручения следующего содержания:

а) выпиши в тетрадь предложения, в которых ты допустил ошибку;

б) составь свое предложение со словом в том же падеже;

в) запиши текст упражнения в тетрадь, подчеркни предлоги, требующие определенного падежа и т. д.

При упражнениях типа I_1 такие индивидуальные поручения органически не были связаны с самим заданием, так как оно состояло только из одного кадра — выполнения упражнения на перфокассете. Часть учащихся, которая не привыкла думать на уроке, в начале эксперимента ухватилась за перфокассету, как за спасательный круг, который поможет легко усвоить русский язык. Нам удалось преодолеть эту тенденцию индивидуальными заданиями, которые давались к упражнениям, и методом комментирования, который был использован выборочно после выполнения учащимися упражнений. Ученики все время приучались ставить вопрос *почему?*

Этим мы подготовили учащихся к более серьезной мыслительной работе, которой требовало выполнение многошаговых упражнений.

Основная характеристика многошаговых перфоупражнений

Как вытекает из нашей классификации, многошаговые задания подразделяются на две большие группы, которые имеют и общие и отличительные черты. К общему относится прежде всего ступенчатость заданий, способствующая учащемуся путем выполнения упражнений, связанных между собой, прийти к самостоятельным выводам и обобщениям. К отличительному относится то, что конечной целью первой группы заданий являются небольшие выводы грамматического порядка, непосредственно вытекающие из упражнения. При этом упражнения I группы содержат в себе больше грамматической информации. Однако лексико-грамматическая информация не всегда представлена в тематически связанном рассказе.

II группа заданий, наоборот, имела своей конечной целью развитие устной или же письменной речи учащихся. Задания по развитию речи непосредственно вытекали из текста основного упражнения, которое, как правило, отличалось тематической целостностью. Эта группа упражнений была тематически близка к текстам учебника, затрагивала события дня и проблемы, интересующие учащихся¹.

Далее подвергаются анализу обе группы многошаговых заданий. Приводятся основные принципы их составления и методические приемы выполнения на уроке.

Многошаговые задания, завершающиеся грамматическими выводами

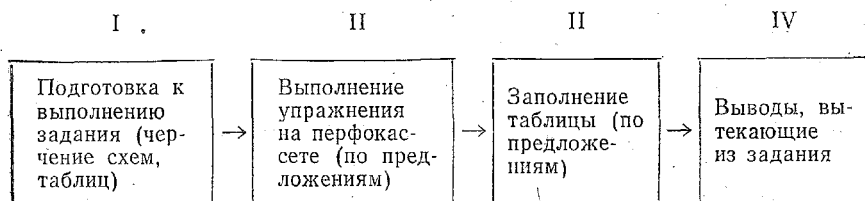
Возрастные особенности учащихся пятых классов: рассеянность внимания, недостаточно развитое абстрактное мышление, стремление к разнообразному действию требует от педагога такой организации работы, составления таких упражнений, которые не давали бы учащимся возможности отвлекаться от их выполнения, которые своей четкой структурой наталкивали бы учащихся на выводы, на некоторую абстракцию и в ходе выполнения которых ученику приходилось бы проделявать разнообразные рабочие операции: чертить таблицы, писать, перфориловать.

Так как многошаговые упражнения для перфокассеты отвечают всем приведенным выше требованиям, то представлялось целесообразным использовать их в первую очередь в пятом классе.

Ниже рассматриваются составленные нами многошаговые задания.

¹ Упражнения посвящались эстонскому герою Йозепу Лаару, Юрию Гагарину, Дню 8 марта.

Задания, которые завершаются грамматическими выводами, содержат в себе следующую последовательность рабочих операций:²

На наш взгляд, таблицы создают сравнительно благоприятные условия для расчленения грамматического материала, что, в свою очередь, способствует созданию у учащегося целостного представления об особенностях употребления того или иного падежа и тем самым облегчает его усвоение. Так, например, первые многошаговые задания составлялись нами на винит. падеж. Основную трудность при усвоении винит. падежа составляет одушевленность слов мужского рода, так как в эстонском языке одушевленность предмета грамматически не выражена. Вторая трудность связана с интерференцией глаголов, которая на каждом шагу предлагает учащемуся ложную аналогию с родным языком.

Исходя из этого, мы предложили учащимся самим на основе таблицы сравнить окончания женского и мужского рода в винительном падеже единственного числа. Для примера приводится часть упражнений № 19.

Задание № 19

I Нарисуй в тетради следующую таблицу:
Винит. падеж ед. числа

Ж. род одушевл. предм.	Ж. род неодушевл. предм.	М. род одушевл. предм.	М. род неодушевл. предм.

II. Выполни задание на перфокассете и все имена существительные в винительном падеже занеси в соответствующую графу таблицы по предложениям. Окончания подчеркни красным карандашом. Проследи, чем отличаются существительные мужского рода в винит. падеже от существительных женского рода в том же падеже.

² Часть заданий не содержит в себе таблиц и схем.

Выбери правильное окончание

- I — II -а III -у IV (два последних окончания при этом коде не перфорируются) V
- 1) Зимой я каждый день должен топить (печка).
 2) Врач лечит (сестра).
 3)

III. На основе заполненной таблицы напиши:

- а) какое окончание имеют слова женского рода (одушевленные и неодушевленные) в винительном падеже единственного числа?
 б) какое окончание имеют слова мужского рода (одушевленные) в винительном падеже единственного числа?
 в) какое окончание имеют слова мужского рода (неодушевленные) в винительном падеже единственного числа?
 г) от чего зависят окончания существительных мужского рода в винительном падеже единственного числа?

Задание № 19 явилось первым в серии многошаговых заданий. Аналогично были составлены и задания № 20 и 21. Задание № 22 посвящено винительному падежу множественного числа, № 23 — повторению склонения существительных мужского рода в ед. и мн. числе.

Многошаговые задания могут иметь и итоговый характер. Так, например, задание № 44 посвящено повторению предлогов, требующих род., дат., винит. и тв. падежей. Ниже приводится часть задания № 44.

Задание № 44

I. Нарисуй следующую таблицу:

Род.	Дат.	Вин.	Твор.

II. Выполни упражнение на перфокассете. Предлоги занеси в нужную графу таблицы.

- I — II — III — IV — V
 -у -ом -а -ой -ы

- A. 1) Самолет летит над город....
 2) Отец приехал из Москв....
 3) У магазин... остановка автобуса.
 4)
 5)

III. Вспомни, какие предлоги еще требуют родительного падежа. Занеси их в таблицу.

IV. Проверь правильность своей таблицы на странице 244 учебника.

Ряд заданий содержит в себе элементы противопоставления, сравнения. Предполагается, что это способствует лучшему усво-

ению грамматического материала. Так, например, на упражнении № 35 можно проследить за различием в падежных окончаниях дательного и творительного падежей, а в конце задания на основе таблицы нужно сделать вывод о том, какие окончания выступают в дательном, какие в творительном падеже. В упражнении № 28 на выбор предлагаются предлоги *из — с, в — на*, правильное употребление которых представляет серьезную трудность для учащихся-эстонцев.

Многошаговые задания описанного типа практиковались во всех группах экспериментальных классов; чаще всего они давались учащимся средних и сильных групп для самостоятельной работы.

Многошаговые задания, способствующие развитию устной и письменной речи учащихся

Характерной чертой этой группы заданий была тематическая целостность. По своей тематике задания имели непосредственную связь а) с текстами учебника, дополняли и расширяли некоторые из них («Эстонский герой Йозеп Лаар» — упр. 24, 25, 26; «Честный пионер» — упр. 20; «Ленин в тюрьме» — упр. 40);

б) с работой и занятиями учащихся: («После школы» — упр. 27, 28); «Наши мамы» — упр. 42);

в) со знаменательными датами: («8 марта» — упр. 31, «Юрий Гагарин» — упр. 39).

По своему содержанию названные задания распадаются на две группы:

а) первая группа упражнений состоит из двух частей — упражнения на перфокарсете и задания к нему;

б) вторая группа содержит в себе перед заданием по развитию речи и грамматическое задание, вытекающее из связного текста.

Последняя группа заданий является более трудной и поэтому такие задания прежде всего выполнялись учащимися III группы. Так, например, в упражнении № 39 «О Юрии Гагарине» нужно проделать следующие рабочие операции:

1. Нарисовать таблицу для определения падежей.
2. Выполнить упражнение на перфокарсете (сводный текст из 60 предложений о Ю. Гагарине), существительные в скобках занести в правильную графу таблицы.
3. Проверить правильность составленной таблицы.
4. Пересказать текст упражнения соседу по парте.

Первая группа упражнений, как правило, завершалась устным заданием по развитию речи типа «перескажи текст соседу по парте». Пересказ более сложных текстов подготавливался составлением предварительного плана пересказа. В некоторых

случаях устное задание непосредственно не вытекало из текста упражнения, а было своего рода стимулом для собственных «размышлений» каждого учащегося. Так, например, в конце задания № 31, в котором рассказывается о том, как дети с отцом поздравили маму в день 8 марта, индивидуальным заданием для развития речи было написать:

- а) как ты поздравил маму?
- б) что ты подарил маме?
- в) как ты помогаешь маме?

Задания, связанные с жизнью самих учащихся, охотно выполняются ими, однако они требуют определённого уровня знаний по русскому языку.

Упражнение № 40 (О Ленине) составлено в несколько ином плане. Оно состоит из двух частей: первая часть — связный текст о Ленине с пробелами, вторая часть — составленная также для перфокартеты — является повторением первой части в форме вопросов и ответов. Вопросы и ответы нужно грамматически оформить.

Для примера приводится часть упражнения № 40.

I Выполни задание на перфокартете

I	II	III	IV	V
-и	-и	-ами	-ом	-ой

- A. 1) Когда В. И. Ленин был в тюрьме, он писал (книга).
2) Но у В. И. Ленина не было (ручка).
3) Он решил писать (молоко).
4) Надо было писать под (строчки) старой книги.
5) (бумага) тоже не было.
6)
7)

II На следующие вопросы ответить письменно. Смотри в учебнике § 26.

- 1) Какими (чернила) В. И. Ленин писал в тюрьме?
- 2) Почему В. И. Ленин писал (молоко)?
- 3) Почему у него не было (ручка)?
- 4) Какими («чернильницы») он питался?
- 5)

III Ошибки выпиши на карточку ошибок.

Задание № 40 было предназначено для работы в группе сильных учащихся, которые хорошо справились с предложенным видом работы. Об этом свидетельствуют работы учеников. Для примера приводится работа ученицы Маэ М.

- 1) В тюрьме В. И. Ленин писал «белыми» чернилами.
- 2) ... потому что точками писать было трудно.
- 3) Ручки ему не дали.
- 4) «Чернильницы» были из хлеба.
- 5) Он слышал шаги.
- 6) В тюрьме Ленин писал первую Программу нашей коммунистической партии.
- 7) Ленин посылал книги сестре и Надежде Крупской.
- 8) — (нет ответа).

Во всех работах учащихся были записаны и вопросы. Как правило, в вопросах ошибок не было, так как правильность падежных окончаний проверялась учащимися на перфокассетах. Приведенное упражнение (40) состояло из тех основных кадров и содержало в себе несколько трудностей. Поэтому оно и было предложено для работы в группе сильных учащихся.

Итак, многошаговые упражнения, которые завершались заданием по развитию речи, содержат в себе и довольно значительную грамматическую информацию, подлежащую закреплению. Правильность заданий по развитию устной и письменной речи во многом зависит от того, как усвоена грамматическая информация, как выполнено основное задание. Перфокассета, безусловно, способствует усвоению правильной грамматической информации, так как ученик сразу узнает свою ошибку и может ее исправить. Но было бы наивным считать, что в задании по развитию устной речи совсем исключена возможность ошибаться. Основная цель заданий по развитию речи — создать условия для целенаправленной речевой практики, включающей в себе лексико-грамматические конструкции, подлежащие закреплению. Реализация устных заданий в большинстве случаев происходила в форме попарной беседы. Учащиеся пересказывали друг другу небольшие рассказы, задавали вопросы и отвечали на них. Указанный методический прием, на наш взгляд, является одним из удачных приемов активизации учащихся в процессе усвоения знаний, так как одновременно в попарную беседу включаются многие ученики. Работа в группах, со своей стороны, способствует тому, что попарная беседа является посильной для учащихся (между собой беседуют учащиеся одинаковых учебных возможностей).

Основными положительными сторонами многошаговых заданий можно считать следующие:

1. Разнообразие рабочих операций, что способствует активной работе учащихся.

2. Так как в основе задания, как правило, лежит таблица или схема, в которую заносится расчлененная на основе сравнения и противопоставления грамматическая информация, то создаются благоприятные условия для самостоятельных выводов и обобщений, к которым ученики приходят путем индукции.

3. Тематическая целостность заданий способствует организации речевой практики в форме попарной беседы, успех которой во многом зависит как от самого текста, так и от постановки вопросов, стимулирующих беседу учащихся.

Приведенные выше положительные моменты подтверждают целесообразность использования многошаговых заданий с перфокассетой в рамках самостоятельной работы учащихся на уроке.

Упражнения — карточки

Упражнения—карточки с ключом на внутренней стороне использовались нами в ходе обучающего эксперимента как дидактический раздаточный материал для ликвидации пробелов в знаниях учащихся.

Первый набор карточек, используемых нами в обучающем эксперименте, составлялся на склонение имен существительных с учетом тех трудностей, которые возникают у учащихся-эстонцев в ходе усвоения системы склонения. Основой для отбора лексико-грамматического материала послужили протоколы учета ошибок, составленные во время пробного эксперимента. При составлении дидактических карточек мы исходили из следующих основных требований:

1. Каждая карточка должна содержать одну единицу грамматической информации (один предлог, глагол и т. д.).

2. В упражнении—карточке не должно быть незнакомых слов, затрудняющих усвоение новой грамматической информации.

3. Активизация лексико-грамматических конструкций должна происходить по принципу возрастающей трудности.

4. В упражнениях—карточках должен быть соблюден принцип преемственности, обеспечивающий связь между отдельными упражнениями.

Основной набор карточек представляет собой дидактический раздаточный материал, который составлялся на разных уровнях трудности. Степень трудности определялась лексико-грамматическим содержанием упражнения, которое имело следующие основные разновидности:

1) грамматическая единица + имена существительные одного рода и числа;

2) грамматическая единица + имена существительные, представленные и в мужском, и в женском роде ед. числа;

3) грамматическая единица + имена существительные, представленные и в мужском, и в женском роде ед. и мн. числа.

Кроме основного набора карточек, имелся и дополнительный набор, который расширялся после каждого экспериментального урока. При определении лексико-грамматического содержания карточек пришлось, с одной стороны, учитывать ошибки, допущенные в ходе выполнения экспериментальных упражнений, с другой, трудности, связанные с усвоением программного материала по русскому языку вообще. Дополнительные упражнения—карточки были составлены на цветной бумаге, чтобы обеспечить оперативную раздачу их на уроке.

Разновидности дополнительных карточек те же самые, что и при основном наборе.³

³ См. подробнее об этом на стр. 181—182.

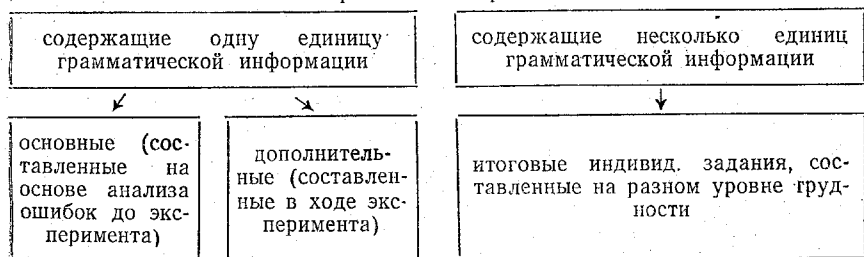
Кроме основных и дополнительных упражнений—карточек, нами составлялись и т. н. итоговые упражнения—карточки с учетом типичных ошибок, допущенных учащимися за определенный промежуток времени (включались и обучающий, и контрольный эксперименты). Отличительной чертой названного вида карточек было то, что они содержали в себе несколько единиц грамматической информации, выраженной в предложениях. При этом задания давались на разном уровне трудности, в то время как первая группа карточек составлялась на одном уровне трудности. Итоговые упражнения—карточки были составлены с учетом конкретного адресата.

Ниже приводится классификация упражнений—карточек и их основные образцы:

Схема 1

Основные типы упражнений—карточек

Упражнения—карточки

Образцы упражнений—карточек

I группы

лицевая сторона (открытая)

несколько	марка тарелка шапка вилка
-----------	------------------------------------

внутренняя сторона (закрытая)

несколько	марок вилок тарелок шапок
-----------	------------------------------------

Образцы упражнений—карточек

II группы

лицевая сторона (открытая)

<p>I Подчеркни слово в винит. падеже</p> <p>1) Антс купил журнал</p> <p>2) Пионеры ходили в поход</p> <p>3) Я рисую розу</p>
<p>II Выпиши окончание существительных</p> <p>1) Сегодня в школе нет Антс...</p> <p>2) Антс уехал к бабушк...</p> <p>3) У бабушк... день рождения</p>

внутренняя сторона (закрытая)

<p>I Выполненное задание</p> <p>1) Антс купил журнал</p> <p>2) Пионеры ходили в поход</p> <p>3) Я рисую розу</p>
<p>II Выполненное задание</p> <p>1) Сегодня в школе нет Антса</p> <p>2) Антс уехал к бабушке</p> <p>3) У бабушки день рождения</p>

III Ответь на вопросы.

- 1) Кому ты подарил книгу?
(друг, подруга).
- 2) С кем ты ходил на каток?
(брат и сестра).
- 3) Кому ты помогаешь дома?
(отец, мама).

III Выполненное задание

- 1) Я подарил книгу другу и подруге.
- 2) Я ходил на каток с братом и сестрой.
- 3) Дома я помогаю отцу и маме.

Как видно из схемы, упражнения—карточки второй группы составлялись на трех уровнях трудности.

Основным преимуществом упражнений-карточек можно считать то, что они являются удобным средством для направления индивидуальной самостоятельной работы учащихся в зависимости от характера допущенных ошибок. Этим они способствуют ликвидации пробелов в знаниях учащихся.

Одно- и многошаговые задания, выполняемые без перфокассеты

Одношаговые упражнения той группы в преобладающем своем большинстве представляют собой задания к учебникам. Привитие учащимся навыков самостоятельной работы с книгой имеет большое воспитательное значение, ибо оно развивает самостоятельное логическое мышление учащихся, умение сравнивать, анализировать, обобщать. Все без исключения задания типа I₃ являются грамматически целенаправленными. Практиковались следующие виды заданий:

а) найди в тексте учебника переходные глаголы и напиши их вместе с существительными в тетрадь, дома напиши небольшой пересказ с использованием данных слов;

б) найди в тексте учебника существительные в родительном падеже и запиши их в тетрадь. Дома составь 5—8 предложений с данными существительными по своему выбору;

в) все существительные из отмеченного текста учебника занеси в следующую таблицу:

И.	Р.	Д.	В.	Тв.	Пр.

Домашнее задание — составь небольшой рассказ с данными существительными на выбор.

Таким образом, одношаговые задания к текстам учебника, выполняемые на уроке, благодаря домашнему заданию, стано-

вятся двушаговыми. Если классное задание к учебнику имеет строго грамматический характер, то домашнее задание имеет лексико-грамматический характер.

Следует отметить, что одношаговые задания давались и помимо текстов учебника. В таком случае они были тесно связаны с грамматическим материалом, который проходил на уроке. Задания давались на листке, который проходил на уроке и правильный ответ, который, как правило, помещался в конверте. Такие задания составлялись на разном уровне трудности. Для сравнения приводятся образцы некоторых из них.

I Открой скобки

1) У нас в классе 23 (мальчик).

2) Из них 22 (пионер).

3)

II Ответь на вопросы, используя существительные в скобках

1) У кого сегодня день рождения? (Март).

2) Что Антс купил в магазине? (книга, альбом, ручка).

III Составь предложения в винит. падеже. Используй данные слова: лес, корзина, грибы, лиса, заяц и др.

Как правило, одношаговые задания не требовали от учащихся напряженной мыслительной работы, поэтому они не очень часто практиковались. Связь классного задания с домашним являлась необходимым условием достижения целостности задания и преемственности между работой учащихся в классе и дома.

Многошаговые задания (без перфокарты)

Многошаговые задания, состоящие из нескольких доз грамматической информации, представляют собой ступенчатое упражнение, при составлении которого кроме общедидактических требований, учитывались и требования, предъявляемые к упражнениям, построенным по принципу программирования.⁴

Из принципа программирования мы исходили главным образом потому, что он, с одной стороны, гарантирует учащемуся внутреннюю обратную связь, стимулирующую его самостоятельную работу, а, с другой стороны, облегчает работу учителя на уроке, когда класс разбит на три группы.

Мы старались придерживаться следующих конкретных требований, которые, на наш взгляд, являются основными условиями, обеспечивающими формирование знаний, умений и навыков учащихся на данном лексико-грамматическом материале.

1. Инструкция о выполнении задания должна быть не только понятной для каждого учащегося, но и активизировать его внимание.

⁴ См. об этом: Т. А. Ильина, О методике разработки программированных учебных материалов. Материалы лекции, прочитанной на факультете программированного обучения при Политехническом музее в 1966 году. Изд. «Знание», М., 1967.

2. В упражнении нужно исходить из принципа: от известного к неизвестному, от простого к сложному.

3. В каждом кадре, по крайней мере в первых, основной упор нужно делать на одну трудность.

4. Для более эффективного закрепления новых лексико-грамматических конструкций должны использоваться различные методические приемы: составление предложений, вопросов и ответов, диалогов, рассказов с опорными словосочетаниями и т. д.

5. Задания должны завершаться некоторыми выводами, обобщениями, базирующимися на противопоставлении, сравнении отдельных упражнений, требующих от учащихся более целенаправленной мыслительной работы.

Ниже рассматривается, как указанные требования выполнялись.

1. Чтобы с самого начала активизировать внимание учащихся и обеспечить доступность задания, инструкция о работе давалась на родном языке. Последняя фраза инструкции, как правило, содержала в себе короткое описание цели работы. Например, в задании № 3: «на основе данного задания ты должен сделать некоторые выводы об употреблении предлогов «из» и «с», поэтому работай внимательно».

В некоторых случаях нам удалось создать в конце инструкции некоторую проблемную ситуацию, поставить перед учащимися проблемный вопрос, который, по мнению ряда авторов, стимулирует познавательную активность учащегося.⁵ Инструкция содержала в себе самые общие указания о порядке выполнения работы. Например: «Упражнения выполняются в той последовательности, в которой они представлены. Сразу же после выполнения первого задания проверь правильность своей работы под номером 0—I (Ответ I). Исправь ошибки и занеси их на карточку учета ошибок. Только после этого приступай к упражнению № 2». Кроме общих указаний, содержащихся в инструкции, перед каждым упражнением давались конкретные (частные) советы о выполнении того или иного упражнения. Мы стремились к тому, чтобы инструкции были как можно лаконичнее, ибо учащиеся, как правило, живо интересуются самим содержанием заданий и при слишком развернутой инструкции не исключена возможность, что никто не будет ее читать.

2. Многошаговые задания состояли из нескольких кадров. Оптимальным объемом задания можно считать 3 кадра. При

⁵ Д. Айзерман, При включенном разуме, «Нар. образование», 1967, № 3, стр. 26—33; Д. Вилькеев, Роль гипотезы в обучении, «Сов. педагогика», 1967, № 6, стр. 59—67; С. Жуйков., Проблема активизации учащихся в психологии обучения, «Сов. педагогика», 1968, № 2, стр. 68—80; А. Кирсанов, Как совершенствовать умственный труд учащихся, «Нар. образование», 1966, № 8, стр. 28—35; М. Марков, О проблемном обучении, «Сов. педагогика», 1967, № 7, стр. 98—105; А. Махмутов, Развитие познавательной активности, «Нар. образование», 1963, № 8, стр. 29—40.

большем количестве кадров учащиеся не успевают делать выводы в конце работы.

Сама структура заданий, их многошаговость способствует построению упражнения по принципу от неизвестного к известному, от простого к сложному. Первые кадры были самыми простыми. Часто они содержали сигнальные слова, которые помогали учащимся сделать правильные выводы. Так, например, в первом кадре задания № 3 (предлоги «с» и «из») дается следующее упражнение:

Выбери правильный предлог — «с» или «из».

Напиши предложения в тетрадь.

1) Летом пионеры были в лагере.	1) Они приехали лагеря.
2) Дети сидели в автобусе.	2) В городе они вышли автобуса.
3) В чемодане был подарок для мамы	3) Я взял чемодана подарок.
4)	
5)	

В качестве сигнального слова в предложениях первого ряда выступает предлог «в».

Во втором кадре задания № 3 даются рисунки с изображением предметов. Нужно написать: а) где эти вещи (предметы)? б) откуда ты берешь эти вещи (предметы)? Рисунки помогают ученикам найти правильный ответ.

Третий кадр был более трудным, так как нужно было ответить на вопросы:

1) Где работает твой папа?
(автобаза)
(аэродром)
(колхоз)	2) Откуда папа приходит после работы?
3) Где работает твоя мама?
(фабрика)
(театр)
(магазин)
(контора)	4) Откуда приходит мама после работы?

На основе приведенных трех кадров ученикам предлагается сделать следующие небольшие выводы:

1. Когда в русском языке употребляется предлог «из», когда «с»?

2. Когда вместо «с» выступает «со»?

Выводы делаются на эстонском языке.

Мы старались строить кадры так, чтобы они отвечали требованиям постепенного усложнения заданий. Первый кадр давался на уровне знания, второй — на уровне умения, третий — на уровне навыка. Нам представляется, что об уровне полной трансформации знаний в пятом классе, когда учащиеся только еще приступают к систематическому изучению падежей, еще не может быть речи. Для полной трансформации, на наш взгляд, требуется, с одной стороны, наличие определенного лексического запаса, с другой стороны, наличие целостного представления о

грамматической системе русского языка. Наши задания завершались упражнениями на уровне навыка. Так, например, в задании № 8, посвященном винительному падежу, требуется составить рассказ «Расскажи, куда ты ходишь по воскресеньям». В качестве опорных слов предлагались слова: кино, каток, библиотека, поход, прогулка, магазин, театр. Последний кадр был подготовлен тремя предшествующими кадрами:

I. Закончи предложения

- 1) Дети вышли из автобуса. Они вошли автобус.
- 2)

II. Ответь на вопросы. В ответах используй существительные в скобках:

- 1) Куда пошел отец? (фабрика)
- 2) Куда поехал брат? (Москва)
- 3) Куда пошли ученики? (урок)
- 4)

Если в задании № 2 были ошибки, выполни еще задание № 3.

III. Напиши!

- 1) Куда ходит Апте? (школа)
- 2) Куда ходят мальчики? (каток)
- 3) Куда ходят дети? (магазин)
- 4)

Таким образом, более слабые учащиеся, которые допустили ошибки в задании № 2, до составления рассказа (заключительного задания) должны были выполнить еще одно упражнение, содержащее трудный для эстонских учащихся глагол *ходить*, который выступает и в заключительном задании.

Следует, однако, отметить, что далеко не во всех заданиях представлены разные уровни трудности. Например, в том же задании № 8 отсутствуют кадры на самом низком уровне усвоения, так как группа сильных учащихся (III группа), для которой было предназначено упражнение, способна усвоить материал на более высоком уровне обученности. Мы предполагаем, что наличие кадров на всех уровнях трудности обязательно в двух случаях:

а) при наличии исключительно сложного грамматического материала, подлежащего усвоению;

б) при слабом контингенте учащихся.

Итак, в заданиях учитывалось требование — от простого к сложному.

3. Требование одной трудности учитывалось и при составлении уже описанных нами заданий. Если в упражнениях для перфокассеты нужно сочетать возможности перфокассеты (количество выборов) с основными дидактическими требованиями, то многошаговые задания без перфокассеты создают больше возможностей для выбора в каждом кадре одной основной трудности. Так, например, в задании № 9 I кадр посвящен дательному падежу ед. числа, II кадр — дательному падежу мн. числа,

III кадр — дательному падежу ед. и мн. числа. В задании № 3:
I кадр — предлог «из» с родительным падежом, II кадр — предлог «с» с родительным падежом, III кадр — предлоги «с» и «из» с родительным падежом.

Экспериментальные задания имеют лексико-грамматический характер. Однако лексика заданий не должна создавать дополнительных трудностей. Поэтому мы и не включали в задания неизвестных для учащихся слов. Последние отвлекали бы внимание учеников от усвоения грамматической информации, содержащейся в упражнении.

Заключительные кадры, однако, содержали в себе несколько трудностей, так как они должны были показать нам знания учащихся на более высоком уровне, умение использовать знания, полученные в результате выполнения первых упражнений, при решении задач, поставленных перед учащимися в последнем кадре.

4. Разнообразие методических приемов не является самоцелью, а одним из средств повышения эффективности обучения, так как оно является одним из необходимых условий включения учащихся в активную мыслительную работу.

Ниже рассматриваются основные типы многошаговых заданий на трех уровнях трудностей.

На первом уровне трудности были предложены примерно следующие виды заданий:

- а) выпиши из текста упражнения слово в нужном падеже;
- б) подчеркни в тексте (дается в упражнении) слово в требуемом падеже;
- в) выпиши из текста учебника определенные слова.

Как видно из примеров, на этом уровне были использованы лишь некоторые методические приемы, так как многошаговые задания составлены в основном для работы в группе сильных и средних учащихся, и поэтому содержали минимальное количество заданий на первом уровне трудности.

На втором уровне давались следующие задания:

- а) Напиши, чего здесь нет.
Здесь нет парт..., бумаг..., учебник....
- б) Чьи это вещи?
Галстук Виктор...
Книга учительниц...
- в) Для кого эти вещи?
Подарок для мам...
Цветы для брат...
- г) Слово «километр» употреби в правильном падеже;
220 километр...
186 километр...
90 километр...
- д) Слова, взятые в скобки, поставь в правильном падеже.
Брат старше (сестра).
- е) Определи падеж.

На третьем уровне трудности в основном использовались следующие методические приемы:

- а) составь вопросы к картинке;
- б) составь предложения из следующих слов;
- в) закончи предложения;
- г) ответь на вопросы, используя существительные в скобках;
- д) ответь на вопросы с опорой на картинки;
- е) составь рассказ с использованием опорных слов;
- ж) составь рассказ по картинкам;
- з) ответь устно на вопросы, приведенные в упражнении;
- и) перескажи текст упражнения соседу по парте.

Выполнение приведенных заданий требует от учащегося большей мыслительной работы, чем выполнение заданий на втором и первом уровнях. Предполагается, что перечисленные методические приемы способствуют формированию знаний на уровне навыка. Заданиям на уровне навыка должны предшествовать задания на уровне умения, так как только после определенного количественного накопления знаний на уровне умения возможен переход к новому качеству.

5. Учет пятого требования к упражнениям связан с предположением, что осознание цели работы способствует повышению активности внимания учащегося. Если ученик знает, что в конце задания ему предстоит сделать определенные выводы, он будет работать более целенаправленно. Выводы и обобщения непосредственно вытекали из заданий. (Чтобы обеспечить доступность задания, выводы составлялись учеником на родном языке.) В своем преобладающем большинстве выводы представляли собой закрепление той грамматической информации, которая содержится в данном параграфе. Иногда они выводили ученика за программные требования данного класса. Так, например, в задании № 4 (на повторение предлогов «от» и «до») центральным было упражнение № 2 (карта Эстонской ССР с обозначением городов, часть которых склоняется). В конце задания ученикам предлагается сделать вывод, какие названия эстонских городов склоняются и какие не склоняются. Это делалось учащимися III группы довольно легко, так как правильность выполненного упражнения № 2 до этого уже была установлена.

Как правило, выводы стояли в конце задания, так как они вытекали из ряда упражнений. В некоторых случаях выводы давались в конце каждого отдельного упражнения. Такие задания практиковались преимущественно в группе слабых учащихся, не привыкших к самостоятельным выводам. Впоследствии эта группа также приучилась к небольшим обобщениям.

В начале эксперимента выводы и обобщения составлялись по-эстонски, чтобы неполное владение русским языком не послужило причиной неправильных выводов. В конце эксперимента выводы составлялись учениками на русском языке.

Задания для самостоятельной работы не были одинаковыми как по своему объему, так и по степени трудности и возможностям осуществления обратной связи. Это позволило использовать их в разных группах учащихся экспериментальных классов и на разных этапах экспериментального урока.

Так, например, в первой группе преобладали задания, которые выполнялись с помощью перфокассеты, обеспечивающей учащимся оперативную внутреннюю обратную связь и позволяющей за сравнительно короткое время проработать относительно много грамматической информации. Предполагается, что, с одной стороны, внутренняя обратная связь стимулирует работу ученика, а для слабых учеников это особенно важно, с другой стороны, слабые учащиеся нуждаются в большем количестве тренировочного материала. Упражнения с перфокассетой позволяют за равное количество времени проработать большее количество грамматической информации, чем традиционные упражнения.

Во второй группе чаще всего практиковались задания типа I_1 , II_1 (с перфокассетой), а также задания типа I_3 , II_3 , которые дали нам возможность чередовать более сложные задания с менее сложными и постепенно усложнять работу учащихся этой группы.

В третьей группе, которая с самого начала эксперимента большую часть урока работала самостоятельно, практиковались более длинные и сложные задания. Преобладали задания типа

Таблица 2

Дидактические возможности экспериментальных заданий

Основные этапы уч. процесса	Типы заданий	Одношаговые с перфокассетой	Многошаговые с перфокассетой	Упражнения-карточки	Одношаговые задания к учебникам	Многошаговые задания
Усвоение новых знаний		—	+	—	+	+
Закрепление знаний и выработка умений и навыков		+	+	+	+	+
Контроль усвоения		+	+	—	+	+

Пз. Следует отметить, что III группа учащихся охотно работала и с перфокассетой, хотя этой группе только иногда давались такие задания.

Ниже дается характеристика основных дидактических возможностей используемых нами экспериментальных заданий.

Все наши экспериментальные упражнения использовались на закрепление пройденного лексико-грамматического материала с учетом учебных возможностей трех групп учащихся. При этом функция закрепления непосредственно связывалась с функцией контроля. Этому содействовало то обстоятельство, что преобладающее большинство заданий было составлено с использованием элементов программированного обучения. Так как при программированном обучении контроль приобретает обучающее значение (благодаря обратной связи), можно считать, что все используемые нами в рамках обучающего эксперимента упражнения явились обучающими.

Методика проведения экспериментальных уроков

Уроки в системе обучающего эксперимента проводились примерно по следующей структуре (схема 2).

Соотношение фронтальной и индивидуальной работы в группах определялось учебными возможностями учащихся. С самых первых уроков это соотношение было в пользу индивидуальных заданий. Средних и слабых учащихся приходилось постепенно приучать к индивидуальной и самостоятельной работе. Поэтому представлялось целесообразным, чтобы индивидуальная самостоятельная работа имела определенную динамику — от полусамостоятельных заданий, выполняемых под непосредственным руководством учителя, к самостоятельным заданиям, выполняемым на уроке согласно индивидуальному темпу работы и учебным возможностям каждого отдельного учащегося.

Группа слабых учащихся, которой была свойственна неуверенность в своих силах и способностях, а также непривычка к самостоятельной работе, нуждалась в постоянном поощрении со стороны учителя. С этой целью был использован прием комментирования, требующий самостоятельных рассуждений, умения сравнивать, обобщать и подготавливающий таким образом учащихся к большей самостоятельности. Структура экспериментальных уроков всячески способствовала учету индивидуальных особенностей учащихся всех трех групп.

Фронтальная работа в начале урока использовалась на устное повторение пройденного грамматического материала, активизации которого была посвящена последующая индивидуальная работа учащихся.

Примерная структура урока

Группа № 3 (сильные)	Группа № 2 (средние)	Группа № 1 (слабые)
Фронтальная работа	Фронтальная работа	Фронтальная работа
Выполнение индив. заданий	Выполнение индив. заданий	Выполнение индив. заданий
Обратная связь	Обратная связь	Обратная связь
Закрепление	Закрепление	Закрепление
Дом. задание	Дом. задание	Дом. задание

Из фронтальной работы прежде всего была выключена III группа, получив задание для самостоятельного выполнения. Фронтальная работа продолжалась со средней и слабой группами. Затем получали задание учащиеся II группы. Учитель продолжал фронтальную работу с группой слабых, которая последней приступает к самостоятельной работе.

Описанная нами ступенчатая фронтальная работа способствовала учету индивидуальных особенностей учащихся всех трех групп. Группа слабых, нуждающаяся в большей помощи, работала под непосредственным руководством учителя до 15—20 минут и только после этого получала индивидуальное задание. III группа, которая, как правило, быстрее усваивает материал и требует помощи со стороны учителя, после пятиминутной фронтальной работы включалась в более сложную самостоятельную работу. Средняя группа участвовала во фронтальной работе от 5 до 10 минут, в зависимости от степени сложности грамматического материала.

Чтобы поддерживать интерес учащихся, все время сменялись приемы фронтальной работы. В основном использовались следующие методические приемы устного повторения:

- а) ответы на вопросы учителя по картине;
- б) создание ситуаций;
- в) составление рассказов;
- г) инсценировки (в магазине, почтальон, день рождения и др.).

Организационный момент.

За фронтальной работой следовал организационный момент, который использовался на раздачу упражнений, перфокассет и небольшой инструктаж. Наш опыт свидетельствует о том, что раздача упражнений в начале урока не оправдывает себя, ибо она отвлекает учащихся от фронтальной работы.

Выполнение индивидуальных заданий

На выполнение индивидуальных заданий уходило в среднем от 15 до 40 минут в зависимости от характера и объема материала. Задания были составлены с учетом принципа возрастающей трудности. При этом во второй и первой группах мы старались чередовать сложные задания с более простыми, чтобы чрезмерной трудностью не отбить интерес учащихся к работе. Чаще всего практиковались задания с элементами программирования (задания, выполняемые на перфокассете, упражнения с ключом и т. д.), так как предполагалось, что обратная связь будет стимулировать работу учащихся.

Обратная связь организовывалась по-разному. Внутренняя обратная связь лежала в основе работы с перфокассетой. О правильности выполненного упражнения свидетельствует прокол в бумаге. Таким образом самая регулярная обратная связь была обеспечена в первой группе, которая преобладающее большинство заданий выполняла на перфокассете.

Значительная часть заданий второй группы также была составлена для перфокасеты.

Третья группа, которая в основном выполняла многоступенчатые задания с ключом, получала внутреннюю обратную связь после выполнения каждого упражнения путем распечатания конвертов, в которых имелись листочки с правильными ответами. Ученики III группы сами фиксировали свои ошибки на карточках учета ошибок, что послужило основой для осуществления внешней обратной связи. На основе карточек учета ошибок отбирался лексико-грамматический материал, требующий закрепления в конце урока. Карточки учета ошибок использовались и для составления новых упражнений.

Таким образом самая регулярная внутренняя обратная связь (пошаговая) была обеспечена в первой и во второй группах. Для учащихся этих групп обратная связь, как внутренняя, так и внешняя, послужила большим внутренним стимулом для серьезной самостоятельной работы.

Внутренняя обратная связь в III группе учащихся, как правило, осуществлялась после выполнения каждого из заданных упражнений и таким образом не была такой оперативной (пошаговой), как это было в I и во II группах.

Закрепление наиболее трудных словосочетаний производилось на основе конкретного лексико-грамматического материала, который представлял наибольшую трудность для учащихся. Чаще всего закрепление производилось у доски, где были зафиксированы слова и выражения, требующие повторения. С данными словами составлялись предложения, коллективные рассказы. При этом во время закрепления организовывались конкурсы между рядами, чтобы активизировать внимание учащихся; которое, как правило, к концу урока рассеивалось. Благодаря осуществлению внешней обратной связи, закрепление на уроке было более целенаправленным.

Задание на дом. Обычно применялись следующие виды домашних заданий:

- а) общее для всех учащихся задание, основывающееся на программном материале данного класса;
- б) групповое задание, учитывающее учебные возможности данной группы учащихся и дополняющее общее задание;
- в) индивидуализированное задание, базирующееся на характере типичных ошибок и пробелов в знаниях данного учащегося по русскому языку. Индивидуализированные домашние задания давались главным образом учащимся II и I групп.

Следует отметить, что мы не всегда придерживались такого соотношения отдельных частей урока. К концу обучающего эксперимента, когда усложнялись задания и для средней и слабой групп, соотношение фронтальной и индивидуальной работы изменилось в пользу последней и в I и во II группах. Время, отведенное на обратную связь в I группе, пришлось продлить, ибо группа слабых учащихся живо интересовалась результатами своей работы и настаивала на выставлении оценок сразу же после сдачи и проверки работ.

Результаты обучающего эксперимента подтвердили правильность внесенных нами изменений в структуру урока.

Основные требования, которые учитывались при проведении экспериментальных уроков, сводились к следующему:

Урок должен:

- 1) быть целостным и реализовать принцип единства обучения и воспитания. Целостность урока достигалась чередованием индивидуальной работы с коллективной в начале и в конце урока. Единство обучения и воспитания реализовалось содержанием применяемых на уроке упражнений;
- 2) поддерживать внимание и интерес учащегося в течение всего урока. Это достигалось:

а) путем постановки проблемных вопросов в ходе урока и в заданиях;

б) соответствием заданий учебным возможностям учащегося;

в) разнообразием применяемых методических приемов как в устной работе, так и в заданиях;

г) созданием моральных стимулов (переход в другую группу, получение более трудного задания и т. д.);

д) созданием условий для соревнования равного с равным внутри всех трех групп одного класса;

3) давать учащемуся в ходе и в конце работы четкое представление об уровне его знаний, умений. Это достигалось использованием на уроке программированных учебных материалов, заданий с ключом.

4) давать учителю достоверное представление о качестве полученных знаний, умений и навыков. С этой целью организовывалась выборочная внешняя обратная связь на каждом уроке.

5) отвечать программным требованиям и реализовывать принцип единства лексико-грамматической работы в рамках учебного плана данного класса. Выполнение этого требования реализовалось в календарном плане эксперимента и в составленных нами упражнениях.

Некоторые выводы

Для создания учащимся с разными учебными возможностями оптимальных условий работы нужна четкая организация урока в плане индивидуализации обучения. В целях реализации приведенного условия наиболее целесообразным представляется проведение уроков в дифференцированных группах.

Целостность таких уроков соблюдается сочетанием индивидуальной работы учащихся с групповой и коллективной. Удельный вес самостоятельной работы учащихся разных групп не одинаков. Если в группе сильных в течение всего обучающего эксперимента на самостоятельную работу отводилось 35—40 минут, то в группе слабых самостоятельная работа имела определенную динамику: от простых полусамостоятельных заданий, выполняемых под руководством учителя, к самостоятельным упражнениям разной сложности. К концу обучающего эксперимента количество и качество самостоятельных заданий в слабой группе учащихся заметно возросли. Предполагалось, что увеличение роли самостоятельной работы способствует оптимальному развитию указанной группы учащихся и сближению уровня знаний всех групп.

Успех индивидуализации обучения во многом зависит от качества учебного материала. При составлении экспериментальных упражнений учитывались основные требования советской дидак-

тики и возрастные особенности учащихся пятых классов. Рассеянность внимания, слабо развитое абстрактное мышление, стремление к разнообразному действию, свойственные подростковому возрасту, требуют от учителя составления таких упражнений, которые не давали бы учащимся возможности отвлекаться от их выполнения, которые своей четкой структурой наталкивали бы учащихся на некоторую абстракцию и в ходе выполнения которых ученику приходилось бы проделывать разнообразные рабочие операции: чертить таблицы, писать, перфорировать и т. д.

Составленные нами задания отвечали приведенным выше требованиям, поэтому представлялось возможным использование их на уроках русского языка в пятом классе эстонской школы.

Степень сложности задания определялась его лексико-грамматическим содержанием, объемом грамматической информации, количеством кадров и характером выводов, которые должны были сделать учащиеся на основе выполненного задания.

По своей структуре упражнения распадаются на одношаговые и многошаговые, выполняемые на перфокартете и без нее; упражнения, завершающиеся грамматическими выводами и завершающиеся заданием по развитию речи.

Выбор того или иного типа заданий зависит не только от характера учебного материала и целей урока, но и от воспитательных задач процесса обучения вообще и развития каждого отдельного учащегося в частности. Так, например, предполагалось, что задания с таблицами, схемами, требующие от ученика умения сравнивать, противопоставлять, обобщать, развивают логическое мышление.

Большинство заданий составлялось с использованием элементов программированного обучения, стимулирующего познавательную активность учащихся и способствующего лучшему управлению процессом обучения.

Для проверки эффективности предлагаемой нами методики обучающего эксперимента был проведен контрольный эксперимент, задания которого должны были показать степень усвоения надежных конструкций учащимися экспериментальных и контрольных классов, а также отдельными группами экспериментальных классов. Чтобы получить наиболее полное представление о качестве результатов работы, контрольный эксперимент состоял из заданий на трех уровнях («знания», «умения», «навыков»). В контрольных заданиях учебные возможности учащихся не учитывались.

Обсуждение результатов контрольного эксперимента не входит в задачи данной статьи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б. М. Гаспаров, Опыт классификации синтаксических структур современного русского языка на основе строения их парадигм . . .	3
Э. А. Вайгла, О разновидностях эмоциональной лексики . . .	77
Х. И. Хейтер, Именное словоизменение в русском говоре Ийзаку на территории северо-восточной Эстонии . . .	84
Е. И. Гурьева, Предложения, выражающие временные отношения в старославянском языке . . .	117
Е. И. Гурьева, Предложения, выражающие условные отношения в старославянском языке . . .	148
А. А. Метса, Методика обучающего эксперимента по индивидуализации обучения русскому языку . . .	168

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ XIV

Серия лингвистическая

На русском языке

Тартуский государственный университет.

ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор С. В. Смирнов

Корректор Е. И. Гурьева

Технический корректор Л. А. Аболдуева

Сдано в набор 16/V 1969 г. Подписано к печати 18/III 1970 г. Бумага фабрики «Кохила», типографская № 2. 60×90. 1/16. Печ. листов 12,25. Учетно-издат. листов 13,2. Тираж 500 экз. МВ 00245. Заказ № 3115.

Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. I.

Цена 1 руб. 20 коп.